Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 НОЯБРЯ 21

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № А—2122 Тираж 85.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота». Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23/а.

Через десять лет.

В своих «Уроках Октября» т. Троцкий в анализе факторов Октябрьского переворота «забыл» о «малости»: он, по сути дела, упустил из поля своего зрения *партию в целом*, как авангард пролетариата, руководящий переворотом. А партия в целом, несомненно, стояла в эти решающие исторические дни на тех идейных позициях, на которых стоял Ленин: ей, как и Ленину, не было нужды «идейно перевооружаться» и итти на поклон к троцкизму.

Это, конечно, не значит, что в рядах большевистской партии не было таких группок и теченьиц, которые не разделяли ленинских лозунгов периода подготовки и осуществления переворота. Такие теченьица имелись, и они отражали несомненное влияние меньшевизма на отдельных членов большевистской партии.

Отношение меньшевизма к Октябрьскому перевороту достаточно широко известно.

Меньшевики, утверждавшие, что революция 1917 г. является революцией буржуазной, не поняли тех громадных классовых сдвигов, которые произошли в экономическом и политическом развитии России между двумя революциями, и особенно изменений, внесенных мировой империалистической войной. Они не осмыслили того факта, что, с одной стороны, в революции 1917 года необычайно окрепли элементы социалистической революции, а, с другой стороны, того факта, что радикальное разрешение требований буржуазно-демократического характера не могло произойти без перехода к революции социалистической. Генеральная установка меньшевизма заключалась в линии на установление демократической буржуазной республики, а повседневная их тактика сводилась к «давлению» на буржуазию, к превращению пролетариата в «толкача» недостаточно решительной буржуазии, к превращению пролетариата в «исторический навоз» для буржуазии.

Именно эта линия лежит в основе политических выступлений меньшевизма за все время революции 1917 года. Они—вместе с эсэрами—добровольно уступали власть, концентрирующуюся в руках советов, буржуазному временному правительству; они видели верх революционности в политике «контактной комиссии», созданной для координации действий между советами и времен-

ным правительством, а на деле защищавшей интересы буржуазии; они «пугали» рабочих тем, что революционная политика большевизма может привести к свержению буржуазии, к тому, что пролетариат вынужден будет захватить власть в свои руки и очутится в исключительно тяжелом положении класса, который берет власть, не имея для этого об'ективных предпосылок, не имея возможности и условий для закрепления своей власти, для использования ее в интересах социализма.

Если в начале революции меньшевики имели влияние на рабочие массы, то обострение классовых противоречий в ходе самой революции свело ко времени Октябрьской революции влияние меньшевизма на-нет.

Зато внутри партии большевиков образовалось небольшое течение, возглавляемое, однако, довольно авторитетными членами партии, которые соскальзывали в основных вопросах политики на меньшевистские рельсы. Еще на так называемой апрельской всероссийской конференции большевиков, на которой подверглись обсуждению апрельские тезисы Ленина, обосновывающие необходимость передачи власти в руки советов, еще на этой конференции тов. Каменев возглавлял оппозицию против тов. Ленина и отстаивал ту точку зрения, что развернувшаяся буржуазно-демократическая революция не имеет тенденций к перерастанию в социалистическую революцию и что лозунг «вся власть советам» с программой для этих советов, в которой имеются требования социалистического характера, не отвечают требованиям исторического момента. Тов. Каменев указывал, что, так как главнейшим содержанием развернувшейся революции является аграрное движение, движение крестьянства против помещиков, то нельзя ставить вопрос о переходе власти в руки пролетариата. Таким образом, его позиция приближалась в своей основе к позиции меньшевиков. К Октябрьскому перевороту т. Каменев, сохранивший свою оценку характера революции,—оценку ее движущих сил, оценку, отличную от ленинской,—получил нового союзника в лице тов. Зиновьева. Каменев и Зиновьев восстали против Центрального Комитета партии, заявив, что они считают переворот преждевременным, что они не считают пролетариат достаточно сильным для захвата власти в свои руки, что они не могут оценить настоящий переворот, как переворот социалистический, как переворот, имеющий условия для закрепления своих завоеваний. Они предлагали составить правительство из представителей партий, представленных в советах, т.-е. из представителей меньшевиков, эсеров, народных социалистов и большевиков. Они восстали против утверждения пролетарской диктатуры.

Эта позиция Каменева и Зиновьева «обосновывалась» тем положением, что малочисленный пролетариат России не может, вовлечь крестьянство в борьбу против империализма, привлечь его на сторону диктатуры пролетариата, не может строить социализм в стране с преобладанием мелкобуржуазного населения. Они не поняли того факта, что даже разрешение требований, которые выставляли широкие массы трудящегося крестьянства, даже ликвидация крепостнического землевладения, даже обеспечение реформ буржуазно-демократического характера—не могли быть достигнуты в условиях революции 1917 года без ниспровержения буржуазии, без переворота против буржуазии, против империализма. Они не осмыслили того факта, что выйти из империалистической войны, к чему так стремились не только рабочие, но и широкие массы крестьянства, было невозможно без переворота против буржуазии, против империализма. Они не поняли неизбежности происходящего в действительности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Тов. Ленин оценил февральский переворот, как переворот буржуазный, но он сразу же указал, что Февральская революция привела к двоевластию: с одной стороны, формально власть находится в руках временного правительства, с другой стороны, советы становятся единственно авторитетными в глазах рабочих, крестьянских и солдатских масс полновластными организациями. Особенность положения заключалась в том, что временное правительство не могло проводить свои политические мероприятия без санкции, без утверждения руководящих советских органов. Ленин указывал, что в этой своеобразной форме двоевластия в особых, причудливых, небывалых, невиданных формах осуществлялась демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Он отмечал при этом, что такое состояние не может быть очень долговечным, что противоречия классов должны ликвидировать это двоевластие, что власть должна перейти в руки советов. С другой стороны, тов. Ленин подчеркивал, что обострение этих противоречий обязательно должно привести к краху меньшевистско-эсэровского влияния внутри советов. Он утверждал, что советы могут разрешить коренные вопросы революции только в том случае, если они станут на путь сознательного превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую.

От февраля до октября происходило перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, перерастание, на гребне которого пролетариат выдвинулся, как носитель государственной диктаторской власти, руководящей широкими массами трудящихся вообще. Оригинальность положения заключалась в том, что сами советы являлись формой перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, что в самих советах происходило изменение их социальной сущности. Тот факт, что меньшевистско-эсэровские советы начала революции 1917 года превратились ко времени Октябрьского переворота в

советы с большевистским большинством, выражал именно этот процесс перерастания.

Октябрьский переворот утвердил диктатуру пролетариата. Эта диктатура, в первые же исторические дни своего бытия, осуществила требования буржуазно-демократического характера: она ликвидировала крепостническое землевладение, экономическую и политическую мощь помещика, она уничтожила различие сословий, она положила конец национальному угнетению, она поставила на одну доску, в смысле прав, мужчину и женщину и т. д. Словом, она очистила общество от пережитков докапиталистического, крепостнического характера.

Но революция могла осуществить эти задачи, разрешить их только потому, что установилась диктатура пролетариата, социалистическая диктатура рабочего класса, только потому, что буржуазно-демократическая революция переросла в социалистическую. Октябрьский переворот завершил буржуазно-демократическую революцию и открыл революцию социалистическую. Разрешив задачу буржуазно-демократического характера советская власть, тотчас же после своего появления, приступила к национализации решающих средств производства, к социализации промышленности, к подведению экономической базы под социалистическое строительство и к осуществлению социалистических принципов как во внутренней, так и во внешней своей политике.

Диктатура пролетариата обеспечила победоносное продвижение к социализму под руководством пролетариата, она обеспечила государственную гегемонию пролетариата в отношении широких масс трудящихся вообще, гегемонию, используемую для построения социализма в нашей стране. Ленин и вся наша партия исходили из того положения, что диктатура пролетариата «походя» завершает буржуазно-демократическую революцию и в этой области возглавляет крестьянство и что, являясь социалистической, она *может* вести за собой крестьянство и в период строительства социализма. Это была установка, принципиально отличная от установки меньшевиков и меньшевистскообразной установки «правой» группки в партии, представленной Каменевым и Зиновьевым. Позицию последних тов. Ленин охарактеризовал, как позицию «дезертирскую», «штрейкбрехерскую», чуждую большевизму, и, как известно, настаивал на исключении Зиновьева и Каменева из партии.

В партии имелся к этому времени и еще один оттенок—представленный тов. Троцким. Тов. Ленин характеризовал до революции основную политическую линию Троцкого, выраженную в его теории перманентной революции, как линию, черпающую кое-что от меньшевизма и кое-что от большевизма: от большевизма—стремление к захвату власти рабочим классом, от меньшевизма—непонимание возможности союза пролетариата с крестьянством не только в период буржуазно-демократической революции, но и в период социалистической революции. Троцкий примыкал к большевизму постольку, поскольку большевизм руководил захватом власти в руки пролетариата, но, примкнув к большевизму по этим мотивам, Троцкий, вступив в ряды партии, сохранил свое прежнее непонимание сущности диктатуры пролетариата не только как органа переворота, но и *как органа, способного переделать хозяйство советского общества на социалистический лад*, как орудия социалистического строительства, *орудия переделки широких масс трудящегося крестьянства на социалистический лад*. Являясь одним из виднейших руководителей Октябрьского переворота, Троцкий, однако, входил в большевистскую партию со своим *особым* пониманием характера переворота и характера пролетарской диктатуры. Эту особенность своих взглядов он подчеркивал на майском совещании межрайонцев в 1917 году, когда межрайонцы решали вопрос о вхождении в большевистскую партию. На этом совещании был тов. Ленин, который набросал конспект произнесенной Троцким речи, конспект, сохранившийся до нашего времени. В этом конспекте зафиксировано предложение Троцкого, адресованное к Ленину и ко всем большевикам, отказаться от наименования «большевики» потому, что-де ход событий доказал, что большевики «идейно перевооружились», что они неправильно понимали пути революции, что они, по сути дела, пришли к троцкизму. Ленин изложил содержание речи Троцкого следующим образом: «С резолюциями я согласен целиком,—но вместе с тем, я согласен *постольку, поскольку* (подчеркнуто Лениным. *Ред.*) русский большевизм интернационализировался.

Большевики разбольшевичились—и я называться большевиком не могу...

Признания большевизма требовать от нас нельзя»...

Несколько позже этот же самый мотив был представлен Троцким в его письме к тов. Ольминскому, где он доказывал, что не он (Троцкий) пришел к большевизму, а большевики пришли к нему, Троцкому. В данной связи нас не интересуют личные особенности тов. Троцкого, важен тот факт, что, войдя в ряды большевиков, став одним из руководителей Октябрьского переворота, он, вместе с тем, не принял большевистской оценки характера революции, большевистской оценки соотношения классовых сил, большевистской оценки взаимоотношения пролетариата и крестьянства. Он исходил из того положения, что противоречия между пролетариатом и крестьянством в период социалистической революции не примиримы, что достаточных *внутренних* сил для построения социализма пролетариат, стоящий у власти, иметь у нас не может.

Против Ленина, против его понимания характера революции, против его оценки перспектив революции выступили в момент Октябрьского переворота, с одной стороны, Зиновьев и Каменев, а, с другой стороны, Троцкий. *Первые* утверждали, что при данном соотношении сил пролетариат не имеет возможности удержать власть в своих руках и успешно строить социализм, *второй точно так же* полагал, что в процессе социалистической революции неизбежно небывалое обострение противоречий между пролетариатом и крестьянством, которое не приведет к гибели диктатуры только в том случае, если пролетариат захватит власть в передовых капиталистических странах. Таким образом, и Зиновьев, и Каменев, и Троцкий исходили из некоторых общих посылок, посылок, в конечном счете, приближающихся к меньшевистским посылкам, ибо именно последние утверждали, что в стране, в которой пролетариат составляет меньшинство, а крестьянство—большинство, немыслимо закрепление диктатуры пролетариата, немыслимо построение социализма.

Меньшевики никогда не понимали того, что пролетариат, даже являясь меньшинством, возглавив крестьянство, обеспечивая поддержку этому крестьянству в его борьбе с помещиками и империалистами, руководя этим крестьянством, сможет вовлечь крестьянство в социалистическое строительство, опираясь на находящиеся в его государственной собственности решающие командные высоты, решающие средства производства и узловые центры обращения. Зиновьев, Каменев и Троцкий в этом вопросе исходили из меньшевистских оценок, а не из большевистских. Правда, Зиновьев и Каменев, с одной стороны, и Троцкий, с другой, сделали разные выводы из своих оценок: первые заявили, что они против Октябрьского переворота, против установления диктатуры пролетариата в октябре 1917 г., второй высказался—за, с надеждой на то, что ближайшие месяцы дадут победу пролетариату в западно-европейских странах, с уверенностью, что только эта победа может спасти диктатуру пролетариата в России, может обеспечить условия для строительства социализма, может дать диктатуре пролетариата в России реальные шансы на успех продвижения к социализму.

Прошло 10 лет со времени установления диктатуры пролетариата в России. Российский пролетариат и широкие массы трудящегося крестьянства пережили тяжелые, незабываемые годы гражданской войны, они перешли после отражения военного нападения со стороны внешней и внутренней контрреволюции к полосе хозяйственного строительства, правда, в обстановке непрекращающихся нажимов со стороны империалистических государств, правда, в такой обстановке, когда хозяйственное строительство грозило быть неоднократно сорванным империалистами. За несколько лет «мирного» хозяйственного строительства советская

власть обеспечила восстановление разрушенного войной производства, она обеспечила очень быстрый под'ем производительных сил, перешедший довоенные грани, и, что является решающим, она обеспечила относительно больший рост социалистических элементов хозяйства. В системе хозяйственных форм, которые развиваются в СССР, социализм является наиболее успевающей, наиболее быстро развивающейся и *ведущей* частью хозяйства. Завершился процесс восстановления социалистической промышленности, и начался этап реконструкции хозяйства, этап подведения новой технической базы под нашу промышленность, этап технической перестройки государственного социалистического производства. И вот, в этот момент внутри партии вновь возродились те антиленинские оценки характера нашей революции, которые имелись перед Октябрьским переворотом и во время него. Зиновьев и Каменев, с одной стороны, Троцкий, с другой, вновь встретились на основе ревизии ленинской оценки революции, встретились на основе обстрела идейных позиций партии, встретились на основе «разбазаривания» ленинского идейного наследства. Перед лицом новых трудностей, в обстановке которых происходит реконструкция нашего социалистического производства, они опять заявили о том, что достаточных *внутренних* сил для построения социализма в СССР не имеется, что противоречия между пролетариатом и крестьянством исключают возможность победоносного продвижения социализма внутри СССР, что только ближайшая победа пролетариата в форме захвата власти в свои руки в передовых капиталистических странах может спасти СССР от *внутреннего* перерождения. Исходя из троцкистских положений о соотношении классовых сил в российской революции, они пришли к таким оценкам нашей промышленности, которые дали Зиновьев и Каменев, характеризуя нашу промышленность не как социалистическую, а как государственно-капиталистическую; они пришли к тому выводу, что наше советское государство сошло с пролетарских рельс и капитулировало перед крестьянством, что наше государство перерождается, что СССР переживает «термидор». Словом, они расчистили почву для теории третьей революции.

Успешное продвижение социализма вперед требует преодоления многих об'ективных трудностей экономического и политического порядка, но эти трудности будут преодолены прежде всего лишь тогда, когда авангард пролетариата—его коммунистическая партия—будет исходить в своей политике из ленинской оценки характера революции, из ленинской оценки соотношения классовых сил в нашей революции, и поэтому одним из условий дальнейшего продвижения к социализму является идейная ликвидация оппозиционного блока, идейное преодоление таких извратителей Ленина, которые на 10-м году существования диктатуры

пролетариата пытаются обратить против нее полуменьшевистские идеи, в свое время направлявшиеся ими против Ленина.

В своей борьбе за социал-демократические идеи против ленинских—лидеры оппозиционного блока докатились до того, что стали орудием борьбы «третьей» силы против режима пролетарской диктатуры, орудием борьбы—в конечном счете—за буржуазную демократию.

Именно этим об'ясняется решение ЦК и ЦКК об исключении руководителей новой меньшевистской партии—Троцкого и Зиновьева—из большевистской партии.

Проявленный 10 лет назад теперешними лидерами оппозиционного блока уклон в сторону социал-демократизма вырос в настоящий меньшевизм к десятой годовщине Октября.

Верная заветам Октября партия не желает иметь в своих рядах изменников делу пролетариата.

Я. Яковлев.

К вопросу о большевистской тактике в Октябре.

I.

Второе заседание С'езда Советов—вечером 26-го октября, утвердило предложенные Лениным декреты о мире и о земле. На этом же заседании С'езд избрал правительство.

То, о чем Ленин пишет через 4 года—в четвертую годовщину Октября, вскрывается с удивительной ясностью на II С'езде Советов:

«Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране»...

«...Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто...»

«...Чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться еще дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы...» (Ленин. «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», том XVIII, часть 1, стр. 364—365).

Декрет о земле разработали социалисты-революционеры. Они—на основании 242 наказов, данных крестьянами делегатам I Всероссийского С'езда Советов крестьянских депутатов—составили «примерный наказ», суммировавший крестьянские требования. Они печатали его в «Известиях Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» 19 августа с тем, чтобы 18 октября опубликовать министерский проект закона о земле, в корне противоречащий наказу. Второй С'езд Советов, по предложению Ленина, превратил крестьянский наказ в закон. Этот закон представляет собой точную формулировку идеалов мелкого и среднего крестьянства. Конфискация помещичьих земель, передача их в ведение земельных комитетов, уравнительное распределение земли на основе потребительской и трудовой нормы,—все это целиком было взято из арсенала крестьянской демократии. Все это, предопределяя разрушение до конца помещичьего землевладения и связанных с помещичьим землевладением общественных отношений, не ломало бы устоев буржуазного общества, если бы, как во времена Великой французской революции, крестьянская война

была возглавлена мелкой буржуазией города, а не возглавлялась пролетариатом, устанавливающим свою диктатуру.

Интересы демократического развития страны требовали выхода России из войны. Выход из войны означал предотвращение того превращения России в колонию Антанты, которое Антанта планомерно и последовательно подготовляла еще накануне февраля 1917 года и особенно энергично—после февраля. Спасение страны от превращения в колонию англо-французского капитала необходимо и правильно рассматривать с точки зрения национально-демократического содержания революции. Экономически истощенная страна, притом страна отсталая, не могла четвертый год принимать участие в войне империалистических гигантов. Потому вся крестьянская масса требовала мира во имя, конечно, *не* социализма, а во имя скорейшего дележа земли и вследствие нечеловеческой усталости. Российская крупная буржуазия оказалась неспособной ликвидировать свою зависимость от англо-французского капитала и потому решительно отвергла попытки Германии и Австрии добиться сепаратного мира с Россией. Верхи мелкой буржуазии (меньшевики и эсэры), впряженные в колесницу крупной буржуазии, ни в один из моментов своего блока с кадетами во Временном правительстве не провели отличной от крупной буржуазии иностранной политики. В силу того, что российская буржуазия,—как крупная, так и мелкая,—оказалась неспособной ни выйти из империалистической войны, ни вести эту войну успешно, решение вопросов войны и мира выпало на долю пролетарской революции. И именно поэтому декрет о мире Второго С'езда Советов взял на себя выполнение не только того, что требовали интересы пролетарски-социалистические, но и того, что требовали интересы национально-демократического развития страны.

Буржуазно-демократическое содержание Октябрьской революции и определяло ту поддержку революции со стороны крестьянских масс, которая позволила рабочему классу нанести буржуазии удар сокрушающей силы и быстроты. Но вульгаризацией истории была бы всякая попытка свести значение Октябрьской революции к ее демократическому содержанию. Десятки демократических революций пережил мир, но ни одна не подняла таких огромных масс—подлинно миллионов людей—на высоту штурма всех коренных устоев старого мира, и ни одна из них не довела дела демократической революции действительно до конца. И об'яснять нужно, анализировать нужно не столько «демократическое лицо» Октябрьской революции, сколько то, почему именно Октябрьской революции удалось с силою шквала, уничтожающего все на своем пути, сметающего любые препятствия, штурмующего самые незыблемые для буржуазии устои ее мира, вырвать до конца из русской почвы—вырвать притом одним сокрушающим ударом—все остатки средневекового помещичьего варварства. Мелкобуржуазные политики, опошляющие марксизм,—от русских меньшевиков до Отто Бауэра,—вульгаризируют историческое лицо Октябрьской революции, сводя ее к ее демократическому содержанию, в то же время отказываясь от ответа на вопрос, почему именно Октябрьской революции удалось с такой необычайной силою, быстротой и решительностью—притом подлинно «мимоходом»—разрешить те задачи демократической революции, которые до конца до сих пор не решили такие передовые

капиталистические страны, как Германия или Англия. Такие вульгаризаторы марксизма не понимают, что только потому Октябрьская революция решила задачи буржуазно-демократической революции с невиданной смелостью, решительностью и глубиной, что решение этих задач было лишь «побочным продуктом» главной, социалистической революции.

Второй С'езд Советов иллюстрирует великолепно это ленинское положение теми же декретами ленинскими о мире и о земле. В них мы ясно видим лицо, обращенное к социализму. Декрет о земле, уничтожал помещичью Россию, вместе с тем нанося могущественнейший удар всей системе финансового и промышленного капитала страны, органически слитого в России с помещичьим землевладением. Буржуазия России за 8 месяцев своей власти ни на один час не отказывалась от помещичьей политики в вопросах о земле, поскольку помещичье землевладение сращивалось с промышленным и финансовым капиталом. Это обстоятельство обусловило то, что решающий удар Октябрьской революции по помещичьему землевладению был одновременно ударом и по твердыням частной собственности в области банкового капитала. Это лицо декрета о земле было обращено к будущему советской страны, сливая вчерашний и сегодняшний день буржуазно-демократической революции с сегодняшним и завтрашним днем социалистической революции, придавая Октябрьской революции уже в час ее рождения мощь и значение революции пролетарской, сокрушающей основы не только помещичьего землевладения, но и всего буржуазного мира.

В неменьшей степени это относится и к декрету о мире. Заявление Второго С'езда Советов о готовности заключить мир не было предложением сепаратного мира со стороны одного буржуазного правительства другому в результате перемены ориентации национальной буржуазией. Это был акт революционного выхода из войны. Из империалистической войны, порожденной неискоренимыми противоречиями империалистического мира, Октябрьская революция выходила путем превращения империалистической войны в войну гражданскую. Заявление о готовности вести переговоры о мире со всеми воюющими народами и с их правительствами поэтому явилось лишь «побочным продуктом» революционного разрыва железных оков войны. В этом—сегодняшний и завтрашний день декрета о мире, бесконечно более важный, чем его сегодняшний и вчерашний день. Эта суть декрета о мире обращена вперед, к десятилетиям, обучая будущих участников империалистических войн тому, что наиболее верным, единственно верным, единственно действительным способом спасения от уничтожения миллионов жизней рабочих и крестьян в войнах империалистических разбойников является «превращение империалистической войны в войну гражданскую».

Так в каждом из постановлений Второго С'езда Советов и во всех первых декретах советского правительства диалектически соединены элементы доведения до конца буржуазно-демократической революции и элементы дальнейшего перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Ведущее начало, определяющее возможность и неизбежность победы Октябрьской революции, как революции социалистической, дано декретом Второго С'езда Советов о власти. Начало новой всемирно-исторической эпохи открывалось, об'являлось тем поста-

новлением С'езда Советов, которое гласило: «Вся власть на местах переходит к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Начало новой всемирно-исторической эпохи определялось словами Ленина днем 25 октября на заседании Петроградского Совета: «Прежде всего, конечно, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наша собственная власть; без какого бы то ни было участия буржуазии угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций. Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья, русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма...». Здесь сформулирован переход от буржуазной демократии к демократии пролетарской—пролетарской диктатуре. В первый раз в истории человечества на территории огромной страны создается строй, который есть «максимум демократизма для рабочих и крестьян», который «означает разрыв *с буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического *типа* демократии: именно пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата» (Ленин, том XVIII, ч. 1, стр. 366).

Советы, сложившиеся непосредственно в огне Февральской революции, как органы неоформленной диктатуры рабочего класса и крестьянства, далее проституированные эсэрами и меньшевиками и превращенные ими в придаток буржуазии, в октябре выступившие уже под большевистским руководством в качестве органов восстания, ломающих государственную организацию буржуазии, превращаются Октябрьской революцией в органы власти нового господствующего класса. Советы уже не только разрушают старую государственную организацию буржуазии, но и превращаются в основу нового типа государства, в котором рабочие руководят крестьянами, ведут за собой крестьян по пути к социализму, в котором против буржуазии рабочие наступают всей силой государственного аппарата. Созданием советской власти, превращением советов в органы власти обеспечиваются неизбежность и возможность дальнейшего движения вперед от революции демократической к революции социалистической, обеспечиваются дальнейшие победы социалистической революции, не только закрепляющей завоевания буржуазно-демократической революции, но оставляющей их далеко позади, превращающей их во вчерашний день революции, основное значение которого было в том, что он открыл ворота завтрашнему и послезавтрашнему дню победного социалистического строительства.

II.

Большевистская тактика перед октябрем 1917 года дает пример тактики подлинно революционной.

Пять основных черт характеризуют эту тактику.

Первое: под ленинским руководством большевики, решившись на восстание, действительно пошли «до конца», ни на один момент не допуская «игры» с восстанием.

Второе: рассмотрев за пышным зданием эсэровских организаций факт крестьянского восстания, большевики сумели через

головы меньшевиков и эсэров и против них увлечь за рабочим классом миллионы крестьян и солдат.

Третье: большевики под ленинским руководством сумели преодолеть, осмеять, выставить на позор перед всеми революционными рабочими колебания в собственной среде, возглавленные тт. Зиновьевым и Каменевым.

Четвертое: большевики не поддались «конституционным иллюзиям», отказавшись от предложения тов. Троцкого приурочить восстание обязательно ко II С'езду Советов, и взяли власть *до* открытия С'езда Советов.

При этом в часы неслыханно быстрой победы восстания, проявив подлинно «тройную смелость», большевики, и в первую очередь Ленин, сумели в то же время не дать голове «закружиться», сумели не отвлечься ни на одну минуту от конкретных особенностей, от конкретного своеобразия действительности.

Все эти моменты имели решающее значение для успеха пролетарского восстания, как показывает весь ход октябрьских событий. (Коренным пороком деятельности компартий в революционные моменты и в германской и в китайской революции было несоблюдение этих условий).

В то же время именно *при соблюдении этих условий* свое необходимое место в большевистской тактике получает точный учет конкретного своеобразия условий борьбы. Остановимся подробнее на этой стороне дела, поскольку она меньше всего освещена в нашей партийной литературе.

Все декреты Второго С'езда Советов об'явлены С'ездом действующими «впредь до созыва Учредительного Собрания». Правительство наименовано «временным» «впредь до созыва Учредительного Собрания». Немедленно вслед за Вторым С'ездом Советов издается декрет «Временного советского правительства» о созыве Учредительного Собрания в срок. Формалистам от революции может показаться, что, завоевав власть, уничтожив правительство буржуазии, большевики могли бы сразу отбросить всякие разговоры об Учредительном Собрании, об'явить открыто стране, что С'езд Советов заменяет и отменяет Учредительное Собрание, что Учредительное Собрание, в выборах которого участвовала буржуазия, как низшая форма демократии по сравнению с той, которая была создана Октябрьской революцией, подлежит немедленному и безусловному уничтожению. Большевики не только этого не сделали, но и записали в основные законы С'езда Советов, учредившего советскую республику, слова «впредь до созыва Учредительного Собрания», а Ленин в своем докладе о мире даже предлагает внести мирные условия на обсуждение Учредительного Собрания, «которое будет властно решать, что можно и чего нельзя уступить».

Схоластики могли бы за это обвинить Ленина и большевистскую партию в оппортунизме и уступчивости буржуазии,—по меньшей мере—в уступчивости мелкобуржуазным предрассудкам. Но именно схоластики и только схоластики. Большевистская тактика по отношению к Учредительному Собранию имеет особое значение, поскольку она показывает, насколько большевики учитывали все своеобразие положения, не допуская и в момент величайшей революционной победы никакого, якобы «левого» «преувеличения революционности». Ленин считался с тем, что вы-

ступление большевиков против Учредительного Собрания непосредственно перед С'ездом и во время С'езда Советов вызвало бы колебание значительных слоев мелкой буржуазии, крестьянства и части рабочих, не изживших еще до конца иллюзий доверия к Учредилке. Поэтому большевики, еще в апрельских тезисах установившие, что советы—высшая форма демократии по сравнению с Учредительным Собранием, в то же время до С'езда Советов иллюзиям широких мелкобуржуазных масс, веривших еще в Учредилку, не противопоставляли лозунга «долой Учредительное Собрание». И во время самого С'езда Советов большевики не выставляют лозунга «долой Учредительное Собрание». Пусть Учредительное Собрание собирается! Пусть оно в лице своего большинства противопоставит себя С'езду Советов и правительству, лишившему власти эксплоататоров, давшему крестьянам землю, борющемуся за мир! Тогда даже те элементы крестьянства, сила которых есть сила колебания, увидят на опыте необходимость выбирать между советами и Учредительным Собранием. И тогда уже, *после* 2—3 месяцев опыта пролетарской власти, *после* того, как земля будет взята крестьянами во исполнение декрета С'езда Советов, *после* того, как мир, и по меньшей мере перемирие, из области предположений перейдет в область действительности,—любой отсталый рабочий, огромное большинство колеблющихся крестьян скажут: к чорту Учредительное Собрание, пусть живет советская власть! Для того, чтобы в решающий момент, когда надо было обеспечить поддержку крестьянства и солдат по главным и коренным вопросам земли и мира, не вызвать в них колебания по вопросу, в тот момент не имевшему решающего значения, Ленин и писал в своих декретах о земле, о мире, о создании советской власти слова, которые могут показаться теперь диким анахронизмом иному читателю: «Впредь до созыва Учредительного Собрания».

Не меньшего внимания заслуживает формулировка декрета о мире, и та небольшая полемика, которая разгорелась вокруг этого вопроса между Лениным и одним из делегатов С'езда. Не трудно проявить гибкость и понимание об'ективных условий в текущей работе революционной власти, но не потерять головы, не дать голове закружиться, не зарваться слишком далеко вперед, не потерять величайшего чутья реальности и действительности в момент такой сокрушительной победы, как октябрьская, свергнув правительство буржуазии почти без всякого пролития крови,—вот это было трудно! Для этого нужен был Ленин не в меньшей мере, чем для того, чтобы в пред'октябрьские дни преодолеть железною рукою всякие колебания в нашей партии и повести ее несокрушимой стеной на штурм твердынь буржуазии.

Декрет о мире предлагает «начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире» не только народам, но и «их правительствам». Революционная власть, только-что сменившая разбойничье буржуазное правительство России, апеллирующая, прежде всего, к революционным рабочим Англии, Франции и Германии с призывом свергнуть их правительства,—в самые часы своего создания не отказывается от мирных переговоров с империалистическими разбойничьими правительствами других стран.

Декрет о мире формулирует «справедливые» условия «демократического» мира «без аннексий и контрибуций» и предлагает такой мир заключить всем воюющим народам,—тот же декрет не считает этих условий мира «ультимативными» и соглашается рассмотреть и «всякие другие условия мира», настаивая лишь на возможно более быстром их обсуждении...

Декрет о мире от имени советского правительства об'являет о немедленном и полном опубликовании тайных договоров и отменяет тайную дипломатию,—тот же декрет выражает готовность начать переговоры о мире любым путем, как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между правительствами разных стран, так и на конференции таковых представителей.

В заключительной своей речи Ленин, отвергая все пункты старых договоров о грабежах и насилиях, заявляет в то же время: «Мы не будем отвергать тех пунктов старых договоров, где заключены условия добрососедские, соглашения экономические».

Декрет о мире предлагает всем народам и правительствам воюющих стран немедленно заключить перемирие «не меньше, чем на три месяца»,—тот же декрет трехмесячный срок об'являет со своей стороны «желательным», но не ультимативным, а Ленин в своей речи заявляет, что мы не отвергаем и более короткого срока.

Один из делегатов, т. Еремеев, в прениях заявил, что он будет голосовать за ленинский декрет о мире только при том условии, если из него будут выброшены слова о готовности рассматривать любые условия мира: «наше требование о мире без аннексий и контрибуций должно быть ультимативным». Против этого делегата, отразившего стихию революции, но не ее разум (разум революции использует стихию, идет во главе стихии и стихию направляет по тому пути, который диктуется соотношением классов в стране и во всем мире), Ленин выступил весьма решительно, раз'яснив, почему декрет о мире, им предложенный, не выдвигает ультимативных условий мира.

«Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела». Нельзя дать империалистам возможность под предлогом нашей непримиримости отказаться от переговоров. В случае ультимативного характера наших мирных условий крестьяне «обвинят нас в излишней неуступчивости» в мелочах тогда, когда главное в том, чтобы раскрыть всю мерзость буржуазии.

Именно неультимативный характер наших условий разоблачит правительства империалистов в глазах народов.

Тут же Ленин нападает на заявление тов. Еремеева, будто бы неультимативный характер наших мирных условий покажет наше бессилие. Буржуазному представлению о силе, как о возможности мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хочет буржуазное правительство, Ленин противопоставляет другое понятие о силе—о силе государства «сознательностью масс»...

Так, в самый час рождения советской власти Ленин показывал, как надо избегать «преувеличения революционности» даже в момент всемирно-исторической победы, как нужно сочетать твердость, решительность, смелость, беспощадное преодоление колебаний в собственной среде с трезвым учетом соотношения сил в стране и вне страны.

Этот урок имеет тем большее значение, что любой пролетарской партии и до захвата власти и после захвата власти приходится бороться на ряду с *основным* врагом оппортунизмом, недоучитывающим революционные возможности рабочего класса, преувеличивающим силы врага и тем разрушающим рабочий класс, недооценивающим значение закаленного, сплоченного, дисциплинированного, единого пролетарского авангарда,—и с «детской болезнью левизны», с радикально-анархистским «преувеличением революционности», могущим поставить под удар в силу недостаточного учета реальных классовых отношений то, что завоевано мужеством, героизмом, решительностью и смелостью пролетарского авангарда.

Арк. Ломакин.

Между баррикадами.

(О новожизненцах в канун Октября).

В брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин очень метко охарактеризовал «позицию» левоменьшевистских писателей из «Новой Жизни» в пред'октябрьские дни, как попытку сидеть между двух стульев.

В самом деле.

Новожизненские политики признавали необходимость скорейшего окончания войны и высказывались за немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам. Они требовали немедленного разрешения вопроса о земле путем передачи всей земли в руки земельных комитетов. Единственное средство спасения в борьбе с хозяйственной разрухой они видели в государственном регулировании производства и распределения продуктов, как «переходной ступени к социализму», в принудительном синдицировании и трестировании промышленности, при чем государство должно заставить «представителей капитала поступиться своим «жиром» и решительно ограничить «священные права наживы» [1]. Наконец, они прямо заявляли, что в переживаемую эпоху «глубоких социально-политических катаклизмов... самая грань между программой-минимум и программой-максимум в значительной мере стирается» [2].

Выставляя свою программу, новожизненские «четверть-большевики» (выражение Ленина) понимали, что ее осуществление невозможно без соответствующего решения коренного вопроса революции—*вопроса о власти*. Но как решали они этот вопрос? Новожизненцы выступали противниками сохранения власти в руках буржуазии. Более того, они высказывались и против «бесчестной коалиции» с буржуазией, которая (т.-е. эта коалиция), по их мнению, уже «тысячу раз обнаруживала свою несостоятельность, свою полную непригодность для осуществления какой бы то ни было энергичной программы» [3], и осуждали меньшевистско-эсэровских «комбинаторов» такой коалиции.

В чьих же руках должна сосредоточиться «вся полнота государственной власти?». И тут-то новожизненцы начинали «комбинировать», в свою очередь переползая с одного стула на другой.

Первая их «комбинация»—«относительно однородное министерство меньшевиков-оппортунистов и эсэров». Но эта «комбинация» не признается ими ни целесообразной, ни жизнеспособной. «Составленная из сторонников коалиции она, естественно, будет

---

[1] «Новая Жизнь», № 142 от 1 октября, «Экономический крах».
[2] Ibib. № 145 от 5 октября, «У. С. и наша платформа».
[3] Ibib. № 138 от 27 сентября, «Новое правительство».

держать курс политики по «средней» линии, по прежней линии—между демократией и цензовой Россией... Вывод из предыдущего, уже имеющегося у нас горького опыта...—правили страной социалисты, но держали курс на «живые силы в лице Милюкова и Родзянки»[1]).

Итак, первая «комбинация» не годится. Вторая—«образование» другого типа однородного кабинета, правительства «пролетариата и беднейшего крестьянства». Но и эту «комбинацию» новожизненские комбинаторы решительно отвергают, выставляя 33 «довода», в свое время разбитые Лениным в вышеупомянутой брошюре. В основном смысл этих «доводов» был тот, что «о диктатуре пролетариата в настоящий исторический момент в особенности в такой крестьянской стране, как Россия, не может быть и речи»[2]).

И как бы в развитие этой «мысли» несколько ранее «Новая Жизнь» писала, подводя итоги московским выборам в думу, где наша партия одержала блестящую победу: «К большевикам примкнули такие слои, которые по своим классовым и групповым интересам и по уровню сознательности отнюдь не являются сторонниками революционного интернационального социализма. Они поддерживают большевиков потому, что нет другой революционной, демократической партии, и тотчас же покинут большевиков, как только те выйдут за пределы общедемократических требований. Было бы величайшей ошибкой строить на этой зыбкой почве «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства». На практике это свелось бы к диктатуре пролетариата и привело бы к поражению его в борьбе с об'единенными силами крупной и мелкой буржуазии, к крушению завоеваний революции»[3]).

Ленин на подобного рода рассуждения отвечал: «Если «Новая Жизнь» боится диктатуры пролетариата и отказывается от нее из-за возможного будто бы поражения пролетарской власти буржуазией, то это равносильно *возвращению тайком* на позицию *соглашательства* с капиталистами»[4]). Об этом «возвращении тайком» ясно говорила последняя, третья «комбинация», в которой новожизненцы видели «единственное средство спасения революции», а именно—«честная коалиция внутри демократии», «единый демократический фронт», «диктатура демократии». Вот уж поистине было открытие! Защищать идею единого фронта большевиков, «левого фланга демократии», с правым, с меньшевиками и эсэрами, которые, по словам самих же новожизненцев, «все больше запутывались в тенетах соглашательства с контрреволюционной буржуазией»[5]), требовать «диктатуры демокра-

[1]) Ibib. № 135 от 23 сентября, «В тисках власти».
[2]) Ibib. № 158 от 20 октября, «Ф.-з. комитеты».
[3]) «Новая Жизнь», № 140 от 29 сентября, «Крах коалиции». «Довод» этот, кстати сказать, подчас почти буквально повторяет «знаменитую» формулу Троцкого. Не лишне также будет здесь напомнить по существу аналогичную формулу одного из новожизненских «тоже-марксистов»—Ник. Суханова, высказанную им в записках о революции по поводу речи Ленина в Петроградском Совете: «Как же обстоит дело с общими основами научного социализма: построить (уже не только советское, но)... пролетарское социалистическое государство» в мужицкой хозяйственно-распыленной необ'ятной стране,—это значит брать на себя заведомо невыполнимые обязательства, заведомо утопические задачи». (Книга VII, стр. 178).
[4]) Соб. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 248.
[5]) «Новая Жизнь», № 141 от 30 сентября, «Аграрн. беспорядки».

тии» в момент быстрого нарастания общенационального революционного кризиса, раскалывающего «демократию» на два открыто враждебных лагеря—это как нельзя лучше свидетельствовало о безнадежной соглашательской позиции новожизненцев, пытавшихся усесться на двух стульях.

Так «комбинировали» кабинетные политики «Новой Жизни» в поисках философского камня «единственного спасения», переживая, по их признанию, «сумеречный период русской революции»[1]). Это был действительно «сумеречный» период, но не русской революции, подымавшейся в то время на новый, неизмеримо более высокий свой этап, а для мелкобуржуазных соглашательских иллюзий, отцветавших и увядавших в осенние дни 1917 года. То были «сумерки» для новожизненских политиков, отличавшихся своей «презренной бесхарактерностью» (Ленин).

Но вот, наконец, пришло время, когда даже эти «мудрые» политики сквозь свои «сумерки» смогли разглядеть приближение решительной классовой битвы. 19 октября «Новая Жизнь» отмечала, что «характерными» явлениями последнего, «послекорниловского» периода нашей революции были два процесса: с одной стороны, усиление революционных настроений среди пролетариата и крестьянства, а с другой—рост реакционных вожделений среди буржуазии и помещиков. Во главе пролетариата и части крестьянства встала партия большевиков, в авангарде цензовой России мало-по-малу становятся казаки. А в другой статье из того же номера газеты прямо указывается на неизбежность «великого столкновения двух классов»[2]).

Перед лицом надвинувшейся вплотную революционной бури «нежные дамы» из «Новой Жизни», «признающие учение о классовой борьбе только губами, а не умом» (Ленин), в панике заметались из стороны в сторону, проявляя свое идейное убожество и полнейшую растерянность. Выбитые из обычного своего парламентского сидения между двух стульев, они, до смерти запуганные буржуазией и не верящие в силы пролетариата, оказались посреди воздвигавшихся баррикад.

Надо подождать Учредительного Собрания,—говорили они,—в нем восторжествует «прочный демократический блок», который создаст «сильную революционную власть», *но*... «положение страны настолько катастрофично, что мы, быть может, и не дотянем до Учредительного Собрания». Контрреволюционная буржуазия всячески старается оттянуть его созыв, *но*... «нельзя даже мечтать... о захвате власти советами за несколько недель до созыва учреждения, которому принадлежит бесспорное и окончательное право выработать формы власти». Только советы могут «претендовать на роль временного представительства воли революционного народа», «только советы, связанные непосредственно с солдатскими и рабочими массами, имеющие 7-месячный опыт и упрочившие свой авторитет, располагающие необходимыми вспомогательными аппаратами, способны закрепить революцию», *но*... «мы считаем лозунг немедленного захвата власти в настоящий момент неосуществимым». Нет никакого другого выхода, кроме создания «мощной демократической коалиции», *но*...

[1]) «Новая Жизнь», № 157, «Казаки» и «Надвигающийся локаут».
[2]) Ibib. «Предпарламент».

правые группы демократии «погрязли в оппортунизме» и «ищут соглашения с врагами революции», а их печатные органы призывают действовать «против большевиков, т.-е. на деле примкнуть к тому единому контрреволюционному фронту, который в настоящий момент организуют корниловцы». Буржуазия готовит «военный переворот», правительство собирается «поставить штык в порядок дня», контрреволюционное казачество готовится «опрокинуться всей своей массой на революцию», *но*... демократии «невыгодно самой переходить в нападение», она «непобедима, когда в гражданской войне занимает оборонительную позицию, и терпит поражение, когда берет наступательную инициативу в свои руки». Фактически власть в стране «захватил авантюрист», *но*... «попытки немедленно преобразовать власть путем «изолированного» выступления пролетариата и части гарнизона заведомо обречены на неудачу и сыграли бы лишь на руку черносотенной провокации». «Большевики опираются на подавляющую часть всего того населения, которое вообще способно за кем-либо итти, чтобы делать какую-либо политику», *но*... «организация власти— задача непосильная для одной большевистской партии».

И т. д., и т. п.

Нет никакой возможности здесь хотя бы просто перечислить все те блестящие перлы кабинетной мудрости «презренных дурачков» (как называл Ленин этих писателей) из «Новой Жизни», изобилие которых украшает страницы октябрьских номеров этой газеты и которые в то же время как нельзя более наглядно выражают непроходимую путаницу новожизненских политиков, блуждавших между баррикадами и на деле игравших роль буржуазно-соглашательских подголосков в дружном хоре против готовящейся «большевистской авантюры».

Об'ятые паникой, эти «политики» подхватывали самые нелепые и мерзкие обывательские сплетни. Небывалое революционное возбуждение пролетарских масс Питера в канун Октября представлялось им плодом бонапартистско-черносотенной провокации, «затевающей» погромно-антисемитское выступление под официальным большевистским флагом» [1]). Само «выступление большевиков» рисовалось как повторение всех «ужасов» июльских дней: «на улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы, начнут «творить историю русской революции» [2]). Крестьянское восстание, широкой волной разлившееся в сентябре—октябре, изображалось как стихийный «мятеж деревни против города», который грозит подвергнуть Россию «ужасам средневековых жакерий» и «пугачевщины» [3]).

Не видя никакого реального выхода из тупика, в который якобы зашла революция, новожизненская нежная «дама, приятная во всех отношениях», со страхом и трепетом ожидала наступления того момента, когда (боже, упаси!) «вместо речей, раздадутся залпы огнестрельного оружия» и разразится «братоубийственная война среди демократии»,—это будет «началом конца революции» [4]). И утром 25 октября она с мучительной тоской

[1]) «Новая Жизнь», № 148 от 8 октября, «Предоставление».
[2]) Ibib. № 156 от 18 октября, «Нельзя молчать».
[3]) Ibib. № 150, «Аграрн. движение» и № 141, «Аграрн. беспорядки».
[4]) Ibib № 162 от 25 октября, «К С'езду Советов».

мечтала о том, чтобы правительство само «ушло в отставку»,— «это было бы самым действительным средством борьбы с грозящими потрясениями» [1]),—и чтобы тем самым все «ужасы» оказались просто тяжелым сном...

По поводу этих «межбаррикадных» рассуждений Ленин предупреждал в свое время, что «если бы большевики проявили, в какой бы то ни было форме, какую бы то ни было уступчивость по отношению к такому филистерскому тупоумию, ...то они погубили бы и свою партию и революцию», и подчеркивал особенную опасность его (тупоумия), прячущегося «под флагом сочувствия к большевикам» [2]). А Суханов в своих «Записках» утверждал: «Каждый укол нашей газеты действовал на большевиков сильнее, чем ураганный огонь всей прочей прессы, взятой вместе. То были *враги*; их нападки только проясняли и укрепляли. А мы были до сих пор *союзниками*; это было «запутывание» мозгов и гибельная дезорганизация» [3]).

Но, несмотря на ленинские предостережения, новожизненское «запутывание мозгов» нашло себе жертву: «два видных большевика» поддались-таки «филистерскому тупоумию» «четверть-большевиков». 17 октября «Новая Жизнь» сообщала о листке в рукописи «двух видных большевиков», пущенном по городу, а на другой день в *этой* газете появляется сообщение Каменева и Зиновьева о том, что они сочли себя «обязанными» «высказаться против всякой попытки взять на себя инициативу вооруженного восстания, которое было бы обречено на поражение и повлекло бы за собой самые гибельные последствия для партии, для пролетариата, для судеб революции».

Суханов был прав, когда утверждал по поводу этого «знаменитого» документа, что «аргументация Каменева (против восстания) дает не больше и не меньше того, что говорили в то время *социалисты других партий*» [4]). В основном и главном эта «аргументация» повторяла новожизненские «перлы филистерского тупоумия». Ленин указывал в недавно опубликованном «Письме к членам партии большевиков», написанном в ответ на штрейкбрехерское выступление Зиновьева и Каменева:

«Сводятся эти «идейные», с позволения сказать, доводы к двум: во-первых, к «ожиданию» Учредительного Собрания. Подождем, авось дотянем,—вот и весь довод. Авось, с голодом, с разрухой, с истощением терпения солдат, с родзянковскими шагами к сдаче Питера немцам (с локаутами авось) еще дотянем. Авось да небось—в этом вся сила довода. Во-вторых, крикливый пессимизм: у буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо; у капиталистов все подготовлено чудесно, у рабочих все плохо. «Пессимисты» насчет военной стороны дела кричат во всю глотку, а «оптимисты» молчат, ибо перед Родзянкой и Керенским открывать кое-что едва ли кому, кроме штрейкбрехеров, приятно».

Но ведь этими-то как раз «доводами» с «авось да небось» и от «крикливого пессимизма» и пестрели октябрьские страницы «Новой Жизни»! Более того, даже в отдельных «перлах» Зиновьев и Каменев чуть ли не слово в слово твердили зады новожизнен-

[1]) «Записки о революции», книга VII, стр. 56.
[2]) Собр. сочин., т. XIV, ч. 2, стр. 253.
[3]) Ibib. № 162, «Новый этап».
[4]) Ibid., стр. 61.

ских «четверть-большевиков». Мы изолированы, у нас нет большинства в народе, против нас все, мы недостаточно сильны, в массах нет рвущегося на улицу настроения, военный заговор противоречит марксову учению о восстании, в Питере хлеба почти нет, и мы не сможем накормить повстанцев; пусть начинают корниловцы, мы же должны настаивать перед правительством на созыве Учредительного Собрания, в нем мы окажемся сильной оппозицией; не надо ставить все на карту, нет никаких признаков нарастания пролетарской революции на Западе и т. д., и т. п.,—все эти «перлы», отмеченные и разоблаченные в ленинском «Письме к товарищам», были попросту взяты напрокат у новожизненских «тоже-марксистов». И эти «четверть-большевики» не без некоторых оснований рассчитывали на то, чтобы завербовать «двух видных большевиков» в свои ряды, под знамена «диктатуры демократии», «власти блока советских партий» и чтобы тем самым «расколоть большевистские верхи» [1]).

История семнадцатого года вписала в свои страницы, посвященные дням Октября, тот факт, что позиция Зиновьева и Каменева в эти дни оказалась по существу новожизненской платформой. «Два видных большевика» в канун Октября оказались в тесном идейном союзе с «презренными дурачками» из «Новой Жизни», мечущимися в панике между воздвигавшимися баррикадами.

---

[1]) Ibid., стр. 115—6.

Б. Л. Маркус.

Семичасовой рабочий день.

(*В порядке постановки вопроса*).

> „Первое следствие сокращения рабочего дня основывается на том самоочевидном законе, согласно которому дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности“.
>
> (Маркс, „Капитал“ т. 1, стр. 404).
>
> „При длинном рабочем времени рабочий вырабатывает в каждый час изделий меньше и гораздо хуже, чем при коротком рабочем дне“.
>
> (Ленин, Собр. Соч., т. 1, стр. 312).

I. Постановка вопроса о 7-часовом рабочем дне.

Издание Манифеста ЦИК СССР, провозгласившего предстоящий в ближайшее время переход нашей промышленности к 7-часовому рабочему дню, встретило недвусмысленный, но двоякий прием. Буржуазный мир со всеми его подголосками мечется между попыткой замолчать и бешеным желанием дискредитировать и оклеветать это огромное и труднейшее начинание; рабочий класс как внутри СССР, так и во всем мире встретил это известие с огромным под'емом и нескрываемой симпатией, считая его новым доказательством хозяйственного и политического роста первой страны строящегося социализма.

Связывая проведение сокращенного рабочего дня с уже достигнутыми успехами в области под'ема производительности труда и с дальнейшей социалистической рационализацией наших предприятий, рабочий класс СССР и его партия видят в семичасовом рабочем дне один из действительных и основных рычагов дальнейшего под'ема производительности труда на основе дальнейшего культурного роста пролетариата и дальнейшего численного роста и улучшения материального положения рабочего класса.

Такая постановка вопроса, конечно, исключает восприятие 7-часового рабочего дня в виде «подарка» или пасхального яичка, преподнесенного свыше по случаю юбилея. В семичасовом дне для нас, прежде всего, заключается новая серьезная историческая задача, задача дальнейшей переделки и преодоления классов, начатая в октябре 1917 года.

При всей ясности для пролетариата вопроса о рабочем времени нашлись все же люди, которые вчера еще старательно рядились в тогу защитников рабочего класса и которые сегодня растерялись перед конкретной постановкой проблемы 7-часового рабочего дня. Проголосовав *против* Манифеста и этим отгородив себя от рабочих масс, эти люди пытаются задним числом

оправдаться тем, что они против «сюрпризов», что «рабочие в лучшем случае (!) в большом недоумении» (Евдокимов).

Этот слабый лепет меньше всего, однако, способен когонибудь убедить. Особенно после того, когда вожди оппозиции устами тов. Зиновьева прямо предложили «вопрос о семичасовом рабочем дне... снять для того, чтобы не компрометировать нашу партию».

Быть может, не все помнят, что еще в «Черновом наброске программы», внесенном на VII партс'езд в 1918 году, Ленин предлагал вписать в программу, на ряду с задачей неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, перехода к высшей технике, также задачу «постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки» (см. т. XV, стр. 163). Но уж безусловно ведь всякий знает, что в программе ВКП(б), принятой на VIII с'езде, черным по белому написано:

> «РКП должна поставить своей задачей установить: ...в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд»... (Ленин, т. XVI, стр. 493).

Всю эту азбуку совестно даже повторять, ибо «в принципе» как будто бы все признают необходимость сокращения рабочего дня, разногласия сводятся «лишь» к срокам и к «практическим» соображениям о предстоящем снижении производительности труда, которое нам не по карману.

Но как раз на этот счет можно кое-чему поучиться у Ленина и у Маркса.

Ровно пять лет назад в речи от 31 октября 1922 года на сессии ВЦИК тов. Ленин следующим образом оценивал наше законодательство о труде:

> «Возьмем первый кодекс, который у нас уже проведен— кодекс о труде. Это—громадное завоевание советской власти, что в такое время, когда все страны ополчаются на рабочий класс, мы выступаем с кодексом, который прочно устанавливает основы рабочего законодательства, как, например, 8-часовой рабочий день» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 80).

Указывая уже тогда, что «можно было бы по отношению к этому кодексу выразить то или иное пожелание большего», т. Ленин говорил, что подобное требование было бы неправильно для того времени, ибо для достижения большего надо повысить культурный уровень, поднять производительные силы страны.

Для того, чтобы улучшить уровень условий труда, рабочий класс должен поставить перед собой задачу нагонять другие государства «с такой быстротой, о которой они и не мечтали».

Намечая далее сроки перехода к лучшим условиям труда, Владимир Ильич утверждал:

> «*Нам нужно несколько лет упорного труда, чтобы этого добиться.* Разумеется, с сегодня назавтра ничего не сделаешь. *Мы пять лет уже прожили и научились вопросу о том, что значит срок.* И надо, чтобы мы этому учились и дальше. В фантастическую быстроту каких бы то ни было перемен у нас никто не поверит, но за то в быстроту действительную, в быстроту по сравнению с любым периодом исторического развития, взятым как он был,—в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 81. Курсив мой. *Б. М.*).

Исторический опыт доказал, что усилиями партии и рабочего класса нам удалось «за несколько лет упорного труда» оправдать надежды Ильича на быстроту темпа развития нашего хозяйства, которая превышает быстроту прироста хозяйства любой капиталистической страны в любой период исторического развития. Естественно, что эти успехи позволяют вплотную поставить в порядок дня «пожелание большего» по отношению к кодексу законов о труде и, в частности, по отношению к 8-часовому рабочему дню.

Это тем более законное пожелание, что—как мы далее покажем—именно проведение сокращенного рабочего дня позволит нам значительно улучшить дальнейшее развитие всего нашего хозяйства. Кое-кто, правда, весьма подозрительно относится к такой перспективе, но, к нашему счастью, от критиков в этом вопросе нас защищает не кто иной, как Маркс. Он еще в «Капитале» писал, что все ходячие возражения против сокращения рабочего дня предполагают, что это явление совершается при неизменной производительности труда.

> «Между тем в действительности имеет место обратное: изменение производительности и интенсивности труда или предшествует или непосредственно следует за сокращением рабочего дня» (Маркс, «Капитал», т. I, стр. 528).

Несколькими страницами ниже, развивая мысль о том, что «*устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом*» (к которому причисляется и труд, требующийся для образования общественного запасного фонда и фонда накопления), Маркс прямо говорит:

> «*Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем короче робочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда.* С общественной точки зрения производительность труда возрастает также с его экономией (бережливым и хозяйственным его применением). Последняя включает в себя не только экономию на средствах производства, но и устранение всякого бесполезного труда» (Маркс, «Капитал», т. I, стр. 532. Курсив мой. *Б. М.*).

Итак, Маркс, прекрасно учитывавший необходимость социалистического накопления, видит в сокращении рабочего дня, в бережливом, экономном применении труда один из способов повышения производительности труда, после устранения капиталистического способа производства.

Нам кажется, что в приведенных выше теоретических установках Маркса и Ленина даны ясные предначертания нашего подхода к сокращению рабочего дня. Уже здесь дана директива и отчасти намечены сроки разрешения рассматриваемого вопроса. Не ясно ли после этого, что «неожиданным сюрпризом» сокращение рабочего дня могло явиться лишь для людей, далеких от марксистско-ленинской теории? Не ясно ли, что рабочий класс в луч-

шем случае будет «в большом недоумении» от указания на то, что семичасовой день может «компрометировать нашу партию»?

Оппозиция поднимает сейчас шум вокруг одной из старых речей тов. Н. И. Бухарина, в которой он обвинял нынешнюю оппозицию в показном, неискреннем рабочелюбии. Он указывал тогда, что и меньшевики, и даже буржуазия, если бы она получила легальную возможность политически выступать, для того, чтобы опереться на массы и спихнуть власть, должны были бы выбрасывать лозунги поднятия заработной платы или установления семичасового рабочего дня. А уж спихнув нашу партию, они «распоказали бы этот семичасовой рабочий день». Эта речь целиком сохраняет свой основной смысл и бьет не в бровь, а в глаз тем современным оппозиционным обещаниям, которые, будучи совершенно неувязанными с нашими экономическими возможностями, рассчитаны лишь на дешевые заигрывания с недовольными и малосознательными элементами (таковы, например, обещания быстрого изживания безработицы или особого немедленного под'ема заработной платы).

«Всякому овощу—свое время», а всякий лозунг правилен тогда, когда он реально осуществим. Если бы еще год — два назад мы выставили требование немедленного сокращения рабочего дня, если бы даже теперь мы обещали осуществить это мероприятие сразу же, без всякой предварительной подготовки, то такая постановка вопроса была бы безусловно неправильной и в корне ошибочной. Проведение в жизнь такого огромного маневра в народном хозяйстве, как сокращение рабочего дня, могло быть поставлено на очередь и может быть постепенно проведено лишь в связи с достигнутыми успехами нашей промышленности и при условии ее дальнейшего здорового роста. Лишь при полном завершении восстановительной работы в нашем производстве, лишь при условии реально проводимой индустриализации страны и реконструкции хозяйства, лишь на базе подлинного осуществления рационализации возможно проведение 7-часового рабочего дня.

Кто не понял этого, тот не отдал себе отчета в самом главном, тот не хочет или не умеет задать себе труд диалектически разобраться в сущности и дальнейших тенденциях развития советской экономики, советского хозяйственного процесса, развивающегося на социалистических основах.

Потерпев поражение в теоретической постановке вопроса, оппозиция спешит кричать, что «вопрос не обсужден практически». Но и это неверно. Ни для кого не секрет, что вопрос о сокращении рабочего дня за последний год был поставлен и в печати и в целом ряде центральных наркоматов. Уже в майской книге «Планового Хозяйства» была обстоятельная статья т. В. А. Зайцева, доказывающая безусловную экономическую целесообразность сокращения рабочего дня. В нашем распоряжении имеется стенограмма совершенно конкретного доклада на эту же тему, заслушанного 9 июня 1927 г. в заседании «трудплана» НКТ СССР.

Насколько нам известно, вопрос прорабатывался также и в аппарате ВСНХ, ВЦСПС и в Госплане. Итак, экономически вопрос обсуждался своевременно почти полгода и отнюдь не в секретном порядке, и если, тем не менее, кое-кто говорит теперь о «сюрпризах», то нельзя не отметить, что эти утверждения менее всего доказаны.

Отбросив, таким образом, нагроможденную вокруг вопроса о 7-часовом рабочем дне оппозиционную шелуху, мы переходим к рассмотрению сущности вопроса о 7-часовом рабочем дне в наших конкретных условиях.

Для этого нам придется: 1) разобрать данный вопрос в плоскости соотношения классовых сил в международном разрезе, 2) изучить то новое, что вносит семичасовой рабочий день в экономику нашего хозяйства и в положение пролетариата Союза ССР.

II. Рабочий день в капиталистических странах и в СССР.

В условиях капиталистического общества, проблема рабочего времени сводится к вопросу о размерах присвоения классом капиталистов абсолютной прибавочной стоимости. Поэтому он решается исключительно соотношением классовых сил. Успехи рабочего класса в отношении сокращения рабочего дня являются верным мерилом его побед, и вся история рабочего движения с убедительностью доказывает, что класс капиталистов лишь скрепя сердце идет на уступки в области сокращения рабочего дня.

Неудивительно, поэтому, что, хотя 8-часовой рабочий день «в принципе» признан всеми государствами, входящими в Лигу Наций, еще в ноябре 1919 года на Вашингтонской конференции, тем не менее, он ратифицирован на сей день лишь 7 мелкими государствами: Бельгией, Грецией, Румынией, Чехо-Словакией, Чили, Индией и Болгарией. Есть, правда, еще четыре страны, которые ратифицировали его *условно* (в зависимости от принятия другими государствами), а остальные так и не удосужились даже на бумаге пойти на этот шаг.

Если в первые послевоенные годы капиталисты еще заигрывали с пролетариатом обещаниями 8-часового рабочего дня, то уже, начиная, примерно, с 1923 г., почувствовав себя хоть на время «в седле», предприниматели не замедлили перейти в наступление на рабочий класс. С этих пор положение существенно ухудшается. Насколько далеко зашло сейчас легальное и нелегальное нарушение 8-часового рабочего дня там, где он был принят, и какова установка капиталистов в отношении рабочего дня в тех странах, где 8-часовой рабочий день не был законом установлен, прекрасно можно судить по тем обзорам и материалам, которые доходят до нас [1]).

Начнем хотя бы с той самой гинденбурговской Германии, в которой, по словам т. Зиновьева, «куда свободней, чем у нас».

По широко проведенному анкетному обследованию A. D. G. B. (Германского профсоюзного об'единения) в апреле 1927 г. свыше 48 часов в неделю работали 48% рабочих, из них 12% работали даже более 54 часов в неделю. Если сопоставить это с тем, что в ноябре 1924 г. свыше 48 часов в неделю работали лишь 45,4% всех рабочих, а больше 54 часов в неделю—10,7%, то нам станет ясно не только то, что половина германских рабо-

---

[1]) В дальнейшем изложении нами использованы преимущественно «Материалы научного бюро Наркомтруда СССР» (№ 1, июнь 1927 г. Литографир. издание) и отдельные обзоры и переводы того же научного бюро, называвшегося ранее «Бюро иностранной информации при НКТ СССР».

См. также Мих. Оленов «Борьба за рабочий день и революция», Изд. ЛГСПС, 1926 г., стр. 102—114.

чих работает 9 часов и более, но и то, что имеется явная тенденция к удлинению рабочего дня. В основных производствах положение еще того хуже. У металлистов больше 48 часов работают 57,1% рабочих, в том числе 21%—больше 54 часов, у текстильщиков более 48 часов в апреле 1927 г. работали 75% всех рабочих (в ноябре 1924 г. было 66%) [1]).

По обследованию английского министерства труда, охватившему свыше 5 милл. рабочих в Англии и Сев. Ирландии, в 1924 году работали более 48 часов 7,3% промышленных рабочих [2]).

Общие тенденции английского капитала к удлинению ранее достигнутого рабочего дня лучше всего проявились в законе от 1/VII 1926 г., коим удлинен рабочий день в горной промышленности (взамен существовавшего пять лет 7-часового рабочего дня введен 8-часовой день). В отчете главного фабричного инспектора Англии за 1925 год указывается, что в большинстве предприятий с непрерывным процессом производства в Англии работают обычно 56 часов в неделю, а в некоторых отраслях (пекарни, производство одежды и др.) даже 66 и 72 часа в неделю. Из торговых служащих в Англии немногие имеют 48-часовую неделю: в розничной бакалейной торговле 8-часовой день не существует для 89,1% служащих, в мясной торговле им не пользуются 81,3% служащих. Само собой разумеется, что и для сел.-хоз. рабочих нет 8-часового рабочего дня.

Во Франции палатой депутатов 20/X 1927 г. установлен «принцип» 8-часового дня, если... его ратифицирует Германия. На деле же средняя продолжительность рабочего дня составляет около 9 часов. Представители буржуазии (депутат Килльяр) настаивают на отмене даже в принципе 8-часового рабочего дня «в целях поднятия продукции и понижения стоимости жизни».

Весьма характерны по своей убедительности данные о рабочем времени в Сев.-Амер. Соед. Штатах, где капиталистическая рационализация проводится с исключительной последовательностью. В этой «демократии» в 1926 году из общего числа 8.778 тысяч рабочих обрабатывающей промышленности более 48 часов в неделю работали 53,9%, в том числе 23,2% работали более 54 часов в неделю [3]). Итак, 9- и даже 10-часовой рабочий день в Америке совсем не редкость.

Фашистская Италия 15 марта 1923 г. установила 8-часовой рабочий день. Уже в июле 1923 г. он был осуществлен для 88% всех рабочих. Но это было давно. А 30 июня 1926 г. издан закон, предоставляющий право всем промышленным, торговым и сел.-хоз. предприятиям удлинять на 1 час рабочий день. Конечно, Муссолини при этом еще подчеркивает, что он «вовсе не нарушает принципа 8-часового рабочего дня».

В Швейцарии, которую до войны ставили в пример другим, как страну весьма «либерального» отношения к рабочим, непрерывно ухудшается рабочий день: в 1923 г. по данным промышленной переписи 59,2% рабочих работали 8 часов и менее, 40,8% работали больше, главным образом 50—52 часа, за последние годы число переведенных по закону на 52-часовую неделю значительно возросло.

[1]) «Gewerkschaftszeitung», № 23 за 1927 г.
[2]) «The Ministry of Labour Gazette» № 7 за 1927 г.
[3]) «Американский Ежегодник Труда» за 1926 год.

В Голландии принцип 8-часового дня проводится таким образом, что литографии, переплетное дело, кирпичные заводы, каменоломни, землечерпательные работы и ряд других предприятий переведены на 10-часовой (и более) рабочий день. В металлопромышленности 21% рабочих работает больше 48 часов в неделю.

В Австрии, при общем признании 8-часового рабочего дня, рабочие лесопильных и кирпичных заводов, каменоломен работают 14—16 часов, торговые служащие, работники кафе, ресторанов, гостиниц имеют 72—80-часовую неделю.

При таких условиях мы можем считать вполне нормальным и даже прогрессивным явлением, что в Турции в последнее время установлен по закону 10-часовой рабочий день: ведь в других восточных странах положение значительно хуже.

Все сказанное позволяет нам с полной убежденностью присоединиться к заключению Госплана СССР, который, давая обзор мирового хозяйства, говорит, что «даже по официальным данным 8-часовой рабочий день представляет фикцию в буржуазных государствах с их передовой техникой» [1]).

На этом фоне не только законодательное, но и фактическое положение рабочего времени в СССР представляется исключительной и яркой противоположностью. Декретировав в дни октябрьских баррикад в 1917 г. 8-часовой рабочий день, советская власть сразу и осуществила его. Имевшие место в период гражданской войны сверхурочные работы сразу после окончания ее резко пошли на убыль, и с тех пор проведение законодательства о рабочем времени непрерывно и заметно улучшается.

Наглядно мы можем проследить этот процесс по следующей таблице [2]):

Средний рабочий день в цензовой промышленности СССР.

Годы	Средний рабочий день в часах				% работав. сверхурочно	Среднее число сверхурочных часов в месяц на одного работавшего сверхурочно
	Урочный	Сверхурочный	Всего	В %% к 1913 г.		
1913	9,70	0,30	10,0	100	Сведений	нет
1920	7,80	0,80	8,6	86	»	»
1921	7,80	0,70	8,5	85	»	»
1922	7,67	0,29	7,9	79	20,4	30,5
1923	7,52	0,28	7,8	78	22,8	26,6
1924	7,61	0,19	7,8	78	18,8	22,0
1925	7,42	0,18	7,6	76	17,8	21,5
1926	7,32	0,17	7,5	75	15,2	17,9

Мы видим здесь, что положение непрерывно улучшается из года в год. В последнее время мы фактически достигли того, что средняя длительность рабочего времени (вместе со сверхурочными работами) значительно ниже 8 часов; за время революции рабочий день стал фактически на 25% меньше, чем был в 1913 году.

[1]) «Контрольные цифры народ. хоз. СССР на 1927/28 г.». Москва, 1928 г., стр. 459.
[2]) Данные за 1913—1922 гг. взяты по «Справочнику по охране труда», 1924 г., стр. 66, остальные данные—по материалам, полученным из ЦСУ, они приведены в моей статье, напечатанной в № 17 «Большевика».

Непрерывно уменьшая сверхурочные работы, мы вместе с тем переводили работающих в особо вредных условиях на сокращенный рабочий день: к 1927 г. около 200.000 человек (9%) всех рабочих цензовой промышленности пользовались сокращенным рабочим днем по вредности [1]). Сверх того, около 140.000 подростков (5,5% всей рабсилы промышленности) пользуются сокращенным рабочим днем в связи с несовершеннолетием [2]).

Таким образом, почти шестая часть промышленных рабочих (не считая служащих и работников интеллектуального труда) уже сейчас пользуется сокращенным рабочим днем.

Все эти данные позволяют нам с полным правом утверждать: 1) что в СССР уже сейчас рабочий день короче, чем во всем мире и 2) что самый классовый характер советского государства обеспечивает на деле непрерывное сокращение рабочего дня, которое постепенно проводится из года в год.

Прямо противоположные тенденции нашего социалистического хозяйства, ведущего к сокращению рабочего дня, и мирового капиталистического хозяйства, удлиняющего рабочее время, подчеркивают в наиболее простой и убедительной форме, в наиболее доступном каждому, даже малосознательному рабочему виде *принципиальное отличие* нашей и капиталистической рационализации.

Ясно поэтому, что проблема рабочего дня становится одним из наиболее крепких стержней для собирания сил и симпатий пролетариата вокруг СССР—единственного отечества всего мирового рабочего класса. И в этом отношении огромное политическое значение Манифеста, об'являющего переход к 7-часовому рабочему дню, совершенно неоспоримо. Не надо быть пророком, чтобы утверждать, что с точки зрения обороны СССР Манифест сыграет роль лучшей крепости, которую мы могли построить перед лицом наступления на нас мирового империализма.

[1]) По исчислениям статотдела НКТ СССР сокращенный рабочий день на вредных работах в отдельных производствах применяется в следующих размерах:

Сокращенный рабочий день в основных отраслях производства по СССР в 1927 году

Наименование производства	Общее число рабоч. (в тысяч.)	Из них пользуются сокращ. рабочим днем: Абсол. число в тысячах	Из них пользуются сокращ. рабочим днем: В %% к общему числу
Добывание и обработка минералов	141,6	19,8	14,0
Горное производство	323,8	130,5	40,3
Металлообрабатывающее производство	702,5	19,0	2,7
Химическое производство	98,6	10,5	10,6
Бумажное производство	38,3	2,7	7,1
Полиграфическое производство	63,0	2,7	4,3
Текстильное производство	711,7	7,8	1,1
Обработка животн. продук.	7,2	3,9	53,7
Итого	2086,7	196,9	9,0

[2]) До революции, в 1913 году из 252449 подростков и малолетних, работавших в промышленности, лишь 42,9% работали до 9 часов, 32,1% работали от 9 часов до 10 часов, 13,9% работали от 10 до 11 часов и 11,1% свыше 11 часов в сутки. («Сборник статистич. сведений» за 1913—1917 гг. Вып. 1, изд. ЦСУ). По данным массового индивидуального опроса несовершеннолетних при медицинском осмотре уже в 1924 г. установлено, что в СССР средняя фактическая продолжительность рабочего дня 14—15-летних, составляла 4,6 часа, а у подростков 16—17-летних—5,6 часа. (См. «Вопросы Труда» № 4 за 1927 г.).

III. Культурное значение 7-часового рабочего дня.

Оценивая значение предстоящего сокращения рабочего времени, никак нельзя упускать из виду те огромные культурные сдвиги, которые оно несет.

Изучение бюджета времени рабочих и работниц проводилось у нас в небольших размерах. Однако, имеющиеся материалы [1]) все же неопровержимо доказывают, что переход к 8-часовому дню дал реальную возможность рабочему уже в 1922 году уделять на общественную работу (в организациях, митингах и т. п.) на самовоспитание (чтение газет, книг, журналов, посещение курсов, школ для взрослых и т. п.) почти целый час в день (31,7 часа в месяц у мужчин, 29,7—у женщин). Сверх того на физкультуру (футбол, городки, лыжи, охота), умственные развлечения (шашки, шахматы), эстетические развлечения (пение, музыка) и на зрелища (кино, театры)—у рабочего в среднем уходило еще 9,7 часа в месяц.

Таким образом, на культурную работу у рабочего при 8-часовом рабочем дне уходило около 1 часа 20 минут в сутки [2]).

По материалам ЦК ВЛКСМ рабочая молодежь, пользующаяся более сокращенным, чем взрослые, рабочим временем, уделяла еще в 1924 году на самовоспитание почти 2 часа в сутки [3]).

Служащие тратили в 1923—24 году на самовоспитание около 2 часов в день (мужчины—66,8 часа в месяц, женщины—40,9 часа) и на общественную работу опять до ½ часа в день (мужчины—16,7 часа в месяц, женщины—6 часов в месяц) [4]).

Нетрудно предвидеть, что введение семичасового рабочего дня позволит рабочему расширить рамки времени, отводимого на общественную работу и на самообразование. Поднятие же культурного уровня пролетариата даст не только несомненный политический плюс, но и безусловный хозяйственный эффект [5]).

Таким образом, сокращение рабочего дня создает не только идеологический стимул для поднятия квалификации рабочего; оно является и определенной материальной предпосылкой для перехода на следующую, более высокую ступень культуры, а без этого, ведь, немыслима социалистическая рационализация производства.

[1]) С. Струмилин «Бюджет времени русского рабочего и крестьянина». «Вопросы Труда», 1924 г., стр. 24, 32 и др.

[2]) Оговариваюсь, что сюда не входит время, затрачиваемое на такие развлечения, как прогулки, танцы, игра в карты, лото, посещение трактиров, чайных, храмов, прием и посещение гостей и т. п.

[3]) Б. Маркус «Охрана труда молодежи», Москва, 1925 г., стр. 223.

[4]) См. сборник «Проблемы Труда» № 1, Москва, 1925 г. Статья Струмилина «Бюджет времени служащего».

[5]) Желающих подробно познакомиться с экономической стороны с проблемой повышения культурного уровня рабочего, мы отсылаем к чрезвычайно интересной брошюре проф. С. Г. Струмилина «Хозяйственное значение народного образования». Изд. «Эконом. Жизнь», М.—Л., 1924 г. Эконом. библиотека под ред. проф. С. А. Фалькнера.

Оценивая значение предстоящего сокращения рабочего дня, мы никак не должны упускать из виду еще то огромное влияние, которое это мероприятие окажет на сохранение физических сил рабочего класса. Этот фактор труднее всего учитывать в цифрах, однако, его практическое отражение будет огромно.

Многочисленные примеры, принадлежащие уже истории и потому убедительные, красноречиво говорят о том, что сокращение рабочего дня приводит к значительному уменьшению заболеваемости, к понижению смертности, удлинению средней продолжительности жизни рабочих, уменьшению числа профессиональных несчастных случаев, к понижению пьянства и т. д. [1]).

Все эти обстоятельства имеют, конечно, важнейшее экономическое значение, ибо увеличивают ресурсы квалифицированной рабочей силы в стране, но на ряду с этим, конечно, растет собирательная сила рабочего класса СССР, а это является уже немалой гирькой на той чаше весов, которая измеряет и политические успехи пролетариата.

IV. 7-часовой день в экономическом разрезе.

Рассматривая вопрос о семичасовом рабочем дне с точки зрения его влияния на состояние нашего народного хозяйства, мы должны прежде всего отметить, что семичасовой рабочий день даст нам целый ряд плюсов как раз в области наиболее узких мест нашего народного хозяйства.

Мы говорим 1) о смягчении безработицы, 2) об увеличении промышленной продукции и уменьшении товарного дефицита.

Каким путем и в какой степени могут быть достигнуты эти результаты?

По исчислениям Госплана СССР средняя суточная загрузка оборудования наших фабрик и заводов в 1926 году достигала 10,6 часа, до войны она была на 17% больше и составляла в 1913 году—12,8 часа [2]).

Превышение нынешней степени суточного использования оборудования по сравнению с довоенным, мы имеем лишь в обработке шерсти (в 1913 г.—11,8 часа, 1926 г.—12,0 часа), льна и пеньки (в 1913 г.—12,5 часа, в 1926 г.—13,4 часа) и в добыче угля (в 1913 г.—12,9 часа, в 1926 г.—13,7 часа), во всех

[1]) Не имея возможности приводить здесь все эти данные в связи с ограниченным размером статьи, мы отсылаем читателя к соответствующим неустаревшим материалам, которые в изобилии приводятся английским исследователем Х. М. Верноном в его книге «Промышленная усталость и производительность труда», русский перевод, изд. «Вопросы Труда», 1925 г. Гл. VIII. IX, X и др.

Данные, специально доказывающие целесообразность сокращенного рабочего дня ниже 8 часов, имеются у него же на стр. 67, 75, 84, 87—104, 158, 159, 162.

См. также книгу немецкого исследователя д-ра Lipmann «Die Arbeitszeitploblem».

Интересные материалы приведены в книге Герц и Зайдль «Рабочее время, заработная плата и производительность труда», Москва, 1925 г.

Некоторые данные по этому же вопросу собраны в книге С. Каплуна «Теория и практика охраны труда». В. I. Москва, 1926 г., стр. 267 и след.

См. также Б. Маркус «Охрана труда» (практич. руководство), Москва, 1928 г. Гл. V, отчасти III.

[2]) «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.», изд. Госплана СССР, 1927 г., стр. 20.

же остальных производствах наблюдается обратная картина, что видно из следующей таблицы [1]):

Группы производств	Суточное использован. оборудов. (в часах) 1913 г.	1926 г.	1926 г. в % к 1913 г.
Обработка хлопка	14,7	13,3	90,5
» шелка	11,9	9,9	83,0
Смеш. производства по обработке волок. вещ.	10,8	9,8	90,5
Бумажн. и полиграф.	11,1	9,6	86,5
Обработка дерева	13,0	10,6	81,5
» металла и машин	11,3	8,9	78,5
» минеральных веществ	11,5	9,8	85,0
» животных продуктов	10,3	9,6	96,3
» пищевых продуктов	15,8	9,2	58,3
Химич. производство	11,3	9,1	80,5
Добыча нефти	22,4	11,9	53,1
» руд	13,4	11,3	84,5
» соли	9,7	9,6	99,0
» золота и платины	10,3	9,8	95,0
» проч. ископаемых	10,8	нет свед.	—
» полезн. ископаемых	16,5	» »	—

Все эти данные позволяют нам выразить твердое убеждение, что у нас далеко не достигнута предельная степень использования оборудования. Если требование 24-часовой суточной загрузки всех предприятий было бы явным преувеличением, то задача дополнительной загрузки оборудования до довоенных пределов—процентов на семнадцать—двадцать отнюдь не является утопической, хотя она и связана с рядом трудностей (о них речь идет ниже).

Постепенная дополнительная нагрузка нынешнего оборудования в указанных выше пределах может дать, по весьма осторожным предварительным расчетам промсекции Госплана, в течение пятилетнего срока дополнительный прирост продукции на сумму не менее 775 миллионов довоенных рублей или 1.096 млн. руб. в червонной валюте 1931—32 года. Это явится весьма ощутительным смягчением недостатка пром. товаров на нашем рынке. Одновременно с этим увеличение числа работающих смен даст возможность дополнительного вовлечения в народное хозяйство не менее полумиллиона человек, в том числе в промышленность не менее 192 тысяч человек (остальные дополнительные 300 с лишним тысяч работников будут вовлечены в сеть расширяющегося аппарата торгового оборота, транспорта, в дополнительное строительство и т. д.).

Естественным последствием этого явится уменьшение безработицы, которая при этих условиях не только даст уменьшение абсолютной цифры, но и будет значительно (почти на 30%) ниже нынешнего уровня безработицы.

По исчислению Госплана СССР проведение семичасового рабочего дня и применение третьей смены работ следующим образом отразится на балансе использования труда работоспособного городского населения:

[1]) В. А. Зайцев «Рабочий день и перспективы его сокращения». Журнал «Плановое Хозяйство». Май 1927 г., № 5.

Баланс использов. труда городск. населения СССР в млн. душ [1]).

	1926/27 г.	1931/32 г.	В %% к 1926/27 г.
I вариант. Без учета сокращ. раб. дня и дополн. смен.			
Лица наемн. труда в городе	6595	8024	121,7
Прочие занятия и иждивенцы	8855	10428	117,7
Безработные	1350	1448	107,2
II вариант. С учетом увеличения числа смен и сокр. раб. дня.			
Лица наемн. труда в городе	6595	8524	129,2
Прочие занятия и иждивенцы	8855	10428	117,7
Безработные	1350	948	70,2

Итак, количество занятой по найму рабочей силы, которое без учета дополнительной загрузки оборудования (связанной с сокращением рабочего дня) может увеличиться за пять лет лишь на 1439 тысяч человек, при проведении намечаемого 7-часового дня даст возможность довести это увеличение до 1.939 тысяч.

Надо заметить, что Госплан, приводя в перспективной ориентировке эти расчеты, всюду оговаривает, что они весьма грубы, но *не преувеличены*: там ясно подчеркнуто, что в дополнительной нагрузке оборудования «мы могли бы пойти и дальше», что число дополнительно вовлекаемых в производство работников «не может быть меньше полумиллиона», что дополнительный прирост продукции будет на сумму «не менее 775 миллионов руб. по довоенн. ценам».

И действительно, по ряду известных нам других вариантов этих подсчетов мы сможем достигнуть больших плюсов.

Если в чем-нибудь ориентировочные подсчеты Госплана и следует упрекнуть в розоватом прикрашивании, так это—в чрезмерно оптимистической оценке факторов, задерживающих приток из деревни, в результате чего предполагается, что городская безработица за пятилетие при варианте 8-часового рабочего дня вырастет лишь на 7,2%. Гораздо более правильно обоснованы более осторожные расчеты Госплана РСФСР, считающего, что при варианте 8-часового рабочего дня безработица (правда, в одной лишь РСФСР) увеличится на 35,1%.

Но суть вопроса не изменяется и в этом случае, ибо введение семичасового рабочего дня даже и эту трудность сумеет преодолеть, увеличив на 500.000 число занятых в производстве и уменьшив на ту же цифру число безработных. Мы и в таком случае получим не только абсолютное, но и относительное уменьшение безработицы по сравнению с 1926—27 г. Правда, не на 29,8%, как считает Госплан СССР, а на 12,4% [2]).

Сокращение рабочего дня при увеличении числа работающих смен и при условии сохранения нынешнего уровня производительности труда даст свои положительные результаты и в области снижения себестоимости продукции, ибо снизит целый ряд накладных расходов на единицу продукции.

Проведение 7-часового рабочего дня, как мы уже и упоминали, связано и с рядом хозяйственных трудностей: дополнительная загрузка оборудования и вовлечение новых рабочих потребует дополнительных «капитальных вложений», размер коих исчислен Госпланом СССР ориентировочно на сумму около 300 милл. руб. по линии жилищного строительства и 140 милл. руб. по другим линиям. Эти дополнительные средства нам придется найти в течение пяти лет, и это, конечно, связано с серьезным усилием всего хозяйственного организма. Придется нам считаться и с увеличением напряжения на рынке сел.-хоз. сырья, необходимого для промышленности. Это, в свою очередь, потребует некоторого форсирования импорта сырья, а значит и экспорта других продуктов. Таким образом, проведение семичасового рабочего дня является для пролетарского государства новым и серьезным экзаменом на зрелость. Нашим плановым органам придется тщательно и конкретно проработать и увязать все эти задачи.

[1]) См. «Персп. ориентировка». Изд. Госплана, стр. 45.

[2]) См. «Перспективы развития нар. хоз. и культ. строит. РСФСР на 1927/28—1931/32 гг.». Москва, 1927 г., стр. 71.

Все основные ходячие возражения наших критиков против перехода к семичасовому рабочему дню основаны на том, что, по их мнению, эта мера должна либо понизить производительность труда, либо должна повысить интенсивность труда рабочего до такой степени, что «пот прошибать станет», как выражается кое-кто из оппозиции.

Думающие так добровольно одевают шоры на глаза, отказываясь смотреть на «живую жизнь», ибо суть дела состоит в том, что 1) само по себе сокращение рабочего дня увеличивает производительную силу труда: меньше подвергаясь утомлению, сберегая свои силы, работник без всякого перенапряжения достигает большего уплотнения рабочего времени, повышая количество продукции, выпускаемой в единицу времени; 2) это тем более достижимо, что переход работы на 7-часовой день будет у нас происходить, как сказано в Манифесте, «в соответствии с ходом переоборудования и рационализации фабрично-заводских предприятий и ростом производительности труда», а повышение технического уровня само по себе является важнейшим и основным способом повышения производительности труда.

Остановимся подробней на каждом из этих моментов.

Для упрощения рассуждения посмотрим сначала, что произойдет с часовой и дневной производительностью труда рабочего при условии, если техническое оборудование промышленности осталось бы неизменным.

Немногочисленные опыты перехода с 8- на 7-часовой рабочий день, которые были проведены в капиталистических странах, в некоторых отраслях промышленности дали доказательства того, что эта мера вызвала повышение часовой производительности труда рабочего в среднем на 7%.

Д-р Липпман приводит материалы каменноугольной промышленности Англии, где часовая производительность при переходе с 8- на 7-часовой рабочий день повысилась в одном случае на 11%, в другом на 30%, в третьем на 8%. В Рурском бассейне та же мера вызвала уже через 2 месяца повышение часовой производительности труда на 13%, в добыче соли в Германии 7-часовой день дал 24% увелич. часовой производительности труда, в фарфоровой промышленности Бреславля переход на 7-часовой день дал повышение часовой производительности на 20% [1]).

[1]) Привожу данные по упомянутой статье В. А. Зайцева, помещ. в журнале «Плановое Хозяйство» № 5 за 1927 г.

Хотя у нас в целом ряде вредных производств давно применяется сокращенный рабочий день менее 8 часов, но, к сожалению, специальных работ, освещающих связь между сокращением рабочего времени и производительностью труда, почти не опубликовано. (Этот пробел необходимо и весьма своевременно было бы сейчас восполнить).

По исчислениям, относящимся к предприятиям РСФСР, в 1920 году часовая производительность труда рабочего при рабочем дне в 6,9 часа составляла 2,50 единиц часовой нормы, при рабочем дне в 8,3 часа она падала на 21,2% (до 1,97 единицы), а при рабочем дне в 10,6 часа она уменьшалась на 26,7% (до 1,83 единицы) [1].

Итак, все эти материалы подтверждают, что часовая производительность личного труда рабочего при переходе на 7-часовой рабочий день безусловно подымется.

Надо иметь в виду, что приводимые примеры достигнутого в капиталистических предприятиях под'ема производительности и интенсивности труда при переходе на 7-часовой рабочий день, хотя и показательны сами по себе, но имеют для нас весьма относительное значение. Совершенно очевидно, что если даже при работе на капиталистической фабрике после сокращения рабочего дня пролетарий легко достигает повышенной производительности труда, то при 7-часовой работе на наших предприятиях социалистического типа у рабочего имеется гораздо больше оснований и побуждений для достижения более высоких пределов выработки: ведь рабочий знает, что, повышая производительность труда, он не повышает относительную прибавочную стоимость, идущую в карман класса капиталистов, а работает в интересах своего класса, создавая материальные предпосылки для роста заработной платы и роста социалистического накопления.

Это позволяет нам предположить, что имеющиеся данные о степени роста производительности труда при капиталистическом применении сокращенного рабочего дня окажутся тем низшим пределом, который у нас безусловно будет превзойден.

Говоря о поднятии личной производительности труда или интенсивности труда рабочего, мы обязаны присмотреться еще к этому вопросу с точки зрения того, не пойдет ли этот под'ем в ущерб здоровью рабочего. Для этого нам надо ответить на вопрос о том, за счет чего может уплотниться рабочий день.

Тщательное изучение нынешнего использования рабочего дня в промышленности, которое производилось на целом ряде предприятий с помощью хронометража и более грубого метода «фотографии рабочего дня» доказало, что в силу целого ряда как серьезных, так и легко устранимых причин полезно использованное рабочее время составляло в 1924 году в разных производствах и для разных профессий половину—две трети рабочего времени. С тех пор многие недочеты безусловно устранены, но бесспорно, что по сей день мы далеки от совершенства в отношении полезной затраты рабочего времени [2].

---

[1]) См. «Вестник Труда» № 12 за 1921 г.

Некоторые аналогичные данные имеются и в книге С. Струмилина «Проблемы экономики труда», Москва, 1925 г., стр. 60—66.

[2]) Подробные материалы по этому вопросу см. в книге А. И. Рабиновича «Рабочее время и его использование». Изд. ЦУП ВСНХ СССР, Москва—Ленинград, 1926 г.

Улучшение степени использования рабочего дня зависит и от администрации и от рабочего. Не перечисляя всех возможных способов достижения этой цели, мы приведем, как основные, лишь следующие меры: 1) повышение полезного действия и скорости машин и станков до нормальных технически-возможных пределов, 2) своевременная выдача рабочему исправного инструмента и доставка ему необходимых для работы материалов, уменьшение простоя машин; 3) уменьшение лишних движений рабочего (хождение от станка к станку, неудобное расположение материала и т. п.); 4) устранение непроизводительных затрат времени на хождение в рабочие часы в фабр.-заводские организации, в контору, в амбулаторию, за газетой; 5) своевременное начало и окончание работы и пр. и т. п.

Итак, целый ряд недочетов в использовании рабочего дня вполне может быть устранен при вполне приемлемой степени интенсификации труда. Проведение 7-часового рабочего дня заставит нас, конечно, подтянуть себя в этом отношении, но это ведь отнюдь не минус, ибо дело сводится к устранению нашей расхлябанности, «прохладного» отношения к работе, к усвоению более культурного отношения к своим обязанностям, к станку, к обрабатываемому материалу, инструменту и т. д.

Таким образом, нам обеспечен безболезненный рост часовой производительности труда при 7-часовом дне даже при неизменных технических условиях.

Доказав, что часовая производительность труда поднимется при семичасовом рабочем дне, мы оставили еще без ответа вопрос о том, не упадет ли все же дневная производительность труда. Ведь можно при 7-часовом дне в каждый час вырабатывать больше, чем при 8-часовом дне, но так как число часов уменьшается на 12,5%, то необходимо посмотреть, компенсируется ли это соответствующим под'емом производительности труда.

Эта проблема чрезвычайно важна потому, что в зависимости от общего роста выработки ставится и темп роста зарплаты.

Известные до сих пор материалы говорят, что общего ответа на этот вопрос не существует: в разных отраслях производства получались различные результаты.

Отдельные материалы противоречивы. Данные Липпмана говорят, например, что переход на 7-часовой день дал повышение дневной и недельной выработки в добыче соли в Германии на 8%, а в отдельных угольных районах Англии даже повышение на 14%. На ряду с этим в ряде других угольных районов Англии, Германии, Рурской области получилось снижение общей производительности. В фарфоровой промышленности Бреславля не произошло никаких изменений в общей выработке.

У нас в России материалов и здесь мало. В своем докладе на всесоюзном с'езде по технике безопасности и профгигиене «Проблема производительности труда и охрана труда» т. Каплун приводит сообщение, что введение 6-часового рабочего дня на щетинной фабрике в Витебске при прочих общих неизменившихся условиях позволило сохранить дневную производительность труда на уровне 96% от той, которая была при 8-часовом дне [1]).

В цитированной выше работе, изучавшей производительность труда в 1920 году в РСФСР, указывается, что дневная произво-

---

[1]) См. «Труды I всесоюзн. с'езда по профгигиене и тех. без.». Москва, 1926 г., стр. 24.

дительность труда в предприятии со средним рабочим днем в 6,9 часа составляла 17,25 единиц часовой нормы, а при среднем рабочем дне в 8,3 часа она была даже на 5,2% ниже — всего 16,35.

Рассматривая расчлененно данный вопрос, Вернон на основании большого числа наблюдений пришел к заключению, что в производствах с преобладанием ручного труда (добыча угля, гранита) общая выработка при 7-часовом дне должна быть не ниже, чем при 8-часовом дне, и больше, чем при 10-часовом дне. По его же материалам проведение 7½- и 7-часового рабочего дня на некоторых заводах в производствах, где производительность зависит в равной мере от машины и от рабочих (химич. пр-ва, мыловарение, фабрика изоляторов), уже в короткий период привело к сохранению прежнего уровня суммарной выработки.

Для большинства производств, где производительность зависит от интенсивности человеческого труда и скорости работы машин (обувное, машиностроительное), Вернон считает, однако, что установление сокращенного (шестичасового) рабочего дня приведет к некоторому понижению общей производительности, которое будет, однако, вдвое меньше, чем пропорция сокращения рабочего времени. В текстильной и подобных отраслях промышленности, где большая часть работы производится машинным путем, сокращение рабочего дня ниже 9—10-часового (!) кажется ему вообще невыгодным, из-за недостаточной загрузки машин и станков. Исходя из того, что экономический оптимум достигается при беспрерывной работе оборудования, он ратует за введение в таких технически усовершенствованных производствах, как текстильное, сменных работ, которые позволят сократить рабочий день.

По соображениям Вернона, сокращение рабочего дня до 7 часов наиболее и безусловно выгодно даже для капиталистов на ручных, мускульных работах, оно приемлемо на полумеханизированных производствах и допустимо в остальных лишь при условии увеличения числа смен [1]).

Еще раз напоминаем, что приводимые данные Вернона относятся к капиталистическим предприятиям и потому имеют для нас условное значение, как низший предел, который мы превзойдем. Но все же ради осторожности мы принимаем за общий закон худшее из всех утверждений Вернова и готовы считать, что дневная производительность в большинстве производств (при неизменной технике) даже у нас могла бы снизиться пропорционально вдвое меньше, чем сокращение рабочего дня, то-есть смогла бы снизиться на половину от 12,5%, иначе говоря, на 6¼%. В таком возможном снижении общей производительности труда кроется опасность некоторой задержки и темпа роста зарплаты. Но единственный вывод отсюда—это необходимость постепенного, а не единовременного перехода к 7-часовому дню: проведя необходимое маневрирование и разложив эту величину (6¼%) на ряд лет, мы могли бы сделать ее менее чувствительной и для задержки роста зарплаты. Таким образом и эта трудность преодолима.

[1]) См. Вернон «Пром. усталость и произв. труда», стр. 67—97. (Итоговые формулировки на стр. 93, видимо, переведены с ошибкой: они противоречат подробному тексту на стр. 69, 88 и др.).

Чтобы знать, насколько ценны эти выводы, следует сказать, что мы имеем дело с материалами одного из лучших и более добросовестных современных исследователей, который в силу своего официального положения подходит к проблемам рабочего времени, исходя из желания достижения оптимума производительности труда при капитализме. Поэтому нет оснований думать, что он—председатель английской правительственной комиссии по изучению утомления—готов жертвовать интересами производства (читай—капитала) и быть чрезмерно мягким к рабочему.

Здесь пора напомнить, что все рассуждение до сих пор было условным, ведь постановка вопроса была лишь абстракцией (отвлечением от действительности), ибо *переход к 7-часовому рабочему дню происходит у нас не при неизменных технических условиях, а как раз при быстро проводимой рационализации производства и повышении технического уровня, а от этого, ведь, больше всего зависит под'ем производительности труда.*

Насколько этот технический процесс уже сейчас реально ощущается во всем нашем хозяйстве, видно хотя бы из того, что еще в 1925 г. для расширения производства на каждый миллион рублей новой продукции требовалось 288 новых раб., в 1926/27 г.—186 раб., а в 1927/28 г.—83. В каменноугольной, нефтяной, резиновой, хлопчато-бумажной промышленности эффект этот еще резче заметен [1]).

Мы видим из этого, что рационализация производства успевает вполне реально врасти в жизнь, и поэтому ясно, что рост производительности рабочего будет происходить в дальнейшем, как, впрочем, и в последнее время, больше всего за счет технической реорганизации и капитального переоборудования предприятий.

Именно изменение и переделка технического базиса нашей промышленности является уже сейчас надежной точкой опоры, позволяющей на этом строить переход к 7-часовому рабочему дню при растущей производительности труда. В свою очередь, конечно, проведение 7-часового рабочего дня потребует от хозяйственников строжайшей экономии на всех накладных расходах. Это будет толкать вперед и ускорять дальнейший темп рационализаторской работы.

Наш вывод ясен—*переход к семичасовому рабочему дню не должен отразиться на дальнейшем последовательном росте уровня производительности труда, ни в сторону его снижения, ни даже в сторону замедления темпа роста.* Мы будем добиваться того же темпа роста производительности, который мог бы быть предположен при условии 8-часового дня.

С совершенной очевидностью отсюда вытекает то, что *при этом условии не придется ни прекратить, ни задержать намечающегося темпа возрастания реальной заработной платы.* 7-часовой день может дать даже некоторое дополнительное, частичное увеличение роста реальной зарплаты, ибо, увеличивая выпуск продукции, содействуя ускорению процессов рационализации, мы будем облегчать снижение себестоимости единицы продукции, а тем самым и снижение цен.

Это, в свою очередь, служит одним из путей повышения зарплаты. Но сохранение намечающегося темпа повышения зарплаты при одновременном дополнительном увеличении численности пролетариата дает, конечно, повышение общего фонда заработных

[1]) См. «Контр. цифры нар. хоз. на 1927/28 г.». Изд. Госплана, Москва, 1927 г., стр. 210.

плат, а тем самым будет содействовать дальнейшему повышению доли пролетариата в общем национальном доходе страны. Это опять-таки означает дополнительный плюс в смысле увеличения удельного веса пролетариата в стране, в смысле улучшения социальной структуры СССР.

V. Выводы и практические предложения.

Подытоживая то, что нам несет проведение 7-часового рабочего дня, мы смело можем утверждать, что:

1. Сокращение рабочего дня растет из достигнутых экономических успехов нашего советского народного хозяйства и является наиболее верным путем дальнейшей социалистической реконструкции промышленности. Лишь при условии проведения 7-часового дня и введения дополнительных смен рабочих индустриализация СССР пойдет более быстрым темпом, чем это возможно было бы достигнуть при нынешнем рабочем дне.

2. В частности, проведение этой меры: а) смягчит недостаток на рынке пром. товаров, б) увеличит численность рабочих, уменьшит безработицу.

3. Не уменьшая роста производительности труда и зарплаты мы сможем при 7-часовом дне уменьшить накладные расходы и себестоимость продукции, а тем самым облегчить снижение цен. Одновременно мы достигнем дальнейшего увеличения доли пролетариата в национальном доходе. Наконец, сокращение рабочего дня поможет сохранить физические силы рабочих, уменьшив уровень заболеваемости и несчастных случаев.

4. Проведение 7-часового рабочего дня будет содействовать повышению культурного уровня наших рабочих внутри страны и еще больше сплотит вокруг СССР силы мирового пролетариата.

На ряду со всем этим введение 7-часового дня ставит на очередь перед пролетариатом СССР и нашим хозяйством разрешение целого ряда новых задач и преодоление ряда преходящих трудностей. Основные из них следующие: а) необходимость достижения повышенной производительности труда при сокращении рабочего дня потребует быстрого изменения технического оборудования и одновременно более интенсивной, уплотненной, экономной, более культурной работы; б) необходимость увеличения числа смен потребует некоторых дополнительных капитальных вложений в оборудование предприятий и жилстроительство; это может быть достигнуто лишь при определенном напряжении бюджета: с тем большей остротой ставится задача еще большей экономии на непроизводительных расходах, задача сокращения расходов на госуд. аппарат, задача удешевления стоимости строительства, задача дополнительного из'ятия средств у нэпманов, кулака; в) расширение промышленности, сопровождающее сокращение рабочего дня, ставит задачу дальнейшего расширения производства, а на ближайшее время даже импорта, сел.-хоз. сырья. Отсюда—необходимость увязывать рост индустрии с дальнейшей интенсификацией сельского хозяйства и с форсированием экспорта в наиболее допустимых размерах.

Все это—нелегкие задачи, они могут быть разрешены лишь при мобилизации больших усилий и коллективной воли рабочего класса, ведущего нашу страну к социализму.

Весь десятилетний опыт нашего строительства позволяет выразить уверенность, что поставленные теперь историей перед нами новые задачи будут выполнены.

Остается в заключение высказать несколько предложений относительно порядка практического осуществления семичасового рабочего дня. Не случайно Манифест ставит вопрос о том, чтобы «*приступить* не позже чем *через год к постепенному* осуществлению этого постановления по отношению к *отдельным* отраслям промышленности *в соответствии с ходом переоборудования и рационализацией фабрично-заводских предприятий и ростом производительности труда*».

Было бы опасной демагогией, если бы мы пообещали перейти на 7-часовой день немедленно или даже через год, но *сразу для всей промышленности*. Это заставило бы нас разрешить сразу все связанные с 7-часовым днем трудности, а отсюда смогли бы возникнуть определенные опасности.

Деловая постановка вопроса требует предварительной проработки в плановых, хозяйственных и профессиональных организациях всей проблемы.

Проработка эта, по нашему мнению, должна сводиться к уточнению и выяснению следующих вопросов:

1) необходимо подсчитать точно число пользующихся сейчас сокращенным рабочим днем в отдельных вредных производствах;

2) изучить связь между производительностью труда и сокращенным рабочим днем там, где он проводился до сих пор;

3) перевести еще в этом году ряд предприятий в разных отраслях хозяйства на 7-часовой день, введя в то же время и дополнительные смены. Одновременно поставить на этих предприятиях тщательное изучение тех изменений в уровне производительности труда, которые будут иметь место в процессе перехода на 7-часовой день, изучить наиболее приемлемые часы «ломки» смен;

4) экономически тщательно проработать по отдельным отраслям промышленности вопрос о сроках и очередности перевода предприятий на сокращенный рабочий день и о применении дополнительных смен, увязывая эти меры с ходом рационализации и с наличием сырья;

5) отдельно проработать вопрос о порядке и сроках перевода на 7-часовой день частных, арендованных и концессионных предприятий.

Ко времени практического проведения в жизнь 7-часового дня нам следует окончательно решить вопрос *об очередности* введения 7-часового дня и дополнительных смен в государственных предприятиях. Бесспорной представляется нам целесообразность его немедленного введения на всех вновь открываемых предприятиях, наиболее рационализированных, построенных и оборудованных по последнему слову техники. То же относится и к предприятиям, подвергающимся полному капитальному переоборудованию. Такая постановка вопроса целиком вытекает из смысла Манифеста и экономически наиболее целесообразна.

Однако, здесь может создаться некоторое столкновение с интересами охраны труда тех, кто работает на наиболее старых предприятиях, в наиболее худших, вредных, опасных условиях труда. Нам кажется, что такие наиболее худшие по оборудованию предприятия (по особому списку), на которых нельзя будет в ближай-

шие годы провести коренную рационализацию производства, следовало бы тоже отнести к переводимым на 7-часовой день в первую очередь.

Это тем более легко будет сделать, что многие цеха таких предприятий уже сейчас фактически работают 6 или 7 часов в зависимости от вредности.

Попутно с этим следовало бы уточнить вопрос о длительности рабочего времени на ночной работе, в предпраздничные дни, а также в отношении работающих во вредных профессиях несовершеннолетних. Нам кажется, что здесь нет особых оснований изменять установленный нынешним законодательством порядок. Равным образом, должны быть сохранены всюду примерно часовые обеденные перерывы и кратковременные перерывы, установленные из гигиенических целей, на отдельных работах.

Наконец, последнее соображение организационного порядка: во избежание разнобоя на местах в практическом осуществлении 7-часового дня следовало бы установить централизованное декретирование порядка и очередности проведения сокращенного рабочего дня. Для увязки всей работы отдельных ведомств следовало бы создать особую правительственную комиссию, наделенную необходимыми полномочиями.

Н. Рубинштейн.

„Ультра-левые" ренегаты и троцкистская оппозиция.

Активность «ультра-левых» ренегатов, борющихся против Коммунистического Интернационала, растет с каждым днем.

Никогда еще, кажется, не изливались такие потоки грязной клеветы и лжи по адресу Коминтерна и его руководства, никогда еще не была столь отвратительна свистопляска Маслова, Рут Фишер и К° вокруг чаемого «кризиса» ВКП и международных коммунистических партий, как теперь.

Это «повышение активности» самым тесным образом связано с усилением раскольнической и дезорганизаторской деятельности троцкистской оппозиции внутри ВКП(б). Каждый новый оппозиционный документ, каждая новая нелегальная типография действует в качестве «сильно возбуждающего» средства на немецких союзников оппозиции.

Новый анонс о «разложении ВКП», директивное «письмо из СССР»,—материал для очередного пасквиля гг. Рут Фишер, Маслова, Шолема. Ренегат вооружается пером и

«разводит яд своих чернил
слюною бешеной собаки».

Кроме внешних возбудителей, на «ультра-левых» действуют и «домашние» обстоятельства. «Ультра-левые» окончательно *изолированы*; надежда на раскол коммунистической партии Германии с треском провалилась: за ренегатами и отступниками не пошли не только партийцы, но и беспартийные (выборы в Гамбурге). Тактика, рассчитанная на «взрыв изнутри», который должен был последовать после обратного приема «ультра-левых» в ряды Коминтерна, не удалась.

Остается одно—бессильно злобствовать на страницах «Знамени Коммунизма» (читай—«Знамя Антибольшевизма»), приправляя социал-демократические блюда «левой» фразой, чтобы не слишком «отшибало» доверчивого читателя.

Впрочем, в этом распоясывании «ультра-левых» есть в известном смысле и *положительная* сторона. С каждым новым номером «Знамени Антибольшевизма» физиономия гг. Рут Фишер—Маслова вырисовывается все ярче и ярче, из-под «ультра-левого» грима все отчетливее выступает их *меньшевистский* облик, каждая новая порция литературного варева ренегатов разоблачает авторов и тем облегчает задачу коммунистической партии.

Проиллюстрируем это на примерах.

* * *

Маслов, Рут Фишер и К° рекомендуют себя в качестве «единственных», «действительных» борцов против военной опасности.

Они не только согласны признать наличие этой опасности. У ренегатов хватает наглости обвинять Коминтерн в том, что он недостаточно активно борется против грядущей войны.

«Действительно Коммунистический Интернационал,—пишут они,—должен был бы использовать это, может быть, очень короткое время приготовлений (к войне. *Н. Р.*) для действительной, т.-е. революционной мобилизации пролетарских боевых сил против военной опасности, для того, чтобы *раз'яснить всему мировому пролетариату близость и размеры этой опасности посредством ленинской пропаганды... Но этого нельзя ожидать от нынешнего руководства Коминтерна*» [1]).

Заниматься опровержением грязной клеветы значило бы оказывать слишком большую честь клеветникам. Гораздо более интересно выяснить *их* позицию в вопросе о войне.

Борьба против военной опасности—это прежде всего борьба против буржуазии *в своей* стране. В этом смысле—поскольку речь идет о Германии—задача немецких коммунистов разоблачать усиливающуюся с каждым днем «западную ориентацию» германской буржуазии, разоблачать теорию «нейтралитета», которая в ее практическом применении означает помощь Германии английским консерваторам в готовящейся войне против Советского Союза.

Для «ультра-левых», этих действительных—на этот раз без кавычек—штрейкбрехеров пролетарской революции, не существует задачи борьбы против вовлечения Германии в кольцо антисоветского блока.

«Когда, т. е., говорят о западной ориентации (Германии),—заявляет «Знамя Антибольшевизма»,—то под этим подразумевают либо ту *тривиальность* (которая для мещан из национально-ограниченного руководства Сталина не является тривиальностью), что немецкая буржуазия, в случае войны империалистов против Советского Союза, будет не с Советским Союзом, а против него, либо хотят скрыть свое мещанское банкротство....» [2]).

Так под прикрытием клеветнических нападок на Коминтерн «ультра-левые» зачеркивают *конкретные* задачи мобилизации масс против «западной ориентации» германской буржуазии: нужно ли, де, вообще говорить о такой «тривиальности»?

Расстановка сил на международной политической арене говорит сама за себя. Авгур от имени твердолобых организует покупку Германии Англией за «сходную» цену. Штреземан не прочь поторговаться и набить цену на «нейтралитет» Германии. А «ультра-левые» ренегаты увещавают рабочих не обращать внимания на «тривиальную» «западную ориентацию»!

В тесной связи с вопросом о «борьбе» «ультра-левых» против военной опасности стоит их отношение к франко-советским переговорам.

Слово в слово повторяя измышления «платформы» троцкистской оппозиции, ренегаты «разоблачают»:

«Стратегический план оппортунистов в «руководстве» русской партии состоит из следующих пунктов: уплата

---

[1]) «Die Fahne des Kommunismus» № 27 (16/IX—1927 г.), стр. 121.
[2]) «F. d. K.» № 27, стр. 121.

империалистам 100—150 миллионов золотом ежегодно для того, чтобы «откупиться» от войны; отмена монополии внешней торговли для того, чтобы дать большие возможности для «свободного» развития производительных сил; правый «маневр» внутри страны, т.-е. расширение так или иначе расширенных против текста конституции прав буржуазных слоев и классовых группировок и фактическая отмена национализации земли; невмешательство в революционное движение на Западе, главным образом, в Китае. В рамках этого плана надо рассматривать предложение Литвинова французскому правительству» [1]).

Не трудно сообразить, как увязывается эта беззастенчивая ложь с «защитой» Советского Союза. Если согласие Советского правительства *купить* (согласием на *частичную* уплату долгов) необходимые для социалистического хозяйства кредиты изображается как «признание капитуляции, измена принципам Октябрьской революции» (это ренегаты-то говорят о принципах!), то вывод, который должны сделать французские и прочие империалисты, подсказан им услужливыми «ультра-левыми». *Фантастические* выдумки о ликвидаторском плане ВКП(б) «обосновывают» и стимулируют *реальное* усиление нажима империализма на СССР, подготовки противосоветской войны, организации финансово-экономической блокады.

Если к этому добавить опубликование в «Знамени Антибольшевизма» *секретных* документов ГПУ о военном заговоре, являющееся *прямой* помощью русским белогвардейцам и их заграничным друзьям, то картина получит полную законченность.

«Левые—честные, преданные, готовые к делу друзья Советской России... Левые, которых теперь поносят, будут своими телами защищать» Советский Союз,—так афишировали себя ренегаты [2]).

Без такого прямого обмана «ультра-левым» трудно было бы выступать против Советского Союза: слишком силен для этого рост сочувствия к СССР среди трудящихся масс Запада. Теперь обман разоблачен полностью.

«Ультра-левые»—«преданные и готовые к делу друзья»—только не Советского Союза, а господ Детердингов.

Участие «ультра-левых» в антисоветской травле непосредственно преследует основную задачу—дискредитировать ВКП(б), Советский Союз в глазах международного пролетариата. Именно в этой роли «ультра-левые» оказывают наибольшую помощь империалистической и социал-демократической контрреволюции. Дискредитация СССР и Коминтерна—своеобразный «род оружия» ренегатов. Анжелика Балабанова и Пауль Леви, Корш и Суварин, Рут Фишер и Маслов—словом, все «Бадьяны» мелкого и крупного калибра начинают антисоветскими выступлениями свою социал-демократическую карьеру.

В стремлении «посрамить» русских коммунистов «ультралевые» доводят свою демагогию до прямого абсурда.

«Оппортунистическое представление руководящей *фракции* русской партии (немецкие «ультра-левые» и в термино-

---

[1]) «F. d. K.» № 29, стр. 138.
[2]) «Der Kampf um die Kommunistische Partei. Platform der linken Opposition der K. P. D.», s. 6.

логии не отстают от своих русских единомышленников) исходит из признания *абсолютной* стабилизации капитализма,— пишет орган масловской группы.—В этой связи будет иметь между прочим значение даже такая побочная деталь, как срок (договоров СССР с капиталистическими странами. *Н. Р.*), рассчитанный на 62 года. При твердой ориентации на мировую революцию,—глубокомысленно замечает автор статьи,— было бы совершенно безразлично, на сколько лет заключать договоры с капиталистами. При гнилой ликвидаторской ориентации на «здоровый», развивающийся капитализм—это далеко не безразлично» [1]).

Трудно было бы привести лучший образец столь «левой» и столь бессмысленной фразы. Ведь если согласиться с утверждением ультра-левых, то следует оспорить право советских хозоргапов заключать какие бы то ни было сделки с капиталистами; даже подписание годового векселя оказалось бы в этом случае проявлением ликвидаторства, потому что в условиях *относительной* стабилизации капитализма (ибо бесчестной *ложью* являются утверждения ренегатов о том, что Коминтерн якобы стоит на точке зрения абсолютной стабилизации) непосредственная революционная ситуация может наступить и очень скоро.

Троцкистская оппозиция с возмущением оспаривала наличие кровного родства идейных позиций Корша и Маслова—Фишер. Приведенный пример разоблачает фальшивую аргументацию адвокатуры ренегатов. Одним из первых «доводов» Корша—Каца, с помощью которых эти контрреволюционеры оперировали против ВКП, была «левая» фраза о недопустимости для СССР экономических связей с капитализмом. Как раз на эту позицию стали и «ультра-левые». Больше того. Группа Рут Фишер—Маслова пользуется оружием, заимствованным из арсенала Корша—Каца для того, чтобы *спровоцировать* международный пролетариат против СССР. «Ультра-левые» требуют, чтобы советское правительство бойкотировало Литву, фашистское правительство которой ведет политику белого террора. Против этого предложения, по словам «ультра-левых»,

> «не могут быть приведены разумные основания, исходящие из интересов пролетарского государства... Пусть же спросят свой ЦК наши так называемые верные ЦК рабочие, какие основания говорят против бойкота Литвы. Пусть они спросят, почему Коминтерн бессильными и бумажными вздохами осуждает низость Вольдемараса и его палачей, в то время как действие, которое возможно и выполнимо, бойкот со стороны России был бы во сто раз более ценен, нежели бумажные протесты» [2]), — патетически восклицает «ультра-левый» провокатор.

Мы говорим—провокатор, ибо только грязной *провокацией* можно назвать использование сочувствия пролетарских масс к жертвам белого террора в целях борьбы против ВКП и Коминтерна, ибо при последовательности провокаторы должны были бы прямо декларировать необходимость немедленного разрыва СССР со всеми капиталистическими государствами, ибо только

[1]) «F. d. K.» № 29, с. 139.
[2]) «F. d. K.» № 28, с. 132.

меньшевики могут находить разницу между белым террором Вольдемараса и Муссолини, Пилсудского и Кулиджа.

На ряду с этой провокацией «ультра-левые» изливают ушаты грязи по адресу ЦК ВКП. Предстоящий партс'езд расценивается как копия эдинбургского с'езда трэд'юнионов. Сообщается о том, что «Сталин ведет курс на ликвидацию Коминтерна». По поводу 10-летия Октябрьской революции масловцы «раз'ясняют», что «праздничными торжествами хотят заслонить оценку достижений великой революции. Хотят заслонить тот факт, что инструмент победоносной революции, большевистская партия, будет разрушен» [1]). Усиленно муссируется «собственного изобретения» теория «трех шахматных шагов». — «Перед партс'ездом,— пророчит «Fahne des Kommunismus»,—состоятся юбилейные торжества, на партс'езде устроят бойню оппозиции, после партс'езда может начаться открытый термидор» [2]).

Вся эта клеветническая кампания проводится «ультра-левыми» в трогательном единении с Данами и Штампферами и Гильфердингами. Недаром русский меньшевик Гарви (кстати сказать, меньшевик, стоящий *направо* от Дана) расписывается на страницах «Форвертса» в своем согласии с «информацией» Маслова—Рут Фишер. «Похоже на то,—пишет Гарви,—будто верно было утверждение «Знамени Коммунизма» о том, что Сталин уже в деталях разработал «программу» ликвидации коммунистической революции» [3]).

Круг завершен. «Форвертс» больше не нуждается в перепечатках из белых газет, в сообщениях «собственных» варшавских и рижских корреспондентов. Информаторы из «Знамени Коммунизма» с успехом выполняют эту роль—ведь таково историческое предназначение ренегатов от коммунизма—Маслову—Рут Фишер «по штату» полагается «услужать» Каутским и Гильфердингам.

Чтобы покончить с «ультра-левой» «идеологией» следует остановиться на тех программных и тактических заявлениях ренегатов, которые являются «теоретической» опорой для их антисоветской кампании. Таков в первую очередь «анализ» новой экономической политики и советского хозяйства.

> «Поворот к нэпу, сделанный в 1921 г.,—пишут «ультра-левые»,—был вынужден затяжкой пролетарской революции в Европе. Этот поворот принес с собой под'ем упавшего хозяйства, но под'ем, который развивал одновременно с новыми социалистическими элементами *превосходящие их* товаропроизводящие и капиталистические элементы преимущественно мелкобуржуазной аграрной страны... В последние два года *буржуазные классы в Советском Союзе росли соответственно абсолютному и относительному росту капиталистического сектора в русском хозяйстве*» [4]).

Вслед за экономическим «анализом» идет «философия».

> «Из русского опыта,—продолжают ренегаты,—международный пролетариат научился тому, что применимо для каждой пролетарской революции. Но международный про-

[1]) F. d. K.» № 31, с. 160.
[2]) F. d. K.» № 30, с. 146.
[3]) «Vorwärts» 25/X—1927 г. Abendausgabe.
[4]) «Platform der linken opposition der K. P. D.». Стр. 26, 28. Курсив всюду мой. *Н. Р.*

летариат исправил и *ошибки* русского опыта. Эти ошибки заключаются не в проведении слишком твердой классовой диктатуры, которую к тому же пытались дискредитировать как «военный коммунизм», но, наоборот, в расширении нэпа, введение которого было необходимо, в нео-нэп, в утверждении, что нэп—прямой, удобный и к тому же обязательный для всех стран путь к социализму, что этот путь в большей своей части уже проделан Советским Союзом и будет пройден до конца без содействия международной революции» [1]).

Откинем клевету о нео-нэпе, об «отказе» от международной революции и попробуем вылущить ядро из «ультра-левых» рассуждений. Мы получим следующий тезис:

1. Поворот к нэпу—отступление русского пролетариата—был вызван только задержкой мировой пролетарской революции.

2. Нэп—чисто русское явление, а не обязательный для всех стран путь к социализму.

Отрицать законченность этой концепции не приходится. Семена, посеянные нашей оппозицией еще в 1925 г. (нэп—только отступление и т. д.), расцвели пышным цветом. Ревизия ленинизма в одном из важнейших вопросов, отрицание ленинского тезиса о необходимости *во что бы то ни стало ужиться с крестьянством*, отрицание международного значения этого тезиса—налицо.

В свете этих рассуждений становится ясной и тактическая установка «ультра-левых».

Маслов—Рут Фишер выбиваются из сил, доказывая, что германская компартия со времени изменения руководства терпит постоянные поражения. Клевеща на нынешний ЦК КПГ, ренегаты выбалтывают свое отношение *к лозунгу борьбы за массы*, лозунгу который был выставлен Лениным. Обвиняя Коминтерн в реформизме, «ультра-левые» заявляли, что «практиковавшаяся до сих пор теория и практика единого фронта» в действительности представляет собой «идеологию капитулянтов и ликвидаторов» [2]).

Не приводя сколько-нибудь убедительной аргументации, «ультра-левые» ренегаты, по сути дела, стоят на такой позиции, которая исключает отвоевание рабочих масс из-под влияния реформистов.

Каковы же перспективы «ультра-левых» в КПГ и в Германии вообще? Недавние выборы в Гамбурге являются лучшим ответом на этот вопрос.

«Влияние КПГ в профсоюзах (в Гамбурге. *Н. Р.*) далеко отступило назад вследствие стратегии и тактики Тельмана. Такое же явление имеет место на предприятиях»,—писали масловские литераторы накануне выборов, повторяя избитую клевету о реформизме КПГ.

«Что при такой политике революционная часть рабочих отвертывается от КПГ... это понятно... (коммунисты) рассчитывают только на 50% нынешних мандатов при новых выборах» [3]).

После этих мрачных предсказаний несколько «странным» должно было казаться предложение «ультра-левых» о том, что-

[1]) «Platform», с. 29.
[2]) «Platform», с. 45, 46.
[3]) «F. d. K.» № 27, с. 124.

бы коммунисты включили в свой избирательный список четырех кандидатов от группы Рут Фишер—Маслова по тем якобы мотивам, что «выступление многих коммунистических групп запутывающе действуют на рабочих» [1]).

Трюк Рут Фишер—Маслова об'яснялся, вероятно, тем обстоятельством, что руководители «ультра-левых» в глубине души не слишком полагались на сочувствие масс к «левой оппозиции», иначе не пришлось бы «ортодоксам» апеллировать к «реформистам из Коминтерна».

Именно поэтому «ультра-левые» делали хорошую мину при плохой игре, подтверждая, известные слова Бисмарка о том, что «никогда так много не врут, как перед войной, после охоты и *во время выборов*».

Но ренегаты просчитались. КПГ разоблачила кунстштюк «ультра-левых», а рабочие Гамбурга показали своим голосованием, что они не считают группу Маслова коммунистической.

Результаты выборов выбили почву из-под клеветнических нападок «ультра-левых» на КПГ и ее Центральный Комитет, они же обнаружили всю лживость саморекламы Рут Фишер и Маслова.

Ультра-левые не смогли получить ни одного мандата в Гамбурге, в городе, где состав избирателей (портовые рабочие, напр.) благоприятствует анархо-синдикалистским уклонам. (Вспомним, что «левая» оппозиция Лауфенберга в 1919 г. опиралась именно на Гамбург); коммунисты же получили не 50% прежних, а 4 новых мандата.

Избирательный успех коммунистов об'яснялся именно той упорной работой в массах, в первую очередь в профессиональных организациях, которая развертывалась КПГ, начиная с открытого письма ИККИ 1924 г., и против которой ополчаются «ультра-левые» ренегаты. Даже буржуазная газета, с тоской указывая на результат гамбургских выборов, отмечала, что этот успех—плод «весьма ловкой *мелкой* работы, внутренней реорганизации партии» [2]). Об'ективная роль ренегатов, об'являющих реформизмом будничную работу в профсоюзах, не требует комментариев.

«Ультра-левые» пытаются смягчить впечатление от их поражения в Гамбурге. Но аргументация их сводится только к бессильной ругани по адресу КПГ. «Ультра-левые» оспаривают значение выборов, как показателя настроения рабочих масс, они, позоря память Люксембург и Либкнехта, сравнивают свою группу с Союзом Спартака, который в 1920 г. получил мало голосов в Гамбурге.

Масловские литераторы об'являют *фальшивым* указание на полевение рабочего класса, сказавшееся между прочим и на гамбургских выборах. Каким образом отрицание полевения рабочих вяжется с позицией «ультра-левых» в вопросе о стабилизации,—этого ультра-левые не об'ясняют.

* * *

Троцкистская оппозиция тесно сблокировалась с группой Рут Фишер—Маслова. Нужды нет, что между масловцами и тт. Троцким, Радеком имели место разногласия—и крупные

[1]) Там же.
[2]) «Berliner Tageblatt» 10/X—1927 г.

разногласия, относящиеся к 1923 г. Нужды нет, что 2—3 года назад тов. Зиновьев, который в то время еще не порвал с ленинизмом, разоблачал антикоммунистическую сущность «ультралевых». Принципы августовского блока—единство на почве борьбы против партии,—таким образом, интернационализировались, и против Коминтерна «ультра-левые» выступают в трогательном единении с тт. Зиновьевым, Троцким и К°.

Ренегаты в Берлине издают документы троцкистской оппозиции, организуют в «международном масштабе» травлю СССР, ВКП и Коминтерна, завязывают организационные связи (идейная связь существует уже давно) с Коршами,—троцкистская оппозиция в Москве поставляет «материал» для "Знамени Антибольшевизма» «просит» "не смешивать» ренегата Корша с «честными» «действительными», «подлинными» Рут Фишер—Масловыми.

В последнее время т. Зиновьев сочинил «принципиальное» обоснование для этого блока троцкистской оппозиции и «ультралевых».

Статья т. Зиновьева [1]), представляющая собой платформу нового антиленинского международного об'единения, в значительной своей части посвящена защите «ультра-левых». Тов. Зиновьев пробует доказать несущественность «ультра-левых» «ошибок» для международного коммунистического движения, необходимость «бережного», «мягкого» отношения к «ультра-левым». Аргументирует т. Зиновьев от Ленина, но от Ленина, «перелицованного», «перешитого» на «ультра-левый» лад. Извращение Ленина, «вольное» обращение с цитатами из работ Ленина вошло у т. Зиновьева в привычку.

Маленькая иллюстрация. Тов. Зиновьев приводит цитату из письма т. Ленина к немецким коммунистам [2]), проделывая с ней следующий эксперимент. Берется начало цитируемого абзаца, где Ленин говорит о том, что... «переход от желания быть революционным и от разговоров (резолюций) о революции к действительной революционной работе есть очень трудный, медленный, мучительный переход»,—затем, поставив спасительное многоточие, т. Зиновьев перепрыгивает к концу абзаца... «Коммунистический Интернационал был терпелив, что он вовсе не изгонял анархистов немедленно и безусловно...». Эти цитаты т. Зиновьев направляет против... «сталинского» курса в Коминтерне. Но т. Зиновьев забыл о том, что партийный читатель еще со времени издания т. Зиновьевым «Ленинизма» привык проверять цитаты, приводимые т. Зиновьевым, по оригиналу. Проверка обнаруживает, что т. Зиновьев с легким сердцем *выкинул* середину цитированного абзаца и *выкинул именно потому*, что пропущенные т. Зиновьевым слова Ленина никоим образом не могут быть истолкованы в пользу «ультра-левых». Потому что т. Ленин с ясностью, не допускающей сомнений, говорил: «*Разумеется, однако, что лишь в меру можно и должно терпеть полуанархистские элементы. В Германии мы их терпели очень долго. III Конгресс Коммунистического Интернационала поставил им ультиматум с точным сроком. Если они теперь сами ушли из Коммунистического Интернационала, тем лучше*» [3]).

[1]) См. Дискус. листок № 2 «Правда» 2/XI—1927 г.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 344—345.
[3]) Курсив мой. *Н. Р.*

Такую же «операцию» т. Зиновьев проделал и над «Детской болезнью левизны в коммунизме». Заботливая рука т. Зиновьева предусмотрительно устранила из цитат слова Ленина о том, что «большевизм воспринял при своем возникновении в 1903 г. традицию *беспощадной* борьбы с мелкобуржуазной полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью» [1]),—т. Зиновьев побоялся привести слова Ленина о «той мелкобуржуазной распыленности», «которая *неминуемо всякое революционное движение погубит, если дать ей потачку*» [2]).

Но искажение Ленина и ленинизма т. Зиновьевым идет еще дальше. Тов. Зиновьев выдает «ультра-левых» за представителей «детской болезни левизны». Но как раз этот исходный пункт рассуждений т. Зиновьева представляет собой попытку *обмана* международного коммунистического движения. Когда Ленин указывал на то, что ошибка «левых» 1920 г. меньше ошибки правых оппортунистов, он рядом же отмечал, что ошибка «левых» *по существу* есть *та же правая* ошибка «только с другой стороны, делаемая левыми коммунистами». Ленин, утверждая, что тогдашняя «ультра-левизна» менее опасна, чем социал-шовинизм, писал: «...*Но ведь это только потому так*, что левый коммунизм—течение совсем молодое, только-что зарождающееся. *Только поэтому* болезнь *при известных условиях* может быть легко излечена» [3]).

Так писал подлинный—без кавычек—Ленин.

«Наивный ультра-революционизм у некоторых ультра-левых,— пишет т. Зиновьев,—сменился теперь злобной борьбой против СССР, борьбой, об'ективно помогающей буржуазии». Спасибо за позднее, впрочем, признание. Но т. Зиновьев к «некоторым» «ультра-левым» относит только Каца и Корша, «забывая» о не менее злобных борцах против СССР, «забывая» о Масловых и Рут Фишер, не менее энергично, чем Корш, помогающих буржуазии. Защита троцкистской оппозицией группы Рут Фишер—Маслова шита белыми нитками. Нет никакого микроскопа, пользуясь которым, можно было бы рассмотреть выдуманную оппозицией разницу между Коршем и Масловым—Рут Фишер.

Немецкие «ультра-левые» представляют не «детскую болезнь левизны», а старческое, *социал-демократическое* омертвение инородных, антикоммунистических элементов.

Группа Рут Фишер—Маслова—это группа обанкротившихся бывших «вождей», группа ренегатов и отступников. Ее «идейная» деятельность заключается в обертывании правых меньшевистских положений левой фразой. Ее организационная «работа» сводится к лихорадочной подготовке раскола Коминтерна.

«Ультра-левые» стоят *по ту сторону баррикады*. Союз троцкистской оппозиции с группой Рут Фишер—Маслова характеризует лишь всю *глубину падения* оппозиции, сблокировавшейся с прямыми пособниками буржуазии, с прямыми врагами Коммунистического Интернационала.

Троцкистская оппозиция устами т. Зиновьева заявила о создании «левого» крыла в Коминтерне, тот же т. Зиновьев изготовил и программу этого международного об'единения. Немецкие союзники оппозиции «действуют» во-всю. Рут Фишер не-

[1]) Ленин, т. XVII, стр. 125. Курсив мой. *Н. Р.*
[2]) Стр. 135. Курсив мой. *Н. Р.*
[3]) Стр. 188. Курсив мой. *Н. Р.*

давно ездила в Париж для укрепления «связей», другие члены ее группы побывали в Праге. Наспех сооружается блок из Тренов, Фреев, итальянских и немецких «ультра-левых» вкупе и влюбе с Коршем и во главе с троцкистской оппозицией.

Пусть организуются. Но нужно называть вещи своими именами.

Об'единение Маслова и Трена, Корша и Рут Фишер, Суваринных, троцкистской оппозиции будет не «левой *в* Коминтерне». Это будет—и уже становится—об'единением кучки *правых* ренегатов *вне* Коминтерна, кучки банкротов, «бывших» людей, борющихся *на стороне* мировой буржуазии и меньшевизма *против* международной социалистической революции, *против* Коммунистического Интернационала, *против* Ленина.

Троцкий о путях развития советской деревни.

Обвинители ЦК мечут громы и молнии против линии партии в деревне, принятой на XIV партконференции. С самоуверенностью, обратно пропорциональной аргументам и фактам, они афишируют, что курс ЦК в течение двух лет, т.-е. как раз со времени принятия решений XIV партконференции, вел «*не к ограничению капитализма в деревне, а к дальнейшему его развязыванию*».

Они забыли, однако, добавить, что два года назад эти обвинители *голосовали* за ту линию, которая в их сознании преломилась как кулацкая линия. Этот факт они предпочитают оставить в секрете.

Больше того. Не кто иной, как Троцкий, поняв решение конференции, как весьма значительное расширение капиталистических отношений в деревне, именно *потому* и голосовал за решения конференции, что понял их как *уступки кулаку*.

Последний *не только* голосовал, но считал нужным выступать с интерпретацией этих решений в ультра-оппортунистическом духе.

Для партии решения XIV конференции знаменовали собой курс на укрепление смычки рабочего класса и бедноты с середняцкой массой, курс на поднятие середняцкого хозяйства. В этих целях конференция наметила пути ликвидации остатков «военно-коммунистических» отношений в деревне, стеснявших развитие производительных сил, в интересах создания необходимых импульсов к поднятию интенсивности труда, к улучшению хозяйства, введению трудоемких культур и т. д. При чем это развитие производительных сил деревни конференция связывала с задачами кооперирования крестьянства.

Разумеется, уступки середняку *неизбежно* были связаны с известным ростом кулачества. Никаких сомнений в том, что кулачество *использует* данную середнякам известную свободу «накопления», облегчение условий аренды и найма,—у конференции не было.

Опыт осуществления этих решений показал, что курс на поднятие середняцкого хозяйства, на развитие производительных сил деревни, на развитие кооперации, на укрепление союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком, на изоляцию кулака в основном себя оправдал. Теперь на основе достигнутых успехов партия может, попрежнему опираясь на беднядко-середняцкий крестьянский массив, развивать дальше наступление на кулачество, провести ряд новых мероприятий, ограничивающих капиталистические тенденции в деревне.

Но для лидера оппозиции—Троцкого—в противоположность пониманию партии и в *тон* пониманию Устрялова, решения

конференции знаменовали *ставку на кулака*. То, что для партии было неизбежным, но *побочным*, *отрицательным* продуктом *целесообразных* уступок середняку, для Троцкого стало основным принципом и притом принципом, якобы, необходимым в данных условиях, с точки зрения дальнейшего движения к социализму. Наглядно в этом каждый может убедиться, прочтя его малоизвестное произведение «О наших новых задачах». Это—доклад на общегородском собрании партийной организации в г. Запорожье 1 сентября 1925 г. (ГИЗ, 1923 г.).

Этот документ есть саморазоблачение позирующих теперь в роли «ленинцев-большевиков» оппозиционных героев.

Вот троцкистские комментарии к решениям партконференции: «Последние мероприятия партии в области крестьянской политики означают расширение рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне. Это несомненный факт (!?). От раскулачивания кулака во время военного коммунизма наша партия и советская власть ходом вещей вынуждены были притти к допущению в деревне *накопления капитала*, который мы прежде называли кулацким, а теперь вернее было бы назвать фермерским капиталом (!). Слово «кулак» связано с отношениями еще полукрепостного порядка, с засильем помещика, исправника. У нас же сейчас образуется в деревне собственник-фермер нового типа (!). Конечно, мы можем по старой памяти называть его кулаком, но *гораздо правильнее назвать его фермером капиталистического типа* (!?). (Курсив везде наш. *В. К.*), (стр. 3).

Еще пара характерных цитат.

«Таким образом, развитие производительных сил есть для нас высший критерий, высшее правило». (Меньшевистская абстракция! С точки зрения ленинизма высший критерий политики пролетарской диктатуры—не развитие производительных сил «*вообще*», а развитие их в форме социалистических и растущих к социализму производственных отношений. Формула Троцкого—развитие производительных сил вообще—на деле превращается, как видно из приводимых цитат, в апологию развития производительных сил в *форме капиталистического фермерства. В. К.*).

«Без развития производительных сил,—продолжает Троцкий,—не может быть социализма». (Но без какого развития? В *какой* форме? *В. К.*).

«И когда выяснилось, что в деревне наши ограничения в области капиталистических отношений задерживают развитие производительных сил, то партия и советская власть под ее руководством *раздвинули рамки капиталистических отношений в деревне* (!!) (6 стр.).

«Пока мы не можем,—продолжает Троцкий,—дать деревне высокой техники, у нас есть две возможности: либо применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и тем самым к задержке производительных сил в промышленности; либо до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, мы должны допустить там развитие производительных сил *хотя бы и при помощи капиталистических методов*. В этом *сущность нынешнего периода нашей политики*» (?!) (стр. 19).

Вот оно существо теперешней «левой фразы», раскрытое самим автором. Перед Троцким одна безнадежная схематическая дилемма: либо военный коммунизм, либо капитализм—и тогда нужно итти на развитие нашего с. х. по американскому пути капиталистического фермерства.

Третьего не дано. Метафизик привык считать только до двух. Апологету американского пути развития в советских условиях ввек не понять этого третьего—*ленинского* пути социалистического развития в советской деревне *через кооперацию*. Он не понимает, как кооперация, которая до сих пор шла, главным образом, по пути обобществления процессов *обращения*, может, не кооперируя *сразу* процессов производства, постепенно создавать условия для переделки раздробленного крестьянского хозяйства в социалистическом направлении. Троцкий не понимает, что успехи обобществления через кооперацию процессов обращения, успехи, достигнутые *под руководством и воздействием социалистических командных высот*, усиливают удельный вес последних, создают внутрикооперативное накопление, и что на базе этих достижений становится, таким образом, экономически возможным и необходимым переход от обобществления процессов обращения к процессам производственного кооперирования, к реорганизации раздробленных хозяйств мелких производителей на основе технической реконструкции в обобществленное крупное хозяйство.

Благодаря ведущему началу нашей социалистической индустрии, банков—словом, пролетарского города,—деревня все более и более успешно продвигается по кооперативному пути, вытесняя частный капитал.

Троцкий повторяет механически в период *социалистического* строительства то, что говорили большевики в эпоху *буржуазно-демократической* революции. И на том основании, что Ленин в 1905 году «тоже» защищал американский тип аграрной революции в России, Троцкий в 1925 г. считает себя ленинцем! Когда большевики в 1905 г. защищали программу американского пути развития, тогда Троцкий был *против* Ленина, ибо считал возможным перепрыгнуть через крестьянство и буржуазно-демократический этап революции прямо к социалистической революции.

Теперь, спустя 10 лет *после* пролетарской революции, в эпоху, когда *практически* строится социализм, когда уже «поздно» осуществлять программу американского пути развития, когда о ней мечтают лишь враги, Троцкий хочет на деле «загладить» свою ошибку перед большевизмом, предлагает по сему случаю воскресить похороненную Октябрем программу и тем самым вернуть историю на пару десятков лет назад, к революции 1905 г. Все наоборот!

Но если у нас не социалистическая, а буржуазно-демократическая революция, *подобная 1905 г.*, то диктатуре пролетариата действительно не удержаться. В 1905 г. Ленин совершенно справедливо утверждал, что первая русская революция, поскольку в тогдашней России не было предпосылок для социалистического переворота, не могла бы *своими собственными* силами победить как социалистическая революция. Мелкий деревенский буржуа, ставший на дорогу американского фермерства, неизбежно повернул бы против пролетариата и стал бы опорой реставрации.

Те же мысли высказывал Энгельс в связи с французской революцией 1848 г.

Троцкий с победоносным видом цитировал места подобного содержания из Ленина на XV партконференции [1]).

В эпоху *пролетарской революции* Троцкий при разрешении вопроса о построении социализма в СССР признает Ленина лишь там, где он говорит о буржуазно-демократической революции 1905 г., когда еще не было об'ективных данных для социалистической революции. Это называется «политикой дальнего прицела». Логично было бы в таком случае и поведение классического персонажа, который плясал на похоронах и рыдал на свадьбах, назвать также «политикой дальнего прицела».

II.

Лидер оппозиции в контртезисах по деревенскому вопросу берет на себя смелость утверждать, что лозунг «форсированного наступления на капиталистические элементы, в первую очередь на кулака»—лозунг, выдвинутый тезисами ЦК, украден последним из арсенала оппозиции.

Этот курьез защищается в тезисах со скучным и длинным «глубокомыслием», а также при помощи фальсифицированных или неправильно истолкованных статистических таблиц, где во славу оппозиционной аргументации середняк складывается вместе с кулаком. Если что-либо и доказывают подобные таблицы и приемы обращения с ними, так это лишь недостаточную грамотность оппозиционных теоретиков. Лозунг ЦК об'является «неискренним». Монополия на «искренность», разумеется, закрепляется оппозиционерами за собою. ЦК рисуется в роли апологета капиталистического развития в деревне. Не правда ли, как остроумно выглядят эти обвинения на фоне приведенных выше утверждений Троцкого?

Весь «смак» этих утверждений, однако, в следующем. Троцкий не только признает *правильным и целесообразным* американско-фермерскую эволюцию деревни СССР, но он *замазывает* при этом *классовые противоречия*, всячески старается *подкрасить* этот капитализм, показать его безопасность и даже нарисовать в условиях развития нашей деревни по фермерскому пути радужные социалистические перспективы!

До такой пошлости не опускался даже г-н Устрялов!

У Устрялова почти все, как у Троцкого. Устрялов считает правильным и целесообразным путь капиталистического развития советской деревни. Он считает, что «поезда истории все равно не остановить» и «великая русская революция войдет в национальный пантеон, уготованный ей историей». Но Устрялов нигде, по крайней мере, всерьез, не договаривался до того, что американский фермерский путь развития откроет радужные социалистические перспективы.

Исходный пункт мысли у Устрялова и у Троцкого одинаково далеко отстоит от понимания действительного развития нашей

[1]) Если Троцкий окольным путем аналогий, образов и ссылок на ленинские формулы 1905 г. доказывает, что теперешний СССР представляет собою... буржуазно-демократическую республику, то Зиновьев действует в этом смысле прямей. На заседании ЦКК ВКП(б) 24 июня 1927 г. он безапелляционно заявил:

«Если брать за критерий точку зрения передовой буржуазной демократии (хотя бы самой передовой), то развитие, какое мы имеем за последние годы, можно было бы признать вполне благополучным» (Стеногр. отчет, с. 60).

экономики. Оба они считают, что советская деревня должна итти и идет полностью по пути капиталистического развития.

Но в то время как Устрялов иронически смеется над социализмом *в этих условиях*, считает рассуждения о социализме идеологической феерией, «бодрым миражем» и сам не прочь поболтать о социализме разве лишь шутки ради, у окна вагона, в это самое время Троцкий все свои фразы о социализме в условиях воображаемой им победы американско-фермерского пути развития принимает всерьез—«тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман».

После того, как он в своей речи об'явил политику партии развязыванием капиталистических отношений, он продолжает: «Есть тут опасность? Есть безусловно. Капиталистический фермер есть капиталистический фермер, развиваясь он превращается в крепкую фигуру—это наш *возможный и вероятный враг на известной ступени*» (стр. 6).

Ведь Устрялов и все наши враги лопнули бы от радости от этой формулы: «возмо-о-жный и вероя-я-ятный враг на изве-е-е-стной ступени!!» Такой руководитель советской политики пришелся бы по вкусу всем жаждущим перерождения большевизма.

В самом деле, какое блестящее «преимущество» у Троцкого перед большевиками. Последние кулака считают реальным, значительным и опасным врагом в условиях, когда в основном обеспечен не капиталистический, а социалистический тип развития деревни, они считают актуальным ленинский вопрос: «кто кого», они в интересах борьбы с кулаком делают целесообразные уступки середняку, обеспечивая прочный плацдарм для наступления и в городе и в деревне на частный капитал, на кулака.

У Троцкого, между тем, *при свободном капиталистическом фермерском развитии деревни*—«кулак» является врагом лишь в далекой перспективе, и то лишь «*возможным и вероятным*» [1]).

Однако, послушаем Троцкого дальше.

Кулак как нереальный, но как «возможный и вероятный враг», тогда как сам же Троцкий открывает в деревне все шлюзы для капиталистического развития—это не может, как полагает «чуткий» «политик дальнего прицела», не вызвать смущения в среде деревенских коммунистов.

Действительно, положение «пиковое». Их роль ведь этим самым сводится к тому, чтобы, сложа руки, наблюдать, как воды капиталистической стихии затапливают советскую деревню, и главное «не унывать». Троцкий чувствует себя обязанным сказать что-нибудь утешительное деревенским коммунистам.

«Конечно, кулак есть кулак, и капиталистический фермер есть капиталистический фермер! («Ничего не попишешь!» *В. К.*). Но (!!) ведь наше сельское хозяйство составляет часть всего того хозяйства, о котором я говорил, и в рамках этого хозяйства, мы, как государство, становимся сильнее всех остальных собственников, вместе взятых» (стр. 18).

[1]) Больше того. Кулак по Троцкому не только не опасен, а представляет собою... плюс для социализма. «Нам нужно развитие производительных сил в деревне. Кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую мы можем ввозить машины для наших заводов. Это плюс, это содействует приближению к социализму» (!!) (6 стр.).

«Победа достигается в борьбе. В нашей борьбе есть деревенский фланг: и в то время как этот деревенский фланг терпит *поражение*, армия в целом *побеждает*» (19—20).

Нельзя не признаться, что, с одной стороны, «мы проходим через период, когда сельское хозяйство развивается не по линии коллективизма, коммунизма, а в гораздо большей степени «по линии частного крестьянского хозяйства» (стр. 20) (т.-е. по линии *капиталистического фермерства*, как об'яснил выше Троцкий).

Но, с другой стороны, нельзя не сознаться, что «только поняв линию развития нашего хозяйства в целом, можно не растеряться и не упасть духом, находясь на наиболее слабом и подверженном ударам участке нашей работы» (стр. 20). Здесь мы подошли к той теоретической оси, вокруг которой вращается троцкистская методология. В городе, по Троцкому, развивается *социализм*, как нечто самостоятельное и изолированное от деревни, в деревне свободное капиталистическое фермерство, как нечто изолированное и самостоятельное от троцкистского «социализма» в городе.

Исходя из абстрактной схемы о преимуществах крупного производства перед мелким, Троцкий делает вывод, что свободное развитие капитализма в деревне не представляет опасности для города. Оно только «возможный и вероятный враг». Что нам кулацкая Гекуба, и что мы ей!

«Ведь пустить,—утешает Троцкий,—Юзовский, Днепровский или другие крупные заводы не так легко, как кустарную светелку. Кустарь может ожить раньше нас, но мы его не только нагоним, но оставим далеко позади» (13 стр.).

Схема простая. В этом ей отказать нельзя. Но схема эта бессодержательная, пустая, безжизненная и метафизическая. Диалектики тут и в помине нет. Эта схема минует *основное*, что характеризует *переходную эпоху* социалистической революции, что характеризует специфические черты вызревания социализма.

Социализм не может вызревать подобно капитализму, как не господствующая на первой стадии *часть* народного хозяйства.

Необходимым условием роста и победы социализма является с самого начала наличие командных экономических и политических высот в руках пролетариата. Социализм может вызревать лишь как *руководящая*, *господствующая* часть всего народного хозяйства.

Эта руководящая роль дает возможность социалистическому городу *вести* за собою деревню, *переделывать* основной ее середняцкий массив через кооперацию в социалистическом направлении. Линия вытеснения действует в данном случае лишь по отношению к частному капиталу и не играет основной роли. Троцкистская схема между тем конструирует две обособленных друг от друга, противоположных друг другу «действительности», она не замечает диалектического *единства*, руководящая, направляющая роль в котором принадлежит социалистическим элементам. Схема поэтому зачеркивает возможность экономической переделки *основной* массы крестьянского хозяйства, возможность пролетарского руководства крестьянством на основе союза с ним.

На место этих отношений становятся отношения *обострения противоречий* между рабочим классом и крестьянством. Борьба между ними в конечном счете *решается третьей революцией*. *Теория третьей революции* неизбежно вытекает из этой схемы.

Преображенский, который давно уже подвизался на поприще экономического обоснования троцкизма, не раз—иногда в прямой, иногда в более или менее замаскированной форме—выдвигал эту идею.

В этом отношении весьма знаменательна его статья «Перспективы новой экономической политики» («Красная Новь», № 3, 1921 г.). Здесь заложены первые еще мало отесанные и грубые камни той теоретической концепции, которая получила свое развитие в «Новой экономике». Теория третьей революции в этой первой редакции выведена со всей ясностью.

Преображенский пишет:

«Если изобразить графически (любимый прием троцкистских схематиков. *В. К.*) картину параллельного развития капиталистических и социалистических отношений и установить, с какого момента начинается столкновение, то можно представить себе весь процесс в виде двух усеченных пирамид, поставленных рядом основаниями вверх и представить себе, что эти фигуры растут вверх. В определенный момент рост и в той и в другой сфере возможен без столкновений, но наступает момент, когда *столкновение неизбежно и кто-либо должен посторониться*».

«Мне кажется, что развязывание конфликта вряд ли начнется на территории города. Начавшись в местном деревенском и волостном масштабе, эта борьба примет в дальнейшем общероссийский характер».

Эта графика впоследствии оплодотворила знаменитый закон первоначального социалистического накопления и ряд других открытий Преображенского, которые больше всего радуют самого изобретателя.

О третьей революции говорит в вышеназванной брошюре и Троцкий.

«Если бы оказалось,—говорит он,—что из года в год процент покрытия рынка государственной промышленностью несколько уменьшается, мы все-таки сказали бы: это еще не смертельная опасность. Ведь пустить Юзовский, Днепровский или другие крупные заводы не так легко, как кустарную светелку. Кустарь может ожить гораздо раньше нас, зато, когда мы пустим большие заводы, мы его не только нагоним, но оставим далеко позади.

Но, с другой стороны, то обстоятельство, что частный капитал в области рынка выиграл у нас на 2—3 года, скажем, 5 или 8%, уже было бы для нас первым предостережением. А вот если бы, товарищи, оказалось, что у нас 4 года назад было 75% продукции, потом через год—два дошло до 55, а еще через некоторое время у нас осталось только 35% продукции, тогда мы сказали бы: дело опасное, как бы не пришлось нам прибегнуть ко второй Октябрьской революции и отбить у частных собственников силою то, что мы упустили, благодаря нашей косолапости» (13 стр.).

Эта цитата, в которой поставлена проблема новой меньшевистско-буржуазной революции, служит великолепной иллюстрацией того, как, поднимая проблему новой, по соображениям Троцкого, «пролетарской» революции, правый уклон перерастает в левый. Уклоны, как крайности, развиваются по Гегелю: они сходятся.

С одной стороны, Троцкий здесь выступает в роли апологета капиталистического развития. Для него систематический выигрыш частника не опасен, потому что социалистический сектор у него механически отделен от процессов, происходящих в деревне. Только тогда, когда государственная промышленность уже побита на рынке своим частным конкурентом, он осторожно соглашается: тогда дело опасное. Для Троцкого опасность начинается там, где она, по сути дела, уже кончается. Кому же не ясно, что 35% продукции социалистической промышленности в условиях нэпа означает ее крах. Предупреждать в этом случае об опасности краха столь же умно, как предостерегать «осторожно» «без преувеличений» *уже* погибшего человека о грозящей ему гибели.

С другой стороны, в этой же цитате Троцкий, предвосхищая последствия американского пути развития советской деревни, не может не поставить проблему «пролетарской» революции. Но сама постановка вопроса о новой «пролетарской» революции неизбежно ведет *к отрицанию социалистического характера нашей революции, к отрицанию существующего режима, как режима диктатуры пролетариата.* Неизбежно ведет потому, что партия не хочет и не может кончать самоубийством, сколько бы школьные доктринеры и схематики ни звали на этот путь, предлагая разрыв смычки рабочего класса с крестьянством и тем самым новое восстание. Но в таком случае и сама партия попадает под неумолимый суд троцкистской схемки. Схема безапелляционно отрекомендовывает ее, как партию «термидора». Собственный разрыв с жизнью и диалектикой в глазах доктринеров рисуется как оппортунизм партии. Они вынуждены логикой вещей выступать против существующего пролетарского режима за новую революцию.

К этому, по сути дела, и сводится, как идеологическая платформа оппозиции, так и ее практически-политическое поведение. Крики о «сумерках революции», о «термидоре», о «кулацкой линии ЦК», создание новой нелегальной троцкистской партии, антисоветское выступление в день 10-летия Октября, что это, как не борьба за новую (читай: буржуазную) революцию?

Этот переход от правой крайности к левой не заключает в себе ничего удивительного. И тот и другой уклон вырастают как отрицание, с разных концов, правильной линии, учитывающей об'ективные процессы в хозяйстве. И тот и другой уклон исходят из одной общей капитулянтской схемы невозможности построения социализма в нашей стране. И в том и в другом случае, навязывая действительности свою схему, они борются фактически против пролетарской диктатуры. Не нужно итти далеко за примерами, чтобы показать живое тождество правого и левого уклона.

«Правые» Каменев и Зиновьев требовали в свое время исключения «левого» Троцкого из ЦК. Но диалектика партийно-политической борьбы помирила врагов. Враги сошлись на второй революции против диктатуры пролетариата.

Для партии ничего не оставалось, как освободить главных героев неоменьшевизма от славной и трудной обязанности знаменосцев великого Октября пролетариата.

П. Миф.

Китайская коммунистическая партия в критические дни.

С головокружительной быстротой развертывались события в Китае за последние месяцы. Втягивались, организовывались и революционизировались миллионные массы трудящихся. Подрывались один за другим опорные пункты империалистического господства. Продажные милитаристические клики, все эти У-Пейфу, Сун-Чуан-фаны, Чан-Цзун-чаны, агенты иностранного капитала и компрадорских элементов, еще так недавно вершившие судьбами четырехсотмиллионного Китая, подверглись либо полному уничтожению, либо лишились своих первых ролей на политической арене Китая.

События, пережитые Китаем за последнее время, имеют совершенно исключительное значение. События эти справедливо могут быть оценены, как генеральная репетиция предстоящей победоносной революции в Китае. В этом смысле их можно сравнить с нашей революцией 1905 года. В борьбе, происходившей в течение последних месяцев, обнаженно и открыто выявили себя все классы китайского общества. То, что раньше казалось неясным, непонятным, в процессе развертывавшейся революции выявилось с полной определенностью. Дифференциация классовых сил, сопровождавшая бурное развитие китайской революции и происходившая чем дальше все в более ускоряющемся темпе, вносила все большую ясность в классово-неоформленное до этого освободительное движение. Конечно, эти процессы протекали далеко не мирно, далеко не гладко.

Нас китайские события должны особенно интересовать, потому что здесь мы имели первую революцию в огромнейшей полуколониальной стране, и очень многое из опыта китайской революции нужно будет и можно будет использовать при выработке тактики в других странах колониального и полуколониального Востока. Конечно, это не значит, что мы полностью и целиком всю тактику, которую применяли Коминтерн и китайская коммунистическая партия в Китае, перенесем на другие страны Востока. Развитие производительных сил, классовая дифференциация в некоторых странах Востока достигла более высокой ступени, чем в Китае, а в некоторых странах она далеко еще отстает от Китая. Поэтому о перенесении полностью этой тактики на другие страны, конечно, не может быть и речи. В каждой данной стране при выработке тактической платформы нам придется считаться со специфическими условиями этой страны, экономико-политическим состоянием ее, участием масс в движении и, исходя из этих конкретных условий, пользуясь огромным

опытом, который извлечен нами сейчас из китайской революции, вырабатывать соответствующую тактику. А опыт китайской революции простирается на различные области. Мы имеем опыт осуществления одного из взглядов Ленина о возможности и допустимости блока с национальной буржуазией в колониальных и полуколониальных странах, когда эта буржуазия ведет революционную борьбу против империализма. Мы располагали опытом поведения не только этой национальной буржуазии, но и других классов в период борьбы против империализма. Мы были свидетелями чрезвычайно интересных и быстрых переходов от одного этапа революции к другому. Мы пережили за эти несколько месяцев целый ряд переломных, критических моментов китайской революции, и в эти моменты мы могли проверить правильность не только нашей общей тактики, но могли проверить проведение этой тактики китайской коммунистической партией.

Китайская революция выдвигала перед коммунистической партией сложнейшие задачи. На долю компартии выпала всемирно-исторической важности роль. Быстро меняющаяся революционная обстановка требовала от коммунистической партии исключительной гибкости, политической сознательности, далекой от всяких шаблонов, маневренной способности. И в этом отношении весь опыт и все ошибки, допущенные китайской коммунистической партией, должны нас интересовать в первую очередь, должны быть нами изучены с достаточной тщательностью и с совершенной искренностью и большевистской прямолинейностью. С присущей только большевистской партии прямотой и откровенностью мы должны подчеркнуть не только положительные результаты, какие мы имели в этой генеральной репетиции, в проверке классов в этой непосредственной и острой борьбе, но и отрицательные стороны с тем, чтобы максимально этот опыт использовать и обогатить им международное коммунистическое движение.

Бурный под'ем революционного движения в Китае, открывшийся (вслед за Шанхайскими событиями и Гонконгской стачкой) в виде победоносной северной экспедиции и вызывавший вначале лишь злые иронические усмешки в стане империалистов, на самом деле приобретал исключительное историческое значение. Этот под'ем сопровождался разгромом реакционных продажных милитаристов, захватом иностранных концессий, открытым нарушением неравноправных договоров, произвольным повышением таможенных пошлин, мощным наступлением рабочих и крестьян против своих вековых угнетателей, втягиванием в активную борьбу трудящихся элементов во вновь отвоеванных провинциях. Империализму наносился один удар за другим. А на ряду с этим под'емом во все ускоряющемся темпе происходил процесс дифференциации классовых сил, процесс перегруппировки внутри революционного лагеря. Революция поднимала на борьбу все новые полчища рабочих и крестьян, и вместе с тем от нее откалывались национальная буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция. И как это ни странно, но каждая новая победа китайской революции таила в себе зародыши новых перегруппировок внутри революционного лагеря, временных и частичных ее поражений. Об'яснялось это наличием в революционном лагере противоположных классов—пролетариата и китайской национальной буржуазии.

Участие этих классов в едином революционном фронте не только не ослабляло и не сглаживало противоречий между ними, а, напротив, все больше их углубляло. Это понятно. Это не была обыкновенная борьба между рабочими и капиталистами за ту или иную долю прибавочной ценности. Это была борьба за гегемонию в китайской революции, борьба между пролетарской и буржуазной тенденциями китайской революции. Больше того, эта борьба не укладывалась даже во всекитайские рамки, она бесспорно измерялась мировым масштабом. На этом участке, в этом соревновании между китайской буржуазией и пролетариатом решался вопрос: быть или не быть капиталистической стабилизации, быть или не быть новым успехам мировой пролетарской революции? Поэтому понятно, что противоречия между союзниками единого революционного фронта не сглаживались в борьбе против общего врага—империализма, а, напротив, в рамках этого единого фронта, внутри революционного лагеря, с самого начала происходила скрытая все обостряющаяся борьба.

Но, несмотря на полную противоположность буржуазной и пролетарской тенденций, для этих начальных моментов китайской революции, для этого исторического отрезка характерным являлось временное сожительство этих тенденций. И не только сожительство, но и одновременное их развитие. Успехи северного похода укрепляли позиции пролетарской тенденции тем, что вспахивали, сплачивали и поднимали к борьбе все более мощные пласты трудящихся, тем, что организационно и политически оформляли центры массового движения. А вместе с тем укреплялись позиции и китайской буржуазии. Буржуазия расширяла подвластную ей территорию, увеличивала и укрепляла свою армию, консолидировала свою политическую власть, укрепляла свои финансы. В таком диалектическом противоречии развивалась китайская революция.

Была ли правильна тактика китайской компартии на этом этапе? И да и нет. Она была правильна в смысле установления единого революционного фронта с национальной буржуазией, так как без этого были бы немыслимы быстрые успехи в борьбе против могучего, вооруженного до зубов империализма. Без этой коалиции были бы невозможны успехи северного похода. Пролетариат не смог бы с той быстротой, какой этого требовала революция, расправить свои члены, подтянуть резервы, поднять крестьянство с тем, чтобы в нем найти опору и мощного союзника. Развитие стачечной борьбы пролетариата, бурный размах крестьянского движения, рост организации рабочих и крестьян и темп этого роста свидетельствуют в пользу этой тактики, установленной китайской коммунистической партией и предсказанной еще Ильичем.

Но осуществляя эту тактику, киткомпартия допускала ряд чрезвычайно серьезных ошибок, вытекавших из неправильного понимания задач единого фронта. Вместо того, чтобы добиваться овладения политическим руководством путем участия в органах власти, киткомпартия взяла линию на неучастие в народно-революционном правительстве, линию на давление только «снизу», на роль оппозиции. Вместо того, чтобы максимально развивать

крестьянское движение под лозунгами конфискации земли и крестьянской власти в деревне (чем создавалась бы самая прочная гарантия победы пролетарской тенденции), киткомпартия сживала и сдерживала движение крестьян лозунгами коалиции с помещиками и доведения арендной платы до 50% урожая. Вместо решительного развития движения пролетариата и воспитания его как гегемона революции, китайская коммунистическая партия зачастую притупляла классово-самостоятельные выступления рабочего класса в угоду неправильно понимаемому единому фронту. Киткомпартия практиковала систему уступок правым буржуазным и феодальным элементам, вместо решительного наступления на них. Занималась верхушечными комбинациями и сговорами с правыми вождями, вместо организации левых элементов, охвата и воспитания масс. Наконец, китайская партия почти ничего не сделала для овладения вооруженными силами, для создания своих преданных революции военных кадров. Молодой, еще не оперившейся партии, насчитывавшей только 1000 членов на весь беспредельный Китай, не обладающей ни достаточной организованностью, ни достаточным политическим опытом, действующей в сложнейшей обстановке, несмотря на героическую борьбу и колоссальные достижения на отдельных участках движения, удалось овладеть монополией и гегемонией в массовом движении, но у нее нехватало сил для политического руководства всем освободительным движением, для овладения гегемонией над революционной властью и армией.

Гегемония пролетариата на этом этапе проявлялась в своей начальной, низшей, неразвитой форме: лишь в форме руководства массовым движением. Армия и власть оставались под гегемонией буржуазии. Дальнейшее развитие революции подводило пролетариат к осуществлению высшей формы своей гегемонии: к захвату власти. Приближалась решительная схватка между пролетариатом и буржуазией.

Возрастание и углубление, чем дальше, тем в большей мере, противоречий между пролетарской и буржуазной тенденциями дошло до такой грани, когда дальнейшее сожительство этих двух тенденций в рамках единого революционного лагеря стало невозможным, когда развитие одной исключало развитие и укрепление другой. Этот переломный момент наступил тогда, когда национальные войска заняли долину реки Ян-цзы и район Шанхая—эти опорные пункты империалистического господства—и когда во всей остроте тем самым стал вопрос о путях дальнейшей борьбы с империализмом, о методах уничтожения его экономического и политического господства. Этот момент наступил тогда, когда революционные массы заняли английские концессии в Ханькоу и Цзю-цзяне, явив этим пример действительно революционных методов борьбы с иностранным капиталом. Момент этот наступил тогда, когда под влиянием успехов кантонских частей максимально возросла сопротивляемость империалистов и их нажим на китайскую национальную буржуазию. Наконец, этот момент наступил тогда, когда широким морем разлилось крестьянское движение, начавшее сметать феодальные устои китайской деревни, и когда классовая борьба пролетариата достигла высшей ступени его политической сознательности—победоносно проведенного восстания в Шанхае.

Все это выдвигало во всей остроте перед китайской революцией дилемму: или продолжать революционную борьбу против империализма, опираясь на массы, или стать на путь сжатия и уничтожения массового движения, начавшего угрожать господству вообще буржуазных отношений, стать на путь сговора и компромисса с иностранным капиталом. Буржуазия под давлением империализма и феодальных элементов, напуганная массовым движением, предводительствуемая Чан-Кай-ши, не могла не избрать второй путь. Пролетариат, крестьянство и значительные слои городской мелкой буржуазии, не в шутку поднявшиеся к борьбе в революции, продолжали итти по первому пути. Дороги бывших союзников резко и круто разошлись. Революция вступила в полосу кризиса. Это ставило киткомпартию перед серьезнейшим испытанием. А между тем, в эти критические дни не существовало руководящего аппарата китайской компартии. Он был разбит на две части. Большая часть китайских цекистов (Цю-Цю-бо, Джан-Го-Тао, Ли-Ли-сан) находилась в Ханькоу, выполнив директиву Коминтерна, заключавшуюся в том, чтобы ЦК китайской партии находился в том месте, где находится национально-революционное правительство, где находится ЦК Гоминдана, с тем, чтобы оказывать соответствующее влияние на дальнейшее развитие революции. Часть цекистов (фактически возглавлявших ЦК) осталась в Шанхае. При чем большинство цекистов, перебравшихся в Ханькоу, вело решительную борьбу против Чан-Кай-ши. В эти дни улицы Ханькоу и Учана были все разукрашены плакатами «Долой Чан-Кай-ши, долой изменника и предателя». Под этими же лозунгами проходили многочисленные демонстрации, способствовавшие общему под'ему настроения. В то же время оставшиеся в Шанхае цекисты (Чен-Ду-сю и Пын-Ши-джи) совершенно иначе ориентировали партию в вопросе о разрыве с Чан-Кай-ши. Они считали, что Чан-Кай-ши стал национальной фигурой, что его откол от революции настолько ослабит революцию, что она неизбежно потерпит поражение, что поэтому Чан-Кай-ши нужно сохранить, пойти ему на уступки, удовлетворить его требования. И когда было видно, что Чан-Кай-ши лихорадочно подготовляет силы для переворота, когда, наконец, прошла конференция в Шанхае и Нанкине, на которой присутствовали буржуазные и феодальные элементы, сгруппировавшиеся вокруг Чан-Кай-ши (в том числе кантонский диктатор Ли-Ти-син) и откуда пошли директивы о реакционном перевороте,—в этот момент руководство китайской коммунистической партии по существу было разделено и не только территориально, но и политически.

Одна часть—и большая часть—китайских цекистов вела в Ханькоу бешеную кампанию против Чан-Кай-ши, и в этом отношении она проделала огромную работу. Им удалось сплотить не только гоминдановские массы вокруг этого лозунга борьбы против Чан-Кай-ши, но удалось перетянуть на эту позицию и многих до этого колебавшихся гоминдановских вождей. Гоминдановские лидеры в тот момент совершенно не понимали характера разрыва с Чан-Кай-ши. Они считали, что весь спор носит исключительно личный и территориальный характер,—где быть столице—в Ухане или Нанчане, и не понимали, какая классовая сущность кроется за этим, якобы, территориальным спором. Но общий под'ем заразил и их, и под

давлением организованных масс они, в конце концов, заняли позицию решительной борьбы против Чан-Кай-ши.

Совершенно другая ориентировка в этом вопросе, исходившая от второй части руководства киткомпартии, привела фактически к тому, что и в Кантоне и в Шанхае революционные элементы не только не перешли в наступление против подымавшей голову реакции, но и не оказали этой реакции почти никакого сопротивления. И это несмотря на то, что в обоих этих решающих пунктах революция имела перевес сил в свою пользу (даже военных сил).

В Кантоне свыше ста восьмидесяти тысяч рабочих примыкали к революционным профсоюзам. Свыше 10.000 насчитывала коммунистическая партия в одном только городе и столько же комсомольцев. Свыше миллиона крестьян были об'единены в революционные союзы в Гуандунской провинции. Полторы тысячи пикетов были под ружьем. И вся эта сила не была выведена в бой. Партия не только не призвала к оружию трудящихся, но она, слепо руководствуясь директивами сверху, не решилась открыть кампании за переизбрание провинциального комитета Гоминдана, за демократизацию этой народной (по составу) партии. Нечего уже говорить, что кантонская организация даже не поставила перед собой вопроса об использовании революционной силы городской мелкой буржуазии. Но коммунистическое руководство в это время распространялось и на курсантов школы Вампу. Эта школа насчитывала около 6.000 штыков, способных драться, как львы. Эта школа на дважды полученные длиннейшие и любезнейшие письма Чан-Кай-ши ответила, что как ей ни дорог Чан-Кай-ши, но революция ей дороже и что она не служит отдельным зарывающимся генералам, а делу революции, делу трудящегося народа. В эти тревожные дни эта школа в полном составе по собственной инициативе явилась на заседание делегатского рабочего собрания с заявлением, что она по первому зову рабочих делегатов будет отстаивать интересы революции, интересы рабочих и крестьян. Но если Чан-Кай-ши понимал значение этой школы и беспрерывно бомбардировал ее открытыми льстивыми письмами, то коммунистический авангард кантонского пролетариата не обратился к ней ни с какими указаниями. Школа ждала призывов от людей, готовых бороться, бороться до конца. Эти призывы не последовали. Колебаниями, растерянностью, нерешительностью коммунистов воспользовалась реакция. Школа была окружена, по частям разоружена. Больше половины ее состава были заточены в тюрьмы, остальные либо успели скрыться, либо были присмирены.

Представители китайской реакции проявили лучшую маневренную способность. Неверно представлять себе, что реакционные перевороты были совершены только голой силой штыка. Ли-Ти-син, опиравшийся в основном на класс гуандунских помещиков и имевший в самом Кантоне лишь одну дивизию (и то не свою, а чанкайшистскую), сумел подобрать себе приверженцев среди других социальных элементов, сумел лучше организовать и использовать силы, которыми располагала реакция. Больше того, самый переворот он сумел облечь в политически-выгодные гоминдановские формы, в формы защиты партийно-гоминдановских прерогатив.

Реакция в Кантоне раньше всего провела идеологическую атаку против коммунистов. На все лады доказывалось, что коммунисты раскольники, что они меньшинство, которое хочет навязать свою волю большинству, что они дезорганизаторы освободительного движения и этим самым контрреволюционеры, пособники мирового империализма. Вслед за этим реакция сделала организационные выводы. Она реорганизовала провинциальный комитет Гоминдана. Эта реорганизация заключалась в том, что прежний комитет, более или менее демократически созданный, был разогнан, и на его место был поставлен другой, назначенный штабом. Реакционеры понимали, что без политической партии они не обойдутся, что партийную организацию нужно сохранить, но только в своих руках, и такую партию, за ширмой которой не трудно было бы проводить свою реакционную политику. Подготовляя свои вооруженные силы для борьбы против революции, реакция этим не ограничивается. Она тщательно подбирает себе сторонников и приверженцев на всех ступенях социальной лестницы. На примере Кантона можно было увидеть, как умело натравливались одни отряды рабочих против других; как реакция использовала реформистский союз механиков, насчитывающий в Кантоне 9 тысяч членов, и толкнула его на вооруженную борьбу против союза железнодорожников, примыкающего к революционной федерации; как она ловко натравливала крестьянские массы, находившиеся под руководством джентри, против революционных крестьянских союзов; как она использовала минтуань (деревенские стражники), силы которого находятся в руках господствующих классов в деревне, для разгрома революционных крестьянских союзов.

Реакция в Кантоне сумела сколотить блок, начиная от отсталых, реформистски настроенных рабочих и кончая помещиками. Реакция сумела использовать всякую брешь, каждую трещину внутри рабочего класса и крестьянства с тем, чтобы изнутри разложить и ослабить их революционные силы. Реакция проявила максимум решительности, настойчивости, политической сознательности и способности маневрирования. Коммунистический авангард кантонского пролетариата не нашел другого ответа подготовляющемуся реакционному перевороту, кроме лозунга нейтрализации Ли-Ти-сина, Кантонская коммунистическая организация, не найдя в себе силы, чтоб начать решительное наступление, не смогла, конечно, и обороняться. Одну за другой она сдавала свои позиции. Торжествующая реакция придавила и разметала все центры рабочего, крестьянского и коммунистического движения, с нечеловеческой жестокостью расправляясь с руководителями этих организаций.

Так обстояло дело в Кантоне. В Шанхае события разыгрались еще драматичнее и не менее трагично. За три дня до прихода кантонских войск Шанхай находился уже в руках восставших рабочих. Шанхайский пролетариат после двух неудавшихся (октябрь 1926 года и февраль 1927 года) провел третье (мартовское) победоносное восстание. В этом восстании он проявил чудеса храбрости и самопожертвования. Но на следующие же дни после победоносного восстания начали обнаруживаться слабые стороны и роковые ошибки коммунистического авангарда героического шанхайского пролетариата. По инициативе шанхайской коммунистической организации было создано

революционное шанхайское правительство из большинства представителей рабочих (все коммунисты) и меньшинства представителей крупной буржуазии. В этом проявилась чрезвычайно характерная для старого руководства переоценка революционности китайской буржуазии. Шанхайские товарищи жили еще под гипнозом старой линии и не представляли себе революционного правительства без участия буржуазии. Больше того, буржуазии отводилась (опять-таки по старым традициям) руководящая роль, несмотря на то, что ей в правительстве было предоставлено меньше мест. Это видно хотя бы из того, что когда представители буржуазии отказались участвовать в правительстве, то вообще не было созвано ни одного его заседания. «Какое это правительство, если будем только мы заседать», рассуждали шанхайские товарищи. Итак, в течение трех бурных недель Шанхай не имел власти, не имел организующих центров революционных сил. Результаты восстания этим самым сводились на смарку, а само восстание приобретало характер бесцельного путча. Зато, если шанхайские коммунисты, действовавшие по указаниям тамошних цекистов, придавали совершенно непонятное значение крупной буржуазии, то одновременно они совершенно недооценивали революционной роли местной мелкой буржуазии. Революционность последней находила историческую проверку в целом ряде событий, а в эти острые дни она ни в какой мере не была использована.

Цепь ошибок шанхайских товарищей на этом не замыкалась. Имея возможность вооружить десятки тысяч рабочих, создав этим прочную опору революции, они ограничились созданием полуторатысячного отряда пикетчиков. Распространяя свое влияние на комсостав стоявшей в Шанхае дивизии народно-революционной армии, шанхайский комитет, несмотря на согласие комсостава, отказался воспротивиться выводу этой дивизии из Шанхая, когда Чан-Кай-ши дал приказ о переброске ее на фронт. Для каждого младенца было ясно, что этим приказом Чан-Кай-ши начал разоружение революции и нанес первый удар по шанхайскому пролетариату. Эта дивизия на фронт не попала. Чан-Кай-ши отвел ее на незначительное расстояние от Шанхая, сменил комсостав, влил в ее состав небольшую преданную ему часть и вернул эту 26-ю дивизию обратно в Шанхай. Эта же дивизия, через несколько дней, 11 и 12 апреля, произвела разоружение пикетчиков, расстрел рабочих митингов, разгон рабочих организаций.

Не в пример пролетариату буржуазия, поворачивавшая колесо революции в сторону, на путь буржуазно-феодальной реакции, располагала хорошими вождями и талантливыми исполнителями своих замыслов. Кантон, бывший раньше основным центром антимилитаристического движения, она превратила в глубочайший тыл реакции. Шанхай с его передовым и сильнейшим пролетариатом она превратила в аванпост своей контрреволюционной политики. Победа буржуазии над пролетариатом в Шанхае и Кантоне больше чем наполовину предопределила на ближайшее время пути китайской революции. С этого трамплина буржуазии легче было прыгать дальше и распространить свое влияние на всю территорию, охваченную национально-революционными войсками. Правда, не сразу всюду восторжествовала реакция. На территории Ухана еще несколько месяцев теплились революционные искры.

Создались два центра: уханский, продолжавший высоко держать знамя революционного сун'ятсенизма, знамя революционной борьбы с империализмом, и нанкинский, сгруппировавший вокруг себя буржуазные и феодальные элементы, отколовшиеся от революции. Диалектика классовой борьбы привела под конец к тому, что уханские верхи спасовали перед Нанкином. Политически Нанкин одержал победу над Уханом. Но для начального момента характерно другое: характерна полная противоположность этих двух центров.

Если чанкайшистский центр после знаменитого обстрела империалистами Нанкина пошел на уступки, на сговор с иностранным капиталом, на ликвидацию фактически антиимпериалистического движения, то Ухан сохранял традиции революционного захвата массами иностранных концессий и во всех переговорах с империалистическими державами отстаивал национальную независимость Китая. Если нанкинская реакция с первых же шагов полностью отказалась от революционных заветов Сун-Ят-сена, взяв курс на разрыв с СССР, на подавление крестьянского движения, на разгром рабочих организаций, на полное и беспощадное придушение коммунистической партии,—то первые дни уханского центра характеризовались еще более бурным ростом крестьянских союзов, консолидацией сил коммунистической партии. В Кантоне, Сватоу, Шанхае, Нанкине, во всех городах и селах, оказавшихся под властью чанкайшистской реакции, с нечеловеческой жестокостью разделывались с руководителями массового движения. Во всех этих местах казни и расстрелы достигали неслыханных цифр. Рабочие и крестьянские организации были придавлены под тяжелым спудом разбушевавшейся реакции. А на уханской территории стачечная борьба приносила все новые победы китайскому пролетариату, крестьянские союзы за несколько месяцев в Хунанской провинции вскочили с 2.000.000 до 5.000.000 членов, а в Хубее—с 600.000 до $2^1/_2$ миллионов. Крестьяне в этих провинциях конфисковали помещичьи земли, изгоняли помещиков и джентри, вооружали свои отряды, создавали специальные суды над джентри, захватывали фактически власть в деревнях.

В эти дни лидеры Уханского Гоминдана декларировали, что «осуществление целей национальной революции зависит от пробуждения крестьян всего Китая. Наша партия всегда будет защищать и бороться за интересы крестьян и всегда будет поддерживать законную борьбу крестьян для того, чтобы все привилегированные классы, угнетающие их, лишились оказываемой им поддержки, чтобы прекратились притеснения крестьян и чтобы угнетенные крестьяне действительно смогли освободиться. В этом заключается историческая миссия нашей партии, и она не должна проявлять колебаний в осуществлении ее». И как бы расшифровывая это заявление, лидеры Уханского Гоминдана писали в декларации от 19 марта 1927 года, что «участие крестьян в национальной революции выразится не только в оказании поддержки военным операциям революционных войск, но и в лишении власти местных паразитов, беззаконных джентри и в уничтожении привилегированного положения феодальных помещиков в деревнях, которые наиболее жестоко угнетают кре-

стьян. Империалисты, милитаристы и подкупные чиновники базируются на этом привилегированном классе, т.-е. на помещиках, для угнетения крестьян. Поэтому привилегированный класс является базой для империалистов, милитаристов, подкупных чиновников и всех контрреволюционеров. Если власть помещиков не будет уничтожена, то, хотя с внешней стороны империалисты, милитаристы, подкупные чиновники и вообще контрреволюционеры будут казаться побежденными, на самом же деле база для ее осуществления не будет уничтожена, и им будет предоставлена возможность изменить характер революции... Поэтому революция должна произвести в деревне большую перемену. Каждая деревня должна подвергнуться большому процессу изменений для того, чтобы, находясь под властью крестьян, окончательно подавить деятельность местных паразитов, беззаконных джентри, помещиков и контрреволюционеров. Политическая власть в деревнях, которая принадлежит местным паразитам, беззаконным джентри, помещикам и контрреволюционерам, должна быть передана крестьянам; в деревне должен быть создан демократический самоуправляющийся орган власти под руководством крестьян. Это—единственный путь к проведению демократической политики». И дальше: «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает». «Если крестьянам не будет дана возможность владеть их собственной землей, они не будут в состоянии поддержать революцию до победного конца. Поэтому наша партия решила поддержать крестьян в их борьбе за землю, пока земельный вопрос не будет разрешен».

В эти дни Уханский Гоминдан извергал проклятия по адресу изменника Чан-Кай-ши, издавал грозные декреты против кантон-шанхайской реакции, продолжал борьбу против северных милитаристов, принимал резолюции о созыве провинциальных народных собраний, поручал коммунистам руководство министерствами внутренних дел, земледелия и труда, проводил об'единенные конференции с коммунистами, клялся в верности союзу с рабочим классом и крестьянством и на деле не препятствовал дальнейшему росту и под'ему массового движения.

В эти дни состоялся не только легальный созыв 5 с'езда компартии, но своим присутствием и приветствием на этом с'езде уханские лидеры—Тан-Ен-кай, Ван-Тин-вей, Сю-чен—как бы демонстрировали установление, казалось, нерушимой связи с коммунистическим движением.

Этот период продолжался недолго. Очень скоро началась эволюция Уханского Гоминдана, бросившая, в конце концов, его вождей в об'ятия нанкинской реакции. Процесс поправения Уханского Гоминдана означал переход мелкобуржуазных вождей, а вместе с ними и значительных слоев городской средней и мелкой буржуазии в контрреволюционный лагерь буржуазии. Эти мелкобуржуазные вожди, вознесенные на гребне волны массового движения, стоявшие все время между молотом и наковальней, между рабоче-крестьянскими массами и китайской буржуазией и помещиками и плетшиеся вначале в хвосте революционного движения масс, натолкнувшись на трудности и препятствия, стоявшие на пути дальнейшего развития революции, не найдя в себе сил для их преодоления, напуганные успехами и не менее напуганные первыми поражениями массового движе-

ния, повернули свое лицо в сторону буржуазно-феодальной реакции.

Но поворот Ухана вправо определился не сразу. Ухан пережил свою революционную весну. И если китайская коммунистическая партия в Шанхае и Кантоне не сумела оказать сопротивления реакции, то уханские коммунисты не развили в нужной мере успехов движения, не закрепили под'ема и этим не обеспечили этот центр от поворота вспять. И здесь, но несколько в иной форме, нехватило решительности, политической оформленности, тактической ясности. Нужно было раньше всего (и в этом заключалась основная задача) движение поднять до такой высоты и настолько закрепить позиции борющихся масс, чтобы этим под'емом не воспользовался конкурирующий с Чан-Кай-ши генерал Тан-Шен-джи. Уханские коммунисты, обескураженные поражением шанхайского и кантонского пролетариата, больше всего опасались переборщить и лишиться последних благоприятных условий для открытой и широкой массовой работы. Поддержка Ухана пролетариатом, совершенно необходимая перед лицом чанкайшистской реакции, когда Ухан решительно порвал и готовился обрушиться против Нанкина, не должна была доводиться до утраты пролетариатом своей роли, как гегемона революции. Не доведенная до конца активность, недоделанность под'ема приводила лишь к выдвижению и укреплению позиций Тан-Шен-джи (ловко скрывавшегося за ширмой национального правительства), на мельницу которого полилась фактически вся вода от поднявшейся волны массового движения против изменничества Чан-Кай-ши.

Это была крупнейшая ошибка, приведшая, в конце концов, к гибели Ухана как революционного центра. Недоделанность эта находила себе место уже в том, что не были сделаны решительные попытки к вооружению масс, к демократизации Гоминдана. Вожди Годиндана не чувствовали позже никакого давления левонастроенных масс. Массы не были вовлечены в аппараты власти, а старые органы власти не были разрушены. Власть не была демократизирована. Национальное правительство находилось все время под давлением военщины, а не масс, организованных в государственные и низовые органы власти. Величайшее орудие организации и воспитания масс—революционная демократическая власть не была создана. В этих условиях участие коммунистов в правительстве могло скатиться лишь к верхушечному комбинаторству. Характерно, что по чрезвычайно важному тогда вопросу,—продолжать ли Ухану борьбу с северными милитаристами (мукденцами) или двинуть свои войска против нанкинских изменников,—коммунисты не имели своей точки зрения и оставляли решение этого вопроса самому Гоминдану. Наконец, у коммунистической партии не было ясной программы революции. И острее всего в эти первые дни уханского центра сказывалось отсутствие у коммунистов определенной платформы в аграрном вопросе. На заседании аграрной комиссии ЦК Гоминдана, происходившем еще в апреле 1927 года, представители компартии, следуя директивам своего ЦК, чуть ли не ежедневно меняли свое мнение по этому кардинальному вопросу. Выдвинув вначале требование конфискации всей земли, сдаваемой в аренду, они затем согласились на конфискацию земли только у контрреволюционеров (так называемая политическая

конфискация), а под конец сошлись на том, чтоб отказаться вообще от требования немедленной конфискации, а признать лишь в принципе конфискацию всей земли, за исключением земель мелких землевладельцев. Колебания гоминдановцев при решении этого вопроса в аграрной комиссии переносились на коммунистов и приводили к чрезмерной уступчивости коммунистов, что в свою очередь сводило на-нет результаты работ этой комиссии.

Так складывалась обстановка к концу апреля 1927 года в Китае, когда должен был состояться пятый с'езд китайской коммунистической партии. На его долю выпадала чрезвычайно важная роль.

На этом с'езде киткомпартия производила смотр своих сил. Он собирался спустя два с лишним года после предыдущего с'езда. Ему предшествовала полоса бурного под'ема революционного движения; эти два года были наполнены шанхайскими событиями лета 1925 года, гонконгской стачкой, образованием кантонской власти—гуандунского центра антиимпериалистического движения, началом и развитием северного похода, небывалым размахом рабочего и крестьянского движения. С'езд происходил в условиях, когда борьба против империализма достигла неслыханной остроты. Под жерлами пушек иностранных военных судов, при вплотную надвинувшейся угрозе открытой империалистической интервенции собирался V с'езд компартии. Он открывался в момент, когда классовая дифференциация внутри революционного лагеря привела к отколу буржуазии и перебежке ее в лагерь помещичьей компрадорской реакции; в момент, когда остро стал вопрос о гегемонии пролетариата, о завладении им руководства над революционной армией, властью и колеблющейся городской мелкой буржуазией. В момент, когда китайская коммунистическая партия выявила свою недостаточную подготовленность к руководству сложнейшими событиями, перед с'ездом стояла задача оформления всей программы революции, намечения тактической линии, об'единения и организационной спайки всей когорты коммунистов, мужественно сражавшейся на отдельных участках революционной борьбы. С'езд должен был спаять китайских коммунистов на единой политической платформе, данной в решениях VII пленума Исполкома Коминтерна, подвести итоги прежней деятельности, выявить имевшие место ошибки и осветить дальнейший путь развития революции.

(*Продолжение следует*)

Г. Лухани.

Опасность войны против СССР и английские военные подготовления в Индии.

Введение. — Антисоветская пропаганда. — Английская политика на границах Индии.—Подготовка к войне. — Англо-индийская армия. — Военный бюджет. — Промышленный базис военной политики. — Роль «индийских государств». — Союз империалистов с национальной буржуазией.

Все нынешнее международное положение определяется обострением в официальных отношениях между СССР и Великобританией, вызванным преднамеренной провокационной политикой болдуинского кабинета и нашедшим выражение в формальном разрыве дипломатических сношений. Логически ближайшей стадией этого процесса должна явиться, раньше или позже,—если только консервативное правительство Великобритании в своем нынешнем настроении крайней безответственности будет беспрепятственно продолжать играть свою хулиганскую роль нарушителя мира во всем мире,—активная военная интервенция против СССР.

В нынешней стадии становится необходимым близко ознакомиться с теми подготовлениями, которые Великобритания ведет в Индии с целью осуществления своей военной политики. Английские империалисты в высшей степени активно работают в Индии, стараясь сделать ее отправным пунктом военных действий против СССР. Географическое положение Индии, ее колоссальные ресурсы как в области сырья, так и в отношении человеческого материала, нынешняя организационная слабость ее национально-революционного движения,—все эти факторы делают Индию особенно важным пунктом антисоветского фронта, организуемого английскими империалистами.

Как уже отмечалось в печати, при обсуждении афганской политики англо-индийского правительства — «деятельность английского правительства в Индии является в каждый данный момент крайним выражением английской политики, стремящейся к организации наступления против СССР со стороны Южной Азии».

Приготовления Англии в Индии к будущей войне против СССР не являются чем-то новым, но они в настоящий момент ведутся особенно интенсивно в виду того оборота, который принимает мировое положение, обостряющее опасность разложения внутри Британской империи. Вследствие этого английские империалисты вынуждены вести все более отчаянную наступительную политику против СССР.

Подготовления, которые Англия ведет в Индии против Советской России, начались еще во время интервенции, предпринятой

союзниками в СССР (тогда РСФСР), в конце империалистической войны в 1918 году. Нет необходимости заниматься здесь детальным обзором интриг Англии и ее попыток начать военную интервенцию, начавшихся с того времени на советской территории, ныне охватывающей республики Туркменскую и Узбекскую. Достаточно упомянуть, что английские офицеры во главе небольших отрядов,—как, например, полковник Этертон,—посланные англо-индийским правительством, опустошали территорию Средней Азии, принадлежащую СССР и что эта деятельность прекратилась лишь после окончательного укрепления советской власти в Средней Азии. Афганистан остался, однако, на более долгий период центром английских интриг. Советско-афганский договор, заключенный в прошлом году и недавно ратифицированный, предназначен служить противоядием против этих интриг.

Таким образом, английский военный стратегический фронт против СССР в Южной Азии постепенно отодвигался назад. Этот фронт, собственно говоря, охватывает ныне северо-западные границы Индии от Белуджистана на юге до Памирских высот на севере. Вдоль этого фронта и в тылу его английское правительство стремится путем постоянных активных подготовлений—политических, экономических и военных—обеспечить свое будущее наступление на СССР.

Английские власти в Индии,—главным образом, через посредство принадлежащих англичанам газет,—ведут антисоветскую пропаганду по трем линиям.

В первую очередь английская печать в Индии фальсифицирует информацию об условиях жизни внутри СССР. Фактическая политическая блокада, которая отделяет Индию от остального мира, облегчает распространение фантастических сообщений в этой области. Так, например, в глазах индийской публики до сих пор пытаются изображать СССР, как страну, в которой материальные условия жизни упали до примитивного уровня, как страну, в которой правительство сохраняет власть лишь благодаря диктатуре, направленной против ненавидящих его масс. Таким образом стремятся создать впечатление, что фундамент власти внутри страны слаб по сравнению, например, с прочно стоящей на ногах Британской империей. Этого сорта пропаганда стремится внушить угнетенному народу Индии представление о несравнимой мощи Британской империи и подорвать его веру в то, что, когда начнется его борьба против английского империализма, он сможет рассчитывать на помощь извне со стороны могущественного государства.

Во-вторых, индийскую буржуазию пугают тем, что советская политика в отношении разных стран земного шара имеет своей непосредственной задачей вызвать гражданскую войну между богатыми и привилегированными классами, с одной стороны, и «низшими слоями общества» (в Индии—кули и презренные парии)—с другой. Таким образом, используя страх перед гражданской войной, газеты предостерегают соответствующие категории индийской буржуазии против опасности сочувственной ориентировки в сторону СССР.

В-третьих, английские власти в Индии постоянно говорят о предполагаемой опасности вторжения в Индию с севера. В связи с этим делается попытка выдвинуть угрозу «красного

империализма». Империалистические публицисты в Индии пытаются уничтожить различие между царистской Россией и СССР. Советскую Россию они изображают, как прямую наследницу империалистической восточной политики царя. Так, например, в книге «Индия в 1924—25 г.» (официально подготовленной для английского парламента) говорится:

«Традиционная политика России, применение которой было временно приостановлено в результате соглашения 1907 года (соглашение между Греем и Извольским о разделе Персии), ныне возобновилась в новой, еще более грандиозной форме. Целый поток противоанглийской пропаганды направлен против более слабых пунктов на периметре английской зоны. Значение этого нового наступления, которое Россия предпринимает в направлении к Индии, состоит главным образом в том факте, что советская политика имеет своей явной целью выполнение революционных задач Третьего Интернационала».

«Представляется невозможным поверить в то, что нормальные отношения между Россией и Британской империей могут быть возобновлены до тех пор, пока подпольная революционная деятельность III Интернационала, имеющая целью расширение русского влияния в Азии, не будет совершенно прекращена». Последняя часть цитаты имеет поразительное интимное сходство со стилем нот английского правительства к СССР.

Следует отметить, что разные линии пропаганды англо-индийской печати против СССР находятся в противоречии друг с другом. С одной стороны, индийскую публику уверяют в том, что Советская Россия не в состоянии состязаться с могущественной Британской империей, а с другой стороны, газеты сообщают, что Советская Россия в состоянии предпринять грандиозное наступление на Индию.

Английская печать прекрасно понимает это противоречие. Так, например, в статье, напечатанной в выходящем в Лагоре «Заминдар» (орган мусульманской буржуазии) в номере от 18/VII 1926 г., говорится, что когда англичане стремятся «вызвать в сердцах индийского народа страх перед вторжением русских», тогда говорится, что «организация Красной армии находится на высоте» и что «она снабжена наиболее современным наступательным и оборонительным оружием и транспортными средствами; внутри же страны транспортная связь организована самым лучшим образом, и ни одна армия в мире не превосходит русскую Красную армию в отношении организации и подвижности». Но, с другой стороны, говорится также, что «правительство большевиков находится в очень плохом положении», что «по всей стране сельское хозяйство и промышленность упали до крайнего предела... Торговля находится в состоянии депрессии, и пути сообщения... не восстановлены».

В течение последнего года, однако, выяснилась определенная линия пропаганды, которая пользовалась особенным покровительством английских властей. Она состоит в том, чтобы уделять все больше и больше места угрозе «вторжения русских». В июле полковник генерального штаба английской армии в Индии Саундерс произнес сенсационную речь о «красной опасности» в Индии. Следует вспомнить, что эта речь была произнесена в тот момент, когда твердолобые элементы консервативного правительства в Англии попытались вызвать разрыв англо

советских дипломатических сношений, пользуясь паникой, возникшей в результате всеобщей стачки. Полковник Саундерс в своей речи, произнесенной в Калькутте, заявил:

«Большевизм в настоящее время является врагом всех цивилизованных наций, и Британская империя должна вынести главный удар в этой атаке. Главная атака, как заявляют сами советские вожди, направлена против Индии. Мы таким образом знаем, чего нам следует ожидать, и здравый смысл заставляет нас предпринять необходимые для самообороны шаги. Это—стратегическая проблема первой важности, затрагивающая интересы всей Британской империи».

В то же время калькуттский корреспондент лондонского журнала «Нир Ист энд Индиа» 27/VII — 26 года писал, что «старая русская угроза на границе уступила место более тонкой, более мрачной, более постоянной и, вероятно, гораздо более опасной русской угрозе».

Переходя к новейшему времени, мы узнаем, что такая официальная персона, как главнокомандующий английской армией в Индии, дает новый лозунг для антисоветской пропаганды. В начале марта текущего года главнокомандующий, в связи с дебатами о военном бюджете в законодательном собрании в Дели, когда националисты обратили внимание на большие расходы, идущие на содержание английской армии в Индии, в ответ на эту критику сделал важное заявление в Государственном Совете (верхняя законодательная палата), в котором указывалось, кто является тем врагом, против которого содержатся в Индии военные силы, вызывающие такие расходы. Он сказал:

«Имеется налицо потенциальная опасность в лице большевистской угрозы, о которой мы постоянно должны помнить. Еще раньше, чем мы успеем оглянуться, в Индию может вторгнуться огромная армия. Мы имеем всегда перед глазами северо-западную границу, но я должен сказать, что мы должны очень строго наблюдать также и за тем, что происходит на северо-восточной границе. Мы знаем, что делает большевистская пропаганда не только в Афганистане, но и в Китае. Может наступить время, когда большевистская угроза надвинется на нас. Мы видим, что большевики никогда не устают от своей пропагандистской работы. Как в Афганистане, так и в Китае они ведут очень сильную пропаганду. Если мы уменьшим нашу армию в Индии, то я без малейшего колебания заявляю, что Индия пострадает так, что она никогда уже больше не оправится».

Как это было уже с произнесенной ранее речью полковника Саундерса, вышеприведенное заявление главнокомандующего точно совпало с моментом новой и более энергичной пропагандистской кампании, которая началась в Англии и апогеем которой был обмен нотами между Чемберленом и Литвиновым. Это означает, что англо-индийское правительство является весьма чувствительным барометром, отмечающим тенденции лондонского империалистического кабинета, и что оно готово пустить в ход все ресурсы, предоставляемые ему его господством в Индии для выполнения какого бы то ни было плана наступления на СССР из Южной Азии.

Подготовка к войне больше всего обнаруживается на северо-западной границе, т.-е. на той границе, которая отделяет Индию

от Афганистана и которая в самом северном своем секторе подходит ближе всего к территории СССР.

Английскому правительству в проведении своей военной политики на северо-западной границе постоянно приходилось считаться с местным политическим положением. Ценность военных приготовлений на этой границе находится в весьма значительной степени в зависимости от того, насколько английскому правительству удастся нейтрализовать постоянную враждебность храбрых горных племен, всегда ведших партизанскую войну с английскими военными экспедициями, охраняя свою независимость. Последняя англо-афганская война (1919 г.) очень ясно показала, на чьей стороне находятся политические симпатии этих племен.

Они занимают недоступную территорию, имеющую большое значение для развития стратегии Англии. Топографические особенности требуют по крайней мере нейтралитета со стороны местного населения, иначе английское правительство не сможет транспортировать свои войска для того, чтобы начать наступление за пределами Индии. Все эти племена вместе насчитывают более двух миллионов человек. Нижеследующая цитата из книги «Индия 1924—25 г.» показывает, что думает английское правительство об этих племенах:

«Их воинственный дух и крайняя преданность тому, что для них доступно из мусульманской религии, делает из них страшных врагов; варварское же их состояние и дикий дух независимости образуют постоянную угрозу для безопасности Индии. Трудно сговориться с ними, но усмирение их явилось бы геркулесовской задачей. Они образуют постоянный авангард для вторжения, авангард, находящийся в пределах самой Индии. Они могут выставить приблизительно около полумиллиона бойцов, при чем значительная часть из них вооружена современными ружьями... Они образуют благоприятную почву для идущих извне интриг. Здесь существует постоянная серьезная опасность внезапного взрыва фанатизма, могущего зажечь такой пожар, который охватит всю границу. Задачей английских и индийских офицеров из политического департамента является взять в руки эти беспокойные племена».

Эта задача является политической проблемой английского правительства на северо-восточной границе. Сперва оно начало выполнять эту задачу путем отправки очень дорогостоящих военных экспедиций. Когда эти экспедиции провалились, английское правительство перешло к политике признания власти вождей, которым оно стало выплачивать весьма щедрые субсидии за обещание сохранения нейтралитета. Что же касается отдельных членов этих племен, то «им платят жалованье за хорошее поведение; наиболее храбрые из них приняты на службу в качестве местных стражников для охраны порядка в пределах территории их собственных племен». Все это означает не что иное, как подкуп в широких размерах пограничных племен с целью проложить путь для проведения английской военной политики в Южной Азии.

В самое последнее время английское правительство начало проводить политику оккупации целых территорий отдельных племен и подчинения их администрации Британской Индии. Эта политика проводилась энергично, в особенности в отноше-

нии важного сектора—Вазиристана. По всей территории были размещены набранные из местных жителей отряды, находящиеся под командой английских офицеров, с той целью, чтобы людям не оставалось возможности «натворить неисчислимое зло, идя навстречу постоянным интригам, идущим как из-за границы, так и изнутри, со стороны элементов, враждебных делу мира в Индии».

Далее английское правительство с целью привлечения симпатий не менее воинственного населения провинций, расположенных на восточной границе и находящихся под английским управлением, показало свою готовность распространить «осторожное применение реформированной конституции на эти провинции».

В других странах, расположенных на границах Индии, английское правительство также никоим образом не оставалось пассивным. В Тибете, расположенном на северной границе Индии, вдоль Гималайского хребта, политическая обстановка оставалась спокойной со времени китайской революции 1911 года. Английское правительство, однако, поддерживает «весьма дружественные» сношения с Тибетом, и тибетцы, «как видно, ценят благожелательное отношение к ним индийского правительства как фактора, который может принести им значительную пользу». Тибетское правительство под руководством нынешнего далай-ламы получило помощь в целях «модернизации вооружения и усиления своей армии».

Взаимоотношения английского правительства с вассальным государством Непал являются результатом весьма искусной политики. Это государство, имеющее население в 5 миллионов человек, занимает Гималайское плато, расположенное между Тибетом и границей собственно Индии. Нынешние его политические взаимоотношения с английским правительством такие же, какими были взаимоотношения между Англией и Афганистаном до Афганской войны за независимость 1919 года; это означает, что внешние сношения Непала строго контролируются английским правительством.

Дальнейшей интересной чертой англо-непальских отношений является тот факт, что «некоторые части населения (Непала) снабжают англо-индийскую армию прекрасными солдатами, великолепно бившимися во время Великой войны». Эти солдаты «гурка»—так называются непальские солдаты—фактически образуют значительную часть туземной армии в находящейся под английским управлением части Индии. Английское правительство в широких размерах пользуется ими при отправке экспедиций за пределы Индии и в отличие от других индийских солдат—для подавления революционных восстаний внутри Индии. Это об'ясняется тем, что эти «гурка», политически совершенно несознательные, вследствие того, что они родились в отсталых горных областях, легко дают себя использовать в качестве орудия британской империалистической политики. «Дипломатические отношения» между британской Индией и Непалом регулируются якобы «договором», ратифицированным в 1925 г. Согласно этому договору каждая из стран «согласилась информировать другую о каких бы то ни было трениях или недоразумениях с государствами, либо территориями, прилегающими к их общим границам. Английское правительство признает право Непала на ввоз через Британскую Индию оружия, амуниции и военных

материалов до тех пор, пока английское правительство будет уверено в том, что намерения непальского правительства носят дружественный характер. Со своей стороны непальское правительство согласилось на воспрещение экспорта оружия и амуниции через его границы».

Переходя к северо-восточной границе между Бурмой и китайской провинцией Юнань—эта граница имеет протяжение приблизительно в тысячу миль—мы наблюдаем здесь сильное развитие деятельности Англии в настоящий момент. Здесь расположен специальный отряд англо-индийской армии, носящий название Бурманского пограничного корпуса. В начале этого года английский главнокомандующий, речь которого мы выше цитировали, специально посетил эту границу в разведывательных целях. В настоящий момент, как хорошо известно, здесь находится экспедиционный отряд, снабженный тяжелой артиллерией, который занял стратегические позиции на китайско-бурманской границе под тем предлогом, что он является будто бы «экспедицией для уничтожения рабства среди горных племен».

«Капитал», орган английских финансистов в Калькутте, сообщал в июле прошлого года о том, что «индийская армия подготовлена к тому, чтобы выступить в поход в каждый момент с целью занять горный проход (очевидно Киберский проход на индо-афганской границе) еще до того, как нация в тылу будет мобилизована».

Военные подготовления на северо-западной границе принимают форму создания цепи недавно построенных фортов и воздушных баз. Об одном из этих фортов, а именно о Кетте (в Белуджистане) сказано, что он «является в настоящее время одной из лучших стратегических позиций в мире» и что «все сделано, что могло быть сделано с точки зрения современной науки, для того, чтобы технически укрепить его природную неприступность».

Особенное внимание было уделено военной авиации. На этой границе часто производятся воздушные разведки, при чем последняя из них была предпринята вице-королем Индии. В то же самое время вся пограничная полоса покрыта тщательно обдуманной транспортной сетью. Наконец, закончена и открыта для движения стратегическая железнодорожная линия, соединяющая индийскую железнодорожную сеть с границей. Новая линия доходит до Киберского прохода, известного прохода в пограничном горном хребте, через который наступающие армии входили и выходили из Индии в прошлые века.

Главным орудием военной политики английского правительства является англо-индийская армия. В добавление к ней в Индию от времени до времени отправляется из Англии известное количество батальонов, принадлежащих к английской армии. Из этих именно батальонов набирались те отряды, которые были посланы недавно в Шанхай и Гонконг. Англо-индийской армии при этом не коснулись за исключением пенджабских полков, часть которых была также послана в Китай.

Состав англо-индийской армии ясен из следующей таблицы:

Англо-индийская армия.

Регулярные войска:

Английские солдаты	68.370
Индийские »	143.446

Резервы:

Вспомогательные войска (принудительно рекрутируемые из англичан, живущих в Индии)	36.804
Территориальные войска:	
Составленные из добровольцев, принадлежащих к индийской мелкой буржуазии и интеллигенции	18.600
Войска вассальных феодальных государств	—
Солдаты, закончившие службу и зачисленные в резерв	12.000
Пограничная милиция:	
Сцециальные отряды на сев.-зап. границе	—
Всего	279.220

Вышеприведенные цифры не исчерпывают, конечно, того человеческого материала, который английское правительство может использовать в Индии в случае войны. Размеры, в каких Англия использовала человеческий материал Индии во время последней империалистической войны,—как это видно из нижеприведенной таблицы,—являются характерным указанием в этом отношении.

Человеческий материал Индии во время последней империалистической войны.

Регулярная и резервная армия при взрыве войны	194.000	
Набранная во время войны	791.000	
Занято вне пределов Индии		552.000
Всего принимавших участие в войне индийцев	985.000	
Нестроевой человеческий материал при взрыве войны	45.000	
Нестроевой человеческий материал, набранный в течение войны	427.000	
Занято вне Индии		391.000
Всего	473.000	
Общий итог индийских солдат во время войны	1.457.000	
Всего занято вне Индии		943.000

В связи с этим следует также отметить выработку плана введения представителей землевладельческих и крупнобуржуазных слоев в англо-индийскую армию в качестве офицеров. В Индии была основана военная школа, и некоторые из ее студентов уже поступили в армию в качестве офицеров. Этот процесс «индианизации» армии идет в настоящее время очень медленно, так как английское правительство не в состоянии решить вопрос о том, насколько национальная буржуазия окажется «национальной» и насколько она окажется «буржуазной» во время ближайшего революционного кризиса. Но во всяком случае для общей политической линии правительства характерна эта мысль о введении туземной феодальной аристократии и крупной буржуазии в империалистический правительственный аппарат.

Нижеследующая таблица показывает пропорциональное отношение военных расходов ко всем доходам Индии в течение последних 5 лет.

Сравнительная таблица доходов и военных расходов в Индии.

Годы	Весь доход	Военный расход
	в фунтах стерлингов	
1923—24	88.712.000	37.413.000
1924—25	92.040.000	36.830.000
1925—26	87.510.000	37.350.000
1926—27	86.850.000	36.620.000
1927—28 (приблизит.)	85.911.000	36.620.000

Таким образом, в течение долгого времени было общеизвестным фактом, что немногим более половины всего дохода Индии уходило ежегодно на содержание английской армии и ее вспомогательных учреждений. Военный характер империалистического управления страной находит ясное выражение в этих расходах, которые, считая на голову населения, превосходят расходы всякой другой страны с подобной производственной способностью. Какие бы они ни делали политические уступки, английские империалисты, не останавливаясь ни перед какими расходами, держат свои орудия подавления и экспансии на высоком уровне. Можно даже сказать, что чем больше делается уступок, тем сильнее становится забота о сильной армии, которая является последней «санкцией».

Атака националистов на военный бюджет возобновляется ежегодно. В начале этого года военный бюджет был отклонен националистическими партиями в Законодательном Собрании (отклонение не имело никаких практических последствий, так как согласно существующей «конституции» вице-король может восстановить указом отклоненные статьи бюджета).

Интересно, однако, отметить, что характер оппозиционного отношения националистов к военному бюджету изменяется. Раньше бюджет подвергался нападению с той точки зрения, что он представляет невыносимую тяжесть для ресурсов Индии. В настоящее время правые националисты согласны принять без особых возражений заявление империалистов, будто эти расходы необходимы в целях «национальной обороны». Главным пунктом их критики является утверждение, что они не участвуют равномерно в «национальной обороне». В одном из органов Национального Конгресса мы читаем:

«Десять лет назад одним из справедливых, хотя и постоянно повторявшихся пунктов критики бюджета было заявление, что военные расходы чрезмерны. В настоящее время критика сводится к осуждению расовой привилегированности и оскорбления индийской молодежи, лишаемой права национальной обороны».

Национлисты сделали требование о предоставлении им «права национальной обороны» главным пунктом своей парламент-

ской программы. Вождь сварaджистской партии настолько далеко отошел от официальной сварaджистской политики «постоянной и однообразной обструкции», что согласился стать членом правительственной комиссии, назначенной для обсуждения способа более быстрого введения «индийской молодежи» в англо-индийскую армию в качестве офицеров. Во время нынешней парламентской сессии резолюция, требовавшая немедленного опубликования доклада этой комиссии, прошла весьма значительным большинством голосов националистических депутатов.

Общеизвестно, что английское правительство помогло путем установления правительственных тарифов и посредством специальных субсидий созданию в Индии стальной промышленности, главным представителем которой является индийская фирма «Тата энд К°» (Джамзетспур, Центральная Индия).

Внешняя политика английских империалистов в высшей степени однообразна во всем мире. Не следует, конечно, думать, что английские империалисты сошли со своего обычного пути и создали на индийском рынке конкуренцию для своей собственной, работающей в Англии, стальной промышленности исключительно из чувства любви к индийским капиталистам. Не подлежит сомнению, что серьезный и дальновидный мотив деятельности империалистов, поощрявших развитие индийской стальной промышленности, состоял в создании промышленного базиса в Индии, опираясь на который можно будет в будущем вести агрессивную военную политику. Англо-индийское правительство не делало секрета из своего намерения оказать «покровительство» индийской стальной промышленности. В докладе официального тарифного управления (учрежденного в целях оказания «покровительства» индийской промышленности) первый параграф констатирует, что «стальная промышленность удовлетворяет тем трем требованиям, которые финансовая комиссия считала достаточными в обычных случаях для того, чтобы какая-либо отрасль промышленности могла выставить требование о покровительстве». Но эта отрасль промышленности «является также важной отраслью *с точки зрения самообороны*, и она имеет большое значение с точки зрения национальных мотивов. Поэтому она имеет право требовать покровительства даже в том случае, если она *даже полностью не отвечает обычным требованиям»* (курсив наш. *Л.*).

Дальнейшее об'яснение того, почему английское правительство так сильно стремится предоставить особые привилегии в своей тарифной политике индийской стальной промышленности, мы находим в статье напечатанной в газете «Капитал», выходящей в Калькутте (номер от 28/I—25 г.). Статья эта подчеркивает настоятельную необходимость спасения фирмы «Тата», чего бы это ни стоило, и настаивает на том, что индийское правительство и индийские империалисты должны совместно работать с целью предотвращения ликвидации этого предприятия, так как это было бы равносильно катастрофе. Статья выражает надежду, что «будет решено платить эту большую сумму в течение трех лет в знак признательности за услуги, оказанные компанией правительству и стране во время мировой войны».

Мы находим затем в статье знаменательное заявление, гласящее, что «если бы могли быть раскрыты архивы управления снабжением армии, то прекратились бы всякие сомнения относительно огромной суммы, которою государство владеет в предприятиях компании «Тата». Но, и не знакомясь с архивом английского правительства, мы знаем, что компания «Тата» поставляла большие количества амуниции для азиатских экспедиций английской армии во время войны. Мы знаем далее, что та же самая компания поставляла рельсы для постройки железных дорог в Месопотамии с целью помочь Англии усилить свое экономическое и политическое влияние в этой стране.

То, что индийская сталь должна сыграть еще большую роль в ближайшей мировой войне, ясно видно из масштаба нынешней продукции. В 1925 г. все потребление стали в Индии равнялось 627 тыс. тонн, из которых не менее 481 тыс. тонн было ввезено и лишь 146 тысяч тонн было выработано в Индии. Результатом этого покровительственного тарифа было, во-первых, снижение всего потребления. Но затем было вычислено, что для 1927 года потребление опять поднялось до первоначальной цифры в 627 тысяч тонн с той разницей, однако, что лишь немногим менее половины, т. е. 363 тысячи тонн, ввезены, и целых 264 тысячи тонн выработаны в Индии.

Важное значение производства стали в Индии в случае войны очевидно. Но это явление окрашивается в еще более мрачный цвет, если принять во внимание, что английский империализм обнаружил большое коварство, об'единив дальнейшее развитие своей империалистической политики с интересами растущего капиталистического класса Индии.

Стальная промышленность достигла в Индии высокой степени технического развития. По всем данным, для нее в настоящее время представляется возможным не только вырабатывать большее количество амуниции, но давать также более разнообразные виды военного снаряжения, чем в течение мировой войны. Давая показания в прошлом году тарифному управлению, представитель Хукумчанского завода электрической стали заявил, что его фирма «от времени до времени» получала от артиллерийского управления индийского правительства заказы на «различные части горных орудий и других предметов военного снаряжения». В виду того, что «этот завод особенно хорошо приспособлен к выработке самого разнообразного литья, предназначенного для военного снаряжения», той же самой фирме было поручено заняться «производством воздушных бомб. Вероятное требуемое количество было определено в 5 тысяч или более в месяц». Представитель фирмы заявил далее, что «в случае войны, по всей вероятности, потребуется очень большое количество специальной стали для выработки сильных взрывчатых веществ и шрапнельных ядер и что этот заказ придется выполнить в очень краткий срок. Завод этот может быть приспособлен к такого рода работе почти немедленно». «Поэтому,—продолжает свидетель,—этот завод в связи с делом национальной самообороны имеет особенно в настоящее время, значительную потенциальную ценность, а в случае войны сможет стать неоценимым помощником для существующих правительственных артиллерийских заводов». Фирма может вырабатывать сорт стали, необходимый для военного снаряжения, лучший даже, чем вырабатывают заводы компании «Тата».

Приблизительно треть всей территории Индии занята так называемыми «индийскими государствами». Некоторые из этих

государств невелики, другие же величиной с Италию, и все они находятся под самодержавным управлением феодально-аристократического класса. Эта часть Индии представляет собою пережиток старого феодального строя, и она лишь в весьма слабой степени затронута процессом индустриализации, совершающимся во всех других частях Индии, более непосредственно предоставленных в распоряжение английского (а ныне и индийского) капитализма.

Феодальная аристократия,—вместе с другими землевладельческими слоями,—являлась с самого начала нынешнего столетия единственным социальным базисом английского господства в Индии. Современное капиталистическое развитие Индии стремится подорвать положение феодального класса и передать социальный центр тяжести развивающейся буржуазии, и в то же время развитие национально-революционной борьбы в остальной части Индии имеет тенденцию вызвать на принадлежащей феодалам территории аграрное движение. Эти факторы вызвали резкое изменение в положении «индийских государств». Вмешательство Англии в их политическую жизнь в последнее время сильно возросло, так как Англия опасалась, что эти государства станут центрами аграрной революции. Некоторые из колебавшихся членов феодальной аристократии, занимавшие посты почетных глав государства, были уволены. Другим же в резкой форме напомнили о том, что они являются вассалами Англии. В общем, однако, этот реакционный феодальный класс вместе с находящимися в его распоряжении колоссальными ресурсами будет на стороне империалистической Англии во время ближайшей войны, как это было и во время прошлой войны.

В начале текущего года в Бенгале вспыхнула большая стачка железнодорожных рабочих, охватившая 40 тысяч человек. Эта стачка была об'явлена вопреки воле профсоюзных лидеров. Во время стачки произошло сильное столкновение между рабочими и вооруженными силами английского правительства. В других частях Индии также замечается недовольство рабочих, находящее себе выражение во вспыхивающих время от времени менее крупных стачках. В Бенгале и Бомбее были основаны «рабоче-крестьянские партии», выставившие программу подлежащих немедленному осуществлению требований, ведущую к более широким целям национально-революционной борьбы. Кампания тов. Саклатвалы, которую он вел недавно, была встречена массами с замечательным энтузиазмом. Влияние китайской революции было сильно заметно в рядах организованного пролетариата, от имени которого последняя сессия Всеиндийского Конгресса Профсоюзов приняла резолюцию солидарности с китайскими революционерами.

На ряду с этим процессом укрепления организации рабочих масс появилось много признаков усиления левой ориентации в националистическом движении. Со времени последней сессии Индийского Национального Конгресса в декабре 1926 года левое крыло движения сильно укрепилось. Средняя и мелкая буржуазия и интеллигенция ищут пути для сближения с массами. Часть первоначальной свараджистской программы, касающаяся организации рабочих и крестьян, была восстановлена и детально обсуждалась в националистической печати. Левые элементы обнаруживают большое упрямство в области своего отношения

к ошибочному руководству Исполкома Конгресса. Восстановление национально-революционного фронта на базе поддержки широких масс—таково направление левых националистических тенденций. Бомбейский орган конгресса «Индиан Нейшионал Геральд» (19/III—27 г.) пишет: «Наибольшее значение имеет работа над политической организацией народа—рабочих и крестьян, от которых зависит будущность страны и ее политическое и социальное спасение».

Обеспокоенные союзом рабочего движения с конгрессом английские империалисты со своей стороны удваивают свои усилия, направленные к тому, чтобы расколоть национальное движение, изолировать крупную буржуазию вместе со всеми реформистскими и либеральными элементами и таким образом образовать новую базу для укрепления своего господства над Индией.

Со времени неудачной революционной попытки в 1921 г. английское правительство добросовестно приспособилось к этому маневру. Проводилась тактика экономических уступок капиталистическому классу Индии. В результате этого свараджистская партия, начавшая свою деятельность с революционных обещаний, была расколота и фактически ликвидирована. Со времени последних выборов в декабре 1926 г. национальная позиция в законодательном собрании стала обнаруживать в более сильной степени уклон вправо. Оппозиция раскололась, и националистское большинство голосует вместе с правительством.

Биркенхед в недавно сделанном им заявлении обещал националистической буржуазии дальнейшее проведение «конституционных реформ». «Манчестер Гардиен», обсуждая заявление Биркенхеда, подчеркивает, что

«следует сделать какой-либо смелый шаг вперед в направлении в самоуправлению... или же мы очутимся позади в бурных широтах».

Орган английского либерализма предусматривает необходимость создания «индийской исполнительной власти», которой должна быть обеспечена соответствующая поддержка для того, чтобы она могла прибегнуть к своему авторитету во время какого-нибудь кризиса».

Националистическая буржуазия, связанная с империалистами экономическими узами и примирившаяся с английским правительством благодаря «конституционным реформам», представляет собой большую опасность для дела национально-революционной борьбы в Индии и является фактором большого значения в консолидации в мировом масштабе антисоветского военного фронта, на который работают английские империалисты.

П. Волоконский, Л. Любощиц,
и П. Плешков.

Современные типы деревенской буржуазии.

(Зарисовки с натуры).

I.

Москва—Свердловск—Курган—деревня. Из центра к периферии—таков путь нашей экспедиции по обследованию крестьянского хозяйства и окружающей его экономической среды. На нас возложена Наркомторгом РСФСР задача изучения влияния рынка на организацию молочного хозяйства. Внимательный взор не может ограничиться собиранием одних статистических сведений—надо видеть жизнь, как она есть.

Внешний вид деревни мало изменился. Еще машут крыльями ветряные мельницы, и автомобиль не проложил себе еще дороги в просторах полей сибирских, но Октябрьская революция и в самых глухих углах провела свою глубокую борозду, оставила несмываемый след и коренным образом изменила общественный облик сибирской деревни.

Места эти не могут еще праздновать свой десятилетний юбилей освобождения от ига царей, помещиков и кулаков. Волна революции пронеслась здесь значительно позднее. Деревня пережила здесь голод, колчаковщину и бандитские восстания 1921 г. и ряд других местных кулацких вспышек. В результате острой борьбы произошла радикальная перестановка классовых сил, и прочно укрепила свои позиции советская власть.

В современной деревне редко можно встретить богатея старого стиля, который имел бы торговые и промышленные заведения (паровую мельницу, маслозавод). Почти исчез также крупный предприниматель в области сельскохозяйственного производства, *имевший по 100—200 коров и по 150—500 десятин посева*, с огромным применением найма (до 10—15 рабочих) и с крупной арендой. Многие кулацкие хозяйства за время революции и голода опустились до уровня середняцких и даже бедняцких хозяйств. Но большинство из них сохранило уровень выше среднего вследствие большей обеспеченности средствами производства в виде сложных машин.

Машина играет колоссальную роль в этом районе, как орудие производства, а тем самым—как средство эксплоатации. Жнейка и молотилка совершенно вытеснили в своей области ручной труд. Число с.-х. машин теперь больше, чем в прежнее время.

«Без машины никак нельзя», заявляет крестьянин,—и бедняки, рискуя часто несвоевременной уборкой урожая, терпеливо ждут у владельца машины своего череда. Эта форма эксплоатации через сдачу внаем живого скота и в особенности крупного сельскохозяйственного инвентаря приобрела очень широкое распространение на ряду с другими распространенными здесь формами эксплоатации, какими являются наем труда и аренда земли. Налоговые органы недостаточно улавливают эту замаскированную форму эксплоатации, и крепкий мужичок, очень уклончивый и скрытный, когда дело касается выявления величины его найма, аренды, об'ектов обложения, смелее и откровеннее говорит о своих заработках на сдаче внаем машины. Он четко сознает свои хозяйственные интересы и часто простыми словами дает яркие формулировки того основного экономического закона, по которому повышение цен на рабочую силу, ограничение ее эксплоатации толкает к вытеснению ручного труда машиной.

Экономическая роль крупного сельскохозяйственного инвентаря в этом районе настолько велика, что в некоторых хозяйствах доход от машин выше всего годового дохода полеводства и животноводства. Жизнь показывает случаи, когда бедняцкие и маломощно-середняцкие хозяйства, эксплоатируя купленую в кредит машину, так быстро разворачивали и преобразовывали свое хозяйство, что в течение двух-трех лет проделывали прыжок в зажиточные хозяйства.

На основе этих или других форм эксплоатации растет новый слой кулачества со своими отличительными особенностями. Этот кулак нового покроя, иногда переформированный тип старого кулака, большей частью более предприимчивый и культурный хозяин с деляческой психологией. Он иронически относится к кулаку старой закваски—негибкому, неприспособленному к новым общественным формам жизни. Его непримиримой враждебности и слепой ненависти к новому строю он противопоставляет свою советскую «лойяльность».

Мощный хозяин, растущий в современных условиях советской действительности, хорошо знает не только общее направление нашей политики, но и советские законы. Он так хорошо иногда замаскировывается в советские тона, что со стороны кажется несомненным его участие в социалистическом строительстве. На деле же он использует все возможности, предоставляемые советской легальностью, в целях личной наживы и эксплоатации и способствует капиталистическому развитию нашей деревни.

Старый кулак, откровенный и непримиримый враг всех новых принципов общественной жизни, и новый делец с девизом:

«Молчи, скрывайся и таи
Все чувства и мечты свои»—

два наиболее ярких типа современной деревенской буржуазии. Зарисовка их дана на основании фактов и наблюдений.

II.

Собрание крестьян. Доклад о положении крестьянского молочного хозяйства и перспективах его развития. Корней Гнилов, крестьянин лет 45, с рыжей окладистой бородой, смотрит в упор на докладчика. Глаза светят враждебно злым блеском.

Не выдерживает, прерывает докладчика, когда речь заходит о вывозе масла из Сибири:

«До войны вывозила Сибирь за границу 4 милл. пудов, а теперь сколько? Теперь нечего нам вывозить! До войны у нас было по 10—15 коров у плохого хозяина, а теперь 2—3 у хорошего».

Крестьяне одергивают: «Подожди, дай высказаться человеку—ты потом скажешь».

Но мужик не унимается. Когда заходит разговор о плохом оборудовании заводов и необходимости постройки новых, он снова прерывает докладчика:

«Отдайте Смолину все старое, дайте свободу работать—он вам настроит (Смолин—бывший крупный купец). Небось была у него паровая мельница, все были довольны, а теперь забрали мельницу, мелют мужикам по 3 пуда на едока и берут дороже».

Корней Гнилов—старый кулак, до революции—торговец, имел 15 коров и до 30 десятин посева. Революция его ущемила и немного подстригла. Но и теперь его хозяйство значительно выше среднего уровня основной массы крестьянских хозяйств и носит ясно выраженный эксплоататорский характер. Он речист, на сходках первый крикун, постоянно вспоминает «славное» прошлое, где занимал далеко не последнее место.

Беднота, конечно, относится к нему враждебно. И даже кулаков поумнее смущает и раздражает его резкая откровенность. Но тем не менее страстная проповедь частнокапиталистических принципов хозяйствования и отчетливая формулировка своих классовых интересов делает его подлинным, ярким выразителем часто затаенных настроений и чаяний кулачества. Привыкли думать, что у крестьянина нет продуманной системы идей, что он живет своей околицей и питается обрывками наблюдений и мыслей. Но проследите внимательно строй мыслей этого кулака—и вы убедитесь, что имеете перед собой по всем жизненным вопросам советской политики и экономики законченную идеологию, враждебную пролетариату. Профессиональным идеологам кулачества ничего не остается, как повторять эти, скверного запаха, мысли в осторожной оправе ученой терминологии.

Кто такие, по Гнилову, бедняки? «Это—лодыри, лентяи и пьяницы, которые угнетают и пьют кровь «трудовика».

Кулак прячет свое лицо под маской «труженика» и линии пролетарской политики в деревне противопоставляет свое деление, затушевывающее его эксплоататорскую сущность.

«Сукины сыны! Сеют вражду среди народа. Поделили народ на кулаков, середняков и бедняков. А по-моему так—есть лодыри и труженики. Какой я богач? Каторжанин, вот кто я! Только такие, как я, приносят пользу государству; ценить их, поощрять, заинтересовать их надо, и все будут пышно жить».

Нет у кулака иной оценки бедняка, как лодыря, и продиктована она классовыми интересами. Этот взгляд, обычный среди кулачества и в прежних условиях, сейчас особенно усиленно пропагандируется кулаками и вводит в заблуждение середняцкие массы. Он становится основным лозунгом в наступлении кулачества на политику советской власти в деревне, в требовании поворота курса этой политики.

«Нет никакого внимания к «труженику», а от него золотая копейка ползет государству. Надо бросить возиться с лодырями, от них только одна убыль государству. Я один плачу налогу больше, чем 35 лодырей».

Корней Гнилов ущемлен за живое политикой помощи бедноте со стороны органов советской власти. Видит кулак, как рушатся основные устои его личной наживы и эксплоатации. В процессе развития сельского хозяйства поднимается и крепнет беднота, постепенно суживается поле ее зависимости от кулака. Поэтому особенно яро он нападает на политику перераспределения национального дохода, которая немало способствует этому процессу. Хороший классовый нюх у кулака Корнея Гнилова. Когда утрачивается перспектива расширения поля эксплоатации, он готов тормозить развитие собственного хозяйства лишь бы его копейка не пошла на укрепление бедняцкого хозяйства.

«На кого работаем! На кой чорт сеять, разводить скот? Сгублю свое богатство—капитал!».

«Нет интересу наживать, нет жажды богатства. У крестьян нет запаса, а если случится голод, то опять будут грабить трудовика».

«Не нужны нам ни комитеты взаимопомощи, ни селссуды — все это значит взять с трудовика, чтобы лодырям помогать. Пьяницы и лодыри пусть подыхают, у них нужда от лени».

Ненавистник бедноты, он при удобном случае прячется за ширму бедняка. У мощного хозяина сильная тяга к крупной сельскохозяйственной машине. Приобретение трактора встречает препятствие в принципах нашей классовой политики. Тогда организуется тракторное товарищество с формальным участием бедноты, которой предоставляется роль хорошей вывески. Практика сибирской деревни показывает многие случаи, когда, в конце концов, трактор прибирается к рукам двух—трех кулаков. В лаконической формулировке Корнея Гнилова эта тенденция к использованию бедноты с целью обхода советской политики в деревни находит образное выражение:

«Бедноту «трудовик» использует для мебели».

Корней Гнилов критикует кооперацию и пропагандирует смычку с частным капиталом.

«Кооперативов наорганизовали, а порядку-то в них нет. Соли—и то нет. Надо открыть частную свободную торговлю, не отнимать от частника хлебный рынок,—тогда частник прибавит цену на хлеб и всякие продукты».

Корней Гнилов сокрушен успехами советской власти в борьбе с частником.

«Прогнали вольного — на базаре пустяковина осталась: продают брюкву, редьку, кур, веники и др. чепуху в этом роде».

Не подозревайте, однако, в национальной ограниченности Корнея Гнилова, когда дело касается защиты интересов капитала.

«Ни одной державе наши идеи не подходят. Надо итти рука об руку с Америкой и Англией, и мы получим такое же богатство».

Корней Гнилов критикует принципы советского строительства.

«Все коммуны разбегаются. Хороший житель никогда не пойдет с трепачем. Наш народ—самолюб, табунком никогда не

пойдет. Даже отец и сын делятся. Перевернуть планету другим концом нельзя».

Корней Гнилов иногда сам становится на «принципиальную» точку зрения. Когда обсуждается вопрос о ремонте школы, Корней предлагает ремонтировать церковь.

«Я религиозный человек и, если в школе не преподают закона божьего, то и детей не хочу учить».

И он действительно их не учит: 5 взрослых сыновей Гнилова неграмотны.

Корней Гнилов эксплоатирует «истины» мелкобуржуазных экономистов.

Различие между городом и деревней он приводит как аргумент в пользу того, что «трудовику» не по пути с пролетариатом.

«Крестьянина и рабочего сравнивать нельзя. Рабочего машина подгоняет, а крестьянин трудится из-за своего интереса. Хочет—работает, не хочет—не работает. Поэтому никогда не будет в деревне так же, как в городе».

В этой галиматье правильно лишь предчувствие, что пролетариату не по пути с кулаком.

Неизбывные мечты о прошлом: «Не миновать, придем к старому строю; хоть хуже сначала будет, а надо сменять. Через 3—5 лет все пройдет».—«Расстреляй меня, буду говорить: не будет по-вашему!».

«Свободная торговля, свободный труд на освобожденной земле».

Свобода эксплоатации—вот песнь песней кулака, которую он поет на разные лады. «Гибнем! Не дают развернуться!»—основной крик его ущемленной души. Он не прочь подкрепить свою упавшую бодрость ссылкой на опыт других стран.

«Франция больше мучилась и к старому пришла» (чем не намек на термидор?).

Но яд предчувствия обреченности своего класса уже просочился. Кулак старого закала, открытый и непримиримый враг новых форм общественной жизни—вымирающая фигура современной деревни. Растет новая фигура кулака, который стремится скрыть свое лицо, приспособиться к новому стилю жизни. О нем будет разговор дальше. Здесь же предоставим последнее слово нашему речистому глашатаю кулацких настроений.

«Жизнь проклянешь за свое доброе. Кругом—блядство, душу рвет. Мой брат не вынес такой каторжной жизни и умер с тоски: чувствовал, что мы не в силах ее переделать»... А Корней гниет на корню.

Не без поэтической грусти Корней Гнилов сам правильно подвел свои итоги.

III.

Жмыль—коренастый мужик, видная фигура на селе. Да что на селе! По всей окрестности несется слава о нем, как о передовом и культурном хозяине. С такой аттестацией мы без всякого предубеждения жали руку Жмылю при первом с ним знакомстве.

Жмыль принимает активное участие в общественной жизни деревни. По анкете середняк, он играет руководящую роль в

потребительской кооперации (член правления), член сельсовета, член сельхозкредитного товарищества. Общественная активность его кажется совсем безупречной, когда узнаешь, что, кроме того, он член ККОВ и даже ячейки Осоавиахима. Вы окончательно записываете его в ряды сознательных носителей культурного прогресса, когда видите в его домашнем обиходе такое необычное в крестьянских условиях благо культуры, как зубной порошок. И действительно Жмыль обнаруживает свою культурность не только на мелочах. Он знает на зубок советские законы и так иногда начинает ими крыть крестьян, что те только рты разевают.

На сходах он осторожно одергивает потоки красноречия Гнилова. В частной беседе отзывается о нем, как о глупом крикуне. «Дураки не могут понять, что на российском престоле Романовых больше не будет».

Жмыль почти коммунист... Он даже был коммунистом, когда в 20 году служил в Красной армии, но потом, как выражается беднота, *«отчалил»*.

Обратимся, однако, к другим сторонам его жизни. Ближайшее знакомство с его хозяйством убеждает, что вы имеете дело с зажиточным хозяйством эксплоататорского типа: у него 4 лошади, 6 коров, большое количество молодняка, все сложные машины, включая сноповязалку, два сроковых рабочих и значительная аренда земли.

Шаткий экономический базис для советской идеологии Жмыля. Для марксистского образа мышления здесь почва для многих сомнений. Но не спешите с выводами! Побольше пристального внимания—и бытие начнет определять сознание.

Действительность постепенно открывает завесу и под блестящей стороной медали показывает ее оборотную сторону.

Жмыль—культурный человек и выписывает за счет кооператива «Правду». Он аккуратно прочитывает ее, но за пределы избы газета никому в руки не попадает. Просветительная работа не по душе Жмылю. И не случайно! Этот «культурник» рад при всяком удобном случае поэксплоатировать невежество и отсталость крестьянской массы. Недаром беднота о нем говорит:

«Жмыль-то грамотный человек, да грамота его к себе в карман глядит. Грамотный интересы свои защищает».

Жмыль всегда ухмыляется. Настроение у него бодрое, не то что у старого кулака, который нос повесил и в гроб глядит. Жмыль цену себе знает и похвастать на сей счет любит. Когда навеселе однажды Жмыль сцепился со старым кулаком, бывшим старшиной и воротилой, то отповедь ему была короткая: «Ты, Кузьма, падаль, гроша ломаного не стоишь. Ты чем раньше был? Печатку прикладывал! А я? Я—Жмыль—грамотный человек. Я—спец! Кто кооператив организовал? Я! Без меня в деревне ничего не сделать!».

Уже появилось первое подозрение к безукоризненному на первый взгляд облику Жмыля. Последуем, однако, за ним дальше: на кооперативную работу, где он чувствует себя совершенно незаменимой величиной.

Жмыль всегда выступает ярым противником частной торговли. Характерен в этом отношении отрывок из беседы с ним во время раз'ездов по районам, где нам попалась на пути част-

ная лавка (в этом районе частная торговля почти совершенно вытеснена СельПО).

«Надо усилить налоговый нажим на частника. Эти продувные бестии ловко скрывают свои обороты. А вот кооперация платит налогу слишком много и здесь необходимо сбавить».

Какой хороший кооперативный работник Жмыль и как хорошо защищает кооперативные интересы! Но ближайшее обследование руководимого им кооператива показывает другие факты: фонд по кооперированию бедноты не использован, беднота не вовлечена в кооперативное строительство, и никаких мер по ее вовлечению и кооперативному просвещению не проводится. Хорошее на словах отношение к бедноте изменяется, если она заявляет о себе на деле. Когда беднота выделила своих представителей на руководящую работу в правление кооператива, то Жмылю не пришлось это по вкусу. Всяческими мерами он постарался дискредитировать их в глазах населения и заставил, наконец, бросить общественную работу. Ревниво, подозрительно ревниво относится Жмыль к малейшему посягательству на свою руководящую роль в кооперативе. Не жалеет Жмыль хороших слов и без запинки всегда скажет, даже подпишет: «кооперация—путь к социализму»; на деле же он печется только о своих личных выгодах, тонко приспособившись к кооперативным формам нашего строительства.

Жмыль старается показать себя сознательным сторонником социалистического строительства, но не всегда удачно.

«Природу гони в дверь—она войдет в окно».

Жмыль за производственное кооперирование, за организацию машинно-тракторных, контрольных и проч. товариществ, но... с маленькими оговорками. Оригинальная поправка его к политике партии в деревне заключается в следующем: чтобы производственные об'единения были жизнеспособными, надо подбирать одни крепкие, зажиточные середняцкие хозяйства, в осторожной терминологии Жмыля—«ровные хозяйства».

«Лодырей не надо», говорит Жмыль вслед за Корнеем Гниловым. Кулаческая суть, наконец, прорывается: достигнуто полное единодушие в оценке бедноты со стороны двух представителей кулачества.

Жмыль—кряжистый, но гибкий, приспособленный мужик. Он с презрением смотрит на Гниловых, которые видят только вчера и верят в чудеса. Жмыль живет настоящим. Он хочет расти и развиваться на советской почве. Поэтому приемы его борьбы за свои классовые интересы тонко замаскированы, и бывает трудно иногда различить их настоящую подоплеку. Жмыль никогда не выступает так прямолинейно, как Гнилов, с защитой противосоветских, кулацких настроений. Нет, он «прочно» стоит на советской платформе и, если уж критикует отдельные положения советской политики в деревне, то делает всегда осторожные ссылки на интересы советского государства.

«Крестьяне—несознательный народ,—говорит Жмыль,—скрывают посевы, скот. Пашню легче учесть. Надо перейти на обложение *только пашни*».

В требовании отмены подоходного принципа обложения вновь обнаруживается внутреннее сродство душ «благонамеренного» кулака Жмыля с еретическим проповедником капитализма в деревне Гниловым.

Эту линию совпадения коренных интересов двух представителей кулачества—старого и нового—можно проследить и дальше. Под прикрытием фраз о необходимости под'ема нашего сельского хозяйства, укрепления нашей промышленности Жмыль пытается пропагандировать необходимость отмены стеснения в применении найма, ограничения арендных отношений в деревне, отмены регулирования длины рабочего дня в сельском хозяйстве. Жалуется иногда Жмыль, что трудно стало найти рабочие руки, что высока плата за рабочую силу, что нет выгоды ее нанимать.

«Дайте развернуться! Дайте свободу эксплоатации!»—готов крикнуть Жмыль, но язык у него на привязи. Он больше действует, чем говорит. Желая обойти существующие стеснения найма, он начинает налегать на эксплоатацию машинами, охотно сдает их беднякам за отработку. Умеет Жмыль взять свое, нагнуть бедняка. Беднота о нем злобно отзывается: «Свою работу бросай, а к нему иди».

Своих сроковых рабочих Жмыль так сильно эксплоатирует, что те не выдерживают, убегают от него. Так и приходится ему в течение сезона несколько раз менять их. Недаром жалуется Жмыль, что трудно найти рабочие руки. Неохотно идут к Жмылю на заработки. Да, нажимистый, кряжистый мужик Жмыль! Но вот еще несколько штрихов для оценки его дипломатической натуры.

Человек нерелигиозный, Жмыль в церковь не ходит уже пять лет, но с попом дружит, на досуге вместе с ним рыбу удит и по хозяйству иногда помогает. Странная симпатия при атеистическом мировоззрении Жмыля! Но и с беднотой Жмыль хороводится. Не зазнается... На охоту вместе ходит, в гости приглашает. Надо же завоевать симпатии пролетарских масс. Но, несмотря на все старания, с недоверием, с враждебной опаской относится к нему беднота, не считает его своим человеком. Хитрый, башковитый человек Жмыль. Беднота про него образно выражается:

«Жмыль способен из говна квас делать».

Но посмотрите еще, для полноты картины, как втихомолку Жмыль меняет свою показную идеологическую установку. При удобном случае, под покровом ночи Жмыль занимается обработкой национальной психологии молодежи, рассказывая бабушкины сказки о том, как «киргизы да жиды не дают жить русским, как советская власть евреям дает землю на Украине, а русских в Сибирь загоняет».

В конце концов, Жмыль увязал-таки свою идеологическую концепцию с экономическим базисом.

Вот они два кулака, два врага пролетарской диктатуры и социализма. Их надо понимать, чтобы вернее и успешнее их побеждать. Партия должна помочь бедняцким слоям дать отпор Гниловым и Жмылям, стремящимся прибрать деревню к своим рукам.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Демократия наизнанку.

М. ОСТРОГОРСКИЙ. Демократия и политические партии. Том первый: Англия. Перевод с французского. С предисловием Е. Пашуканиса. Издательство Коммунистической Академии. 1927 г.

Скажем сразу: это—замечательная, захватывающая книга. Это—классический труд, который ставят наравне с произведениями Брайса и Токвилля. И вполне прав тов. Пашуканис, высказывающий в своем предисловии догадку, почему эта книга, вышедшая на французском языке еще в 1903 г., до сих пор не была переведена на русский язык: Острогорский дает в ней убийственную картину буржуазной демократии, парламентаризма и партийных клик. Второй том, трактующий об Америке, еще убийственнее первого.

Руссо принадлежит словечко, что английский народ бывает свободен только во время выборов. Острогорский показывает закулисную сторону и этой «свободы». Читатель к изумлению своему узнает, что в практике английской политической жизни на первом плане стоит «*кнут*», да, кнут, это не описка, по-английски whip, термин, взятый из псовой охоты и означающий собственно погонщика своры. Слово кнут вы находите у Острогорского чуть ли не несколько раз на странице... «Кнут», назначаемый партийным лидером и ведающий секретным фондом партии, является за кулисами действительным хозяином партии, без него не проходит ни один кандидат в парламент, он всем орудует. Заодно с ним распоряжается штаб так называемых «*дергателей веревок*», wire-pullers. Эти столь ходкие в английской политической жизни термины говорят сами за себя, они крайне знаменательны! Острогорский рисует красочную картину «*охоты*» за избирателями, т. н. canvassing: кандидат и его агенты обходят дом за домом и стараются действовать на индифферентных избирателей всяческими способами, сиятельный лорд справляется у жены сапожника о его сыночке Дике, красавица герцогиня Девонширская даже поцеловала избирателя-мясника за обещание голосовать за Фокса... Конечно, эти приемы в сущности противоречат закону *о тайном* голосовании! По всем правилам охоты агенты обеих партий делят между собой улицу, одни обходят дома по одной стороне, другие—тем временем дома по другой стороне. Закон против избирательной коррупции (предусмотрительно изданный вслед за биллем о реформе) запрещает кандидату и партии оплачивать избирателю средство передвижения; тем не менее, на бесплатно предоставляемых богатыми членами партии автомобилях агитаторы тащат избирателей к урнам «как стадо»... консервативная партия даже получила кличку motor car party (партия автомобилей). Партийный аппарат берет на себя также регистрацию избирателей, оспаривание и «шиканы» (придирки) по отношению к избирателям противоположного лагеря; этому много способствует чрезвычайная сложность и запутанность английского избиратель-

ного права: иногда достаточно переехать в соседний дом, чтобы лишиться этого права, иногда играет роль, есть ли замок в комнате жильца или нет—у Острогорского приведена целая коллекция таких курьезов. Заметим: все это—не только особенность английской «демократии»; в довоенной Австрии пишущий эти строки наблюдал эти приемы избирательной кампании также в социал-демократической партии! Но всего важнее, конечно, подкупа; если прежде покупали отдельных избирателей по 1—10 шиллингов за голос, то теперь, при массовом избирателе, это заменено в Англии подкупом, так сказать, коллективным: кандидат жертвует на местную часовню, больницу и пр., и это совершенно обезоруживает избирателей. Закон против коррупции ограничивает избирательные расходы партии и кандидата известным максимумом; но этот закон легко обойти. Между прочим, уже прошедшего в палату кандидата осаждают со всех сторон просьбами денег: не только всякие общества ветеранов и пр., но даже крестьянин-избиратель, у которого пала корова. Только очень богатые люди могут выставлять свою кандидатуру; не оттого ли—заметим—среди депутатов «рабочей» партии фигурируют теперь разные майоры и полковники (профсоюзы рады избавиться от расходов на выборы) [1]. В довершение картины надо упомянуть о балаганных зазываниях на выборах: например, кандидата сопровождает при его выступлениях жена, она поет шансонетки перед избирателями, или же публике показывает внуков сиятельного кандидата и т. д. Выборы 1910 г. в Лондоне были охарактеризованы (нужды нет, что реакционерами), как «праздник буйных сумасшедших»...

Впрочем, это последнее не следует толковать в смысле активности избирательной массы. Она в высшей степени апатична. Об этом дает представление картина партийного режима, которую Острогорский набрасывает, не жалея красок. Это—«машина для голосования резолюций», здесь заранее все обделано «кнутами» и «дергателями веревок», митинги происходят перед уже обращенными, это—«парадный обман», «обряды партийного культа и благочестия», прений нет, на ежегодных конгрессах партий тоже только выслушиваются речи лидеров, на съезде либеральной партии в Ньюкестле председатель заявил: «Здесь не место для дискуссии», делегатам еле дают пять минут. На местах тоже всем орудуют «машинисты» партии, ядро из 20—30 человек в каждом городском районе; даже в очаге либеральной агитации, Бирмингаме только 8—10% избирателей состояло в партийных организациях, тем не менее «партийная машина оптом поставляет общественное мнение». «У публики отбит вкус к политическим докладам», агитационные брошюры мало читаются, газетные передовицы уже не внушают доверия, всем известно, что они «сводятся к прославлению своей партии»; даже якобы стихийные взрывы и манифестации общественного мнения заказываются из центра «кнутами» и «дергателями веревок», при чем повсеместно проводятся одни и те же лозунги; более того, из центра фабрикуются также т. н. heckling, те вопросы, которыми отдельные слушатели из толпы огорошивают враждебного кандидата... Не лучше обстоит дело в парламенте: депутаты—только манекены, которые «священнодействуют в твердых догмах партийной веры», только «помазанники партии», у них царит дух «суеверного послушания лидерам», «партия бесславно следует за лидерами», в осо-

[1]) При предстоящих выборах эта денежная сторона дела будет больным местом у «рабочей» партии, в особенности после того, как проведен закон против употребления профсоюзных взносов на политические цели. В прессе уже дискутируется этот тревожный вопрос. Закон этот несколько смягчен оговоркой, что взносы могут пойти на политические цели, если данный рабочий дал на это свое категорическое согласие.

бенности консервативная партия, «вожди партии не считают себя связанными решениями, принятыми на партс'ездах (собраниях делегатов)», парламентское большинство «слепо следует за министерством, чтобы продлить свое существование», «искренность исчезла из парламента».

Такова безотрадная, уничтожающая картина той буржуазной «демократии», того фетиша, которые реакционеры всех лагерей противопоставляют нашему советскому строю. Эта картина набросана четверть века назад. С тех пор положение не стало лучше. В средних классах,—говорит Острогорский,—нет уже веры в парламент; только рабочие,—подчеркивает он,—нотабене: для своего времени—«благодарны парламенту за законы о регламентации труда и ожидают еще большего»; однако, «рабочая партия» переняла все приемы буржуазных партий, даже хуже того, это—партия совсем без программы, без своего credo. «Городские массы пресытились избирательным правом». Английские партии ухватились за массовые внепарламентские организации, чтобы «взять крепость всеобщего избирательного права», но в результате наступило всеобщее разочарование масс этим последним. Даже выборы, к которым в последнем счете сводится вся «демократия» при буржуазном строе (в этом смысле слова Руссо не утратили своей силы), даже выборы стали фикцией. Буржуазная демократия оказывается иллюзией не только в социальном, но и в политическом отношении.

В своей описательной части Острогорский великолепен. Но теоретически он совершенно беспомощен и вульгарен. Он дает прекрасный фактический материал, но это—сырой материал, он нуждается в марксистском освещении и обработке. Острогорский ни разу даже не упоминает про марксистское учение о борьбе классов, оно для него не существует. О его теоретической установке может свидетельствовать следующее рассуждение его: «Классы,—говорит он,—могут ошибаться (!), но не народ». Столь же неграмотная, сколь чувствительная сентенция. Отсюда все провалы в книге Острогорского. Он валит с больной головы на здоровую. Возмущаясь уродливыми проявлениями буржуазного партийного режима в Англии с его «охотой на человеков», Острогорский попутно осуждает и режим партий вообще и проявляет при этом типичное для либерала-индивидуалиста непонимание классовой подоплеки и исторической обусловленности и необходимости партий. Он возмущается словами одного рабочего: «мы теперь мыслим батальонами», возмущается тем, что «партийная дисциплина не разрешает депутату дать убедить себя доводами противника». Он не видит, что здесь речь идет не об аргументах формальной логики, не об абсолютных, «деловых» или логических «доводах» и ошибках, а о классовых моментах. Отсюда его нападки на «партийный ошейник», на то, что «партия всегда права».

Острогорский описывает не только механизм английских партий, он дает также историю этих партий и в частности их внепарламентских организаций, т. н. «кокусов» (презрительная, взятая из американской практики кличка, которую Дизраели дал первой массовой организации английских либералов, возникшей в 1867 в Бирмингаме; это слово означает «конопатчики» и намекает на режим коррупции,—отметим кстати, что творцом и вдохновителем этого первого «кокуса» был Джое Чемберлен, отец нынешнего консерватора). В этой, исторической части в особенности сказывается у Острогорского отсутствие марксистского анализа. Упомянув, что «партии уже в 1846 г. истощили разделявшие их крупные вопросы», автор не идет, однако, дальше, из его поля зрения ускользает тот основной факт английской политической жизни, что между вигами и тори, либералами и консерваторами исчезли разделявшие их прежде экономические, классовые перегородки. Эта экономическая эволюция, определившаяся еще во время glorious revolution 1688 г., является причиной того, что «система двух партий» в Англии работает впустую, оказывается чисто-формальной, лишенной экономического фундамента [1]). Острогорский нигде не говорит этого. Он ссылается на Ньюкестльскую либеральную «программу омнибус», «программу под большим зонтиком» и об'ясняет нахватанность, разношерстность этой программы необходимостью «искусственного поддержания жизни партии». Это — правильное, но недостаточное об'яснение; Острогорский упускает из виду главное, то, что система двух партий не находит более основы в классовом составе английского общества. Крупное землевладение, промышленники, денежный капитал давно смешались в Англии в один имущий класс, и только поэтому здесь возможно, что одна партия проводит требования другой. Например, в июле 1867 г. всеобщее избирательное право, которого требовали виги, проведено было министерством тори [2]). В сущности система двух партий, система «перекидных качелей», все время продолжает итти таким холостым ходом, является такой же «игрой», как старый дворянский парламент, когда политика была «аристократическим спортом». Друг перед другом партии сохраняют видимость демократии, но когда дело дойдет до решительной стычки с классовым врагом, пролетариатом, эта «демократия» разлетится вдребезги.

Острогорский прав, заявляя, что «кокус—только формы, но не сущность демократии», но он не прав, считая, что эта формальная демократия может при капиталистическом строе превратиться в «истинную демократию». Сам же Острогорский резюмирует: «кокус не вытеснил плутократического элемента ни из партий, ни из парламента». Увы, этот «плутократический элемент»—не формы, а сама сущность буржуазной, формальной демократии.

В изложении Острогорского победа одной партии, поражение другой часто оказываются совершенно необ'яснимыми, ему приходится говорить в таких случаях о «чистой случайности». Здесь тоже сказывается игнори-

---

[1]) В нынешней Англии говорят уже *о трех партиях*: привзошла «рабочая партия». Но надо ожидать, что они рано или поздно сведутся снова к двум партиям (об'единенной буржуазии и с другой стороны—пролетариата), при чем однако это уже не будет холостой, формальный механизм «системы двух партий», как он вырос на почве английской «демократии».

[2]) Об этом очень ярко писал в свое время Луи Блан, восхищавшийся тем, что эта реформа «положит начало царству демократии в Англии». Приводим эту красноречивую цитату:

«Каждый играл здесь роль, которая не является его ролью. Каждый имел случай рукоплескать своему поражению и оплакивать свою победу».

«Робкие сыграли партию смелых».

«Смелые вдруг испугались».

«Тори неожиданно превратились в революционеров (artisans de révolutions)».

«Дизраели стал проводить в жизнь идеи Джона Брайса».

«Власть осталась в руках тех, принципы которых потерпели поражение; она ушла из рук тех, которые получили гораздо больше, чем требовали».

«Побежденный об'являет себя победителем. Победитель становится в ряды побежденных».

«Палата общин почти единогласно приняла билль о реформе, та самая палата, три четверти которой боятся этого билля, как огня».

«Дизраэли поздравляет себя с тем, что заставил замолчать своих противников, после того, как отступил перед ними до края пропасти. Он хвастает, что ловко справился с ситуацией, тогда как был игрушкой в руках ее. Он катится по наклонной плоскости, которая ведет к суверенитету народа, а между тем он заявляет, что выиграл дело аристократии».

рование им классового момента. Борьба Дизраели и Гладстона вокруг ирландского и церковного вопроса не была борьбой на экономической почве, но именно поэтому возможен был полный разброд в партиях по этим вопросам, перекочевывание из одной партии в другую, слепое следование за лидерами, холостой ход «системы двух партий». Острогорский констатирует полный маразм английских буржуазных партий, ставит крест над ними, в частности подчеркивает, что консервативная партия «всецело свелась к самодержавию лидеров». С тех пор прошло 25 лет, и действительность показала, что в классовой борьбе с пролетариатом английская буржуазия умеет сплотить свои силы и бросает по-боку фикцию «двух партий». Констатированный Острогорским маразм английских буржуазных партий—это маразм их «демократии», но не самих партий, как орудий борьбы с классовым врагом. У Острогорского же мы находим обратное утверждение: он хоронит партии и надеется воскресить буржуазную «демократию».

Эти слова Луи Блана являются недурной иллюстрацией и дополнением к книге Острогорского. «Демократия» победила в Англии при весьма странных условиях. Можно, конечно, выдвинуть ту точку зрения, что обе партии вынуждены были считаться с требованием масс. Но дальнейшее показало, что консерваторы не раз наживали себе капитал на этой «демократии». Дизраели не так уж ошибался, заявляя, что «выиграл дело аристократии» своей реформой. Скорее ошибся неисправимый оптимист Луи Блан. У колыбели новейшей «демократии» в Англии стоял тот самый Дизраели, «отец английского империализма», который еще в самом начале своей политической карьеры, в открытом письме к лорду Ленгорсту, проповедывал союз ториев с демократией, союз престола с рабочим классом, своего рода зубатовщину, тот Дизраели, который называл либералов «демократическими аристократами, узурпировавшими власть монарха». Весьма любопытно это противопоставление аристократической демократии демократическим аристократам! «Демократия»—это каша, которой вамазывают все дыры»...

Приведем еще одну историческую справку. Отчасти система двух партий, «перекидные качели» имеют прецедент в тех «круговых выборах», которые проповедывал Джемс Гаррингтон в своей утопии «Оцеана», появившейся в 1656 г. (Гаррингтон был одним из замечательнейших умов своего времени, он был весьма близок к историческому материализму, доказывая, что «господство сообразуется с собственностью»; успешно спорил с Гоббсом). В 1659 г. Гаррингтон учредил клуб для пропаганды своих взглядов; этот клуб, к которому принадлежали наиболее передовые демократы того времени, назван был the Rota по принципу круговых выборов, играющих важную роль в идеальном государстве Гаррингтона. Круговые выборы заключаются в том, что ежегодно часть избранных уходит, и на их место выбираются новые. Это практиковалось еще в VI столетии в адриатических государствах, предшественниках Венеции, и старомодные историки видят в этом еще теперь «чистую демократию». Идеей Гаррингтона вдохновился Сейес, составивший первоначальный проект конституции VIII года (после 18-го брюмера) в этом духе; нынешний французский сенат тоже выбирается по третям в различные сроки. У Бернштейна («Социализм и демократия в великой английской революции», стр. 220, примечание) мы находим следующую ссылку на Мильтона: «Мильтон не был сторонником кругового принципа, он считал его непрактичным и даже опасным для данного момента. *Это колесо*—писал он—*может оказаться колесом принципов*; он опасался, что необходимые в данный момент люди будут заменяться людьми неспособными». Как видим, Мильтон оказался хорошим пророком: «круговая» смена либералов и консерваторов у кормила правления в нынешней Англии—это именно «колесо принципов»! В вышеприведенной цитате из Луи Блана это выступает с достаточной ясностью.

Повторяем: эта система «двух партий» возможна только благодаря стиранию экономических перегородок между отдельными слоями господствующих классов. Апологеты системы подчеркивают, что она дает возможность одной партии исправлять ошибки другой. Здесь опять имеются в виду «ошибки» против логики и абсолютной справедливости, возможность убедить друг друга на этой почве. Но там, где сталкиваются классы, это, конечно, иллюзия, у каждого класса своя логика, своя справедливость. Та демократия, которая мерещится Острогорскому, невозможна при классовом строе, оказывается при этом строе фикцией, игрой, обманом.

Законодательная власть парламента все более сходит на-нет и переходит к правительству, палата—даже не господин своего собственного порядка дня, ни один билль, предложенный членом палаты, не может пройти, если правительство не предоставит ему облегчений при прениях или не пустит его от своего имени, даже пользование правом интерпелляций возможно только по жребию и с согласия кабинета. Через голову парламента кабинет, партия, стоящая у власти, обращается к своим партийным массам.

Читая отходную английским партиям, Острогорский, однако, не отчаивается в «демократии». Он верит в возрождение ее при капиталистическом строе. В своих «выводах» он предлагает панацею для оздоровления английской политической жизни, панацею прямо смехотворную. Против «растлевающего режима партии» Острогорский нашел средство в пропорциональном представительстве и в отмене системы единоличных списков. Это—весьма тощий «вывод». Вопросы избирательной техники и «избирательной геометрии» в лучшем случае могут дать только слабые паллиативы. Не ими решается кардинальный вопрос о буржуазной «демократии» и парламентаризме. Пропорциональное представительство не обладает магической силой оздоровить режим буржуазных партий и вернуть массам прежнюю веру в парламент. Когда Острогорский писал свою книгу, во Франции было в большом ходу движение в пользу пропорционального представительства, возглавляемое Шарлем Бенуа и Жоресом, а в Германии писали об «экономических» (или «деловых») парламентах; очевидно, на Острогорском отразились эти течения. Даже образование первого кокуса в 1867 г. Острогорский об'ясняет борьбой либералов против принципа представительства меньшинства, проведенного в крайне урезанном виде правительством тори. Это — односторонняя установка; на самом деле кокусы означали обращение партий к массам, к внепарламентским организациям. Любопытно, что во всей истории третьей республики во Франции можно проследить борьбу сторонников выборов по групповым спискам и сторонников выборов по единоличным спискам (или «по спискам» и «по округам»); еще Гамбетта с чрезвычайной страстностью связал себя с выборами по спискам, вел из-за этого борьбу с Жюлем Греви, это в сущности была вся его платформа. В общем это близко к панацее, рекомендуемой Острогорским. Французский закон 12 июля 1919 г., который завершил, наконец, избирательную реформу, бывшую на очереди десять лет, прокламирует выборы по департаментским спискам и в сущности также пропорциональное представительство (статья 10-я, где мандаты сверх полученных абсолютным большинством голосов распределяются по «избирательному делителю»). Что ж, неужели Острогорский найдет, что в современной Франции режим буржуазных партий свободен от тех зол, которые констатированы им в Англии? Нет, он попал бы из огня да в полымя. Если Д. С. Милль видел в чистом представительстве большинства «арифметическую справедливость», то пропорциональное представительство тоже является только такой «арифметической» справедливостью, хотя более утонченной. Эта справедливость—иллюзия при классовом строе. И как бы «справедливо» ни проводить выборы, это не оздоровит самой сути буржуазной «демократии», сводящейся к машине выборов. Сам Острогорский порицает в «кнутах» английских партий, что «их горизонт не простирается дальше ближайших выборов». Повторяем: он полагает, что беда только в известных формах демократии, но на самом деле беда в том, что буржуазная демократия по самому существу своему носит формальный характер.

В заключение укажем на выступление Гильфердинга на недавнем партс'езде германской социал-демократии в Киле. Тогда как Острогорский верит в оздоровление демократии при капиталистическом строе, Гильфердинг вообще считает демократию не делом буржуазии. «Исторически,—сказал он,—демократия всегда была делом пролетариата. Меня всегда удивляли утверждения, что демократия была делом буржуазии. Это—интеллигентская манера, она берет историю демократии из сочинений тех или иных теоретиков. На самом деле нет более жестокой политической борьбы, нежели борьба пролетариата против буржуазии за демократию. Исторически не верно и ошибочно говорить о буржуазной демократии. Демократия была нашим делом. *Нам* пришлось завоевывать ее у буржуазии в тяжелой борьбе. Напомню о боях за избирательное право. Сколько пролетарской крови пролито было за завоевание разного избирательного права!» Гильфердинг далее заявляет, что нет никакого смысла говорить о «буржуазной» и о «формальной» демократии [1]). Все это было бы очень хорошо, если бы в результате Гильфердинг не сбивался все же на формальную, буржуазную демократию; ибо он говорит только о всеобщем избирательном праве, а это—буржуазная демократия, хотя завоевывали ее своею кровью рабочие. Видеть в этом последнем обстоятельстве отрицание буржуазного характера этой демократии, значит не понимать Маркса. Без того огня самодеятельности, который может зажечь в массах только советский строй, без освобождения от классового гнета буржуазии всеобщее избирательное право неминуемо осуждено быть карикатурой в руках «кнутов» капитализма.

Ф. Капелюш.

Ю. ЛАРИН. «Частный капитал в СССР». Гиз. 1927 г., стр. 310. ц. 2 р. 50 к.

Книга тов. Ларина, несмотря на ряд ее недостатков,—не только отрадное явление в экономической литературе, но и выгодно отличается от большинства литературы, выходящей у нас в последнее время. Прежде всего огромный интерес не только для экономистов, но и для всех интересующихся судьбой советской власти представляет тема книги: частный капитал. Каждый советский рабочий и в первую голову коммунист ставит перед собой вопрос: как идет развитие частного капитала? «*кто кого*»? Ответу на эти вопросы посвящена книга тов. Ларина.

В предисловии к своей работе, названном «Задача работы», тов. Ларин говорит: «Я собираюсь здесь, во-первых, свести воедино тот материал, который имеется о происхождении буржуазного капитала в советской стране, классифицировать различные виды и роды первоначального буржуазного накопления в период 1921—24 гг. (отчасти в ослабленном виде сохранившиеся и сейчас). Во-вторых, дать без всякого замазывания и преувеличения (в роде подмены частного *капитала* частным *хозяйством* вообще) картину нынешней его роли в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и на денежном рынке, учитывая по возможности также замаскированные формы его деятельности. В-третьих, наша задача—сделать те обобщения, которые можно сделать на основании анализа развития частного капитала за последние годы».

[1]) Итак Гильфердинг порвал с теми, кто говорит о «вырождении» буржуазной демократии. Он вообще противник каких-либо эпитетов к слову демократия. Между прочим, проведем следующее квипрокво про прославленную «чистую» демократию: Вольтер заявляет: «Чистая демократия есть деспотизм черни». Ламенэ, напротив, находит, что «чем больше мы приближаемся к чистой демократии, тем меньше у нас будет причин беспорядков и революций».

Хотелось бы с самого начала оговорить следующее: при сравнительной неточности и неполноте статистических материалов, послуживших цифровым основанием рецензируемой книги, здесь возможны (и безусловно налицо) некоторые преувеличения и преуменьшения. Придут другие исследователи вопроса и сделают необходимые дополнения и поправки. Но что подкупает в книге Ю. Ларина—это ее, если можно так выразиться, бодрая трезвость. Автор, например, рисует рост капитализма в деревне, описывает ряд мощных хозяйств огромной доходности, называемых крестьянами «новыми помещичьими хозяйствами», он не жалеет красок, чтобы показать их явно-капиталистический эксплоататорский характер, но вместе с тем, он не теряет перспективы, видит и описывает другую тенденцию развития сельского хозяйства—под'ем бедноты и середняков.

Автор, скажем, полемизирует с «пятилеткой» Госплана, доказывая, что в ближайшие годы возможен рост капиталистической промышленности, но 1—2%-ный рост не означает для него захлестывания всех этажей советской экономики, перерождения советской власти и пр. Такая установка на трезвый и реальный учет всех фактов окружающей действительности и вместе с тем учет *решающих* тенденций и перспектив развития—самое ценное в методе книги тов. Ларина.

Основные главы книги тов. Ларина следующие: 1) Первоначальное образование буржуазного капитала в СССР. 2) Частный капитал в сельском хозяйстве. 3) Частный капитал в промышленности. 4) Частный капитал в торговле. 5) Частный капитал на кредитном и денежном рынке. 6) Частный капитал и налоговое обложение. 7) Эволюция частного капитала. 8) Общая установка и итоговые выводы.

В первой главе книги т. Ларина имеются некоторые принципиальные соображения, которые, как нам кажется, не могут быть признаны верными.

Вопрос идет о первоначальном образовании частного капитала в СССР. При этом выясняется вопрос: почему нами было допущено буржуазное предпринимательство? Тов. Ларин пишет:

«Допущение его (буржуазного предпринимательства) было неизбежным не столько вследствие *недостатка* у нас средств для приведения в движение товарооборота страны, сколько в силу неумения нашего осуществлять этот товарооборот в рыночных формах». Это положение является исходным пунктом всех обобщений тов. Ларина и, так сказать, основанием предлагаемых им мероприятий.

Но что оно означает?

Капиталистические отношения в нашей стране развиваются *лишь* потому и *лишь* в той мере, в какой мы не научились сами «осуществлять товарооборот в рыночных формах». Частичное развитие капитализма в СССР есть продукт исключительно неуменья или недостаточного уменья рабочего класса торговать. Это навряд ли верно. Раньше в силу всем известных экономических причин была допущена свободная торговля и неизбежно с ней связанное частичное развитие капитализма. Но здесь-то и обнаружилось, что мы не умеем торговать.

Первый шаг новой экономической политики состоял, как известно, в том, что у крестьян оставлялись излишки хлеба, для реализации которых были развязаны рыночные отношения. Но как только в этой области мелкое товарное производство было предоставлено самому себе, сразу стало неизбежным известное развитие капиталистических отношений. При этом вопрос идет не только о том, что мы не сумели сами осуществлять товарооборот в рыночных формах и поэтому было неизбежно развитие буржуазного предпринимательства, но суть в том, что мелкое товарное производство, получившее известную свободу раз-

вития, неизбежно порождает капитализм. Это значит, что если бы у рабочего класса был необходимый опыт и уменье торговать и все торговые связи между городом и деревней осуществлялись государством, то и тогда на базе мелкого товарного производства в известной мере вырастал бы капитализм.

Между тем, тов. Ларин экономическую проблему роста капитализма в нашей стране сводит к технической проблеме уменья или неуменья пролетарского государства торговать.

По Ларину, развитие частного капитала в СССР есть обратная сторона неуменья пролетарского государства торговать.

Это положение тов. Ларина представляется нам ошибочным.

Как уже было указано, автор прежде всего анализирует историю образования капитала в СССР.

Размеры буржуазного накопления к моменту начала новой экономической политики автор определяет, примерно, в сто пятьдесят милл. руб. В настоящее время буржуазия СССР владеет суммой, в несколько раз превышающей названную.

Что же послужило источником ее накопления?

Прежде всего и преимущественно хищение различными путями государственных средств. «История буржуазного накопления СССР в первый период есть, таким образом, прежде всего история буржуазного воровства в разных видах и формах, и уже затем начинается буржуазное накопление обычного типа» (стр. 7).

Автор перечисляет 12 видов нелегальной деятельности буржуазии в первые годы нэпа, благодаря которой ей удалось награбить у советского государства сотни миллионов рублей.

Страницы книги, посвященные этому вопросу, представляют живейший интерес, показывая разительные примеры преступности, невежества и головотяпства советских чиновников, из-под носа которых происходит грабеж народного имущества среди белого дня.

Вот эти конкретные формы буржуазного хищничества:

1) «*Агенты и соучастники частного капитала в госаппарате*... Сами служа в хозорганах, они в то же время организовывали различные частные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где они служили... Вот, например, служащие Ленинградского военного порта вошли в соглашение с организованной для этого частной конторой «Заводопомощь» и украли из ленинградского военного порта 200 тыс. пудов мазута, который и вывезли рядом *поездов и цистерн* и передали в распоряжение конторы. А «Заводопомощь» продала из них 50 тыс. пуд. Ижорскому заводу и остальное другим госорганам, нуждающимся в мазуте»...

Другой пример: «Служащие завода «Треугольник» организовали частную контору под названием «Контора Мартынова», у которой покупали кабель. Производилось это таким образом: с одной стороны, в одни ворота вывозился из завода на склады «Конторы Мартынова» краденый кабель, при чем никакого платежа за это не производилось, так как все это делалось в порядке злоупотреблений, а в другие ворота на завод ввозился кабель из «Конторы Мартынова» хорошо оплачивавшийся «Треугольником» (стр. 9—10).

Эти примеры, как и ряд последующих, взяты т. Лариным из книги т. Кондурушкина: «Частный капитал перед советским судом».

2) «*Лжегосударственная форма деятельности частного капитала*» заключается в том, что частный предприниматель-буржуа числится на государственной службе, пользуется всеми преимуществами госоргана, а на деле занимается частнопредпринимательской деятельностью. Например, некий Л. числится государственным служащим—агентом по заготовке лесных материалов. Но у него столь оригинальные служебные отношения, что сверх себестоимости лесных материалов он получает 25% к этой себестоимости. Ясно, что здесь по существу частный предприниматель, состоящий «на службе» в государственном учреждении и поставивший последнее на службу себе. В наших советских учреждениях свили себе гнезда и такие «типы», которые требуют с рабочего, испрашивающего законное пятирублевое пособие десять бумажек, а частному предпринимателю передают десятки тысяч рублей, легко доверяясь его «справедливости».

3) «*Злостная контрагентура*». Здесь имеются в виду такие отношения между госорганами и частным предпринимателем, когда последний выступает легально, но исключительно злоупотребляет в своих связях с госорганом. Любопытный пример:

Крупный спекулянт П., осужденный по восемнадцати процессам, заказывает заводу «Большевик» прокатать 25 тысяч пудов стали из материалов завода. Цена П. была назначена ниже себестоимости. При этом заказ был выполнен не только из высокосортной стали, но для ускорения его выполнения были задержаны заказы Сестрорецкому оружейному заводу и Волховстрою. Наконец, когда Севзапвоенпром ВСНХ предложил заводу «Большевик» прекратить исполнение дальнейших заказов П., то один из руководителей завода ответил следующим официальным докладом:

«С П. заключены договора по всем правилам юриспруденции. Безответственные лица Севзапвоенпрома считают, что в Советской России не существует никаких правил и законов, ограждающих права частных промышленных предприятий. П.—крупный и выгодный для завода заказчик, так как дает заказы не микроскопичесие и не гомеопатические, которыми пичкает завод Севзапвоенпром. Я пишу в защиту моральных принципов, обязательных для завода по отношению к заказчику».

Эти «моральные принципы» замечает т. Ларин стоили государству 100 тыс. рублей.

Взяточничество и подкуп—главнейшие средства этой контрагентуры.

В дальнейшем изложении т. Ларин рассматривает еще следующие формы и каналы хищничества частным капиталом государственных средств:

4) «Неликвидные фонды. Автомобильный и водный транспорт».

5) «Хищническая аренда». 6) «Система перекупок». 7) «Контрабанда». 8) «Государственный денежный кредит». 9) «Государственные займы». 10) «Валютные операции». 11) «Уклонение от налогов». 12) «Лжекооперативы».

Ограниченность места не позволяет нам подробно останавливаться на всех перечисленных способах хищнической деятельности частного капитала. Отметим лишь следующее:

Тов. Ларин вполне резонно, по нашему мнению, выдвигает предложение об издании специального постановления, запрещающего всем госорганам и кооперации принимать на службу лиц когда-либо осужденных за хозяйственные преступления. Нет сомнения, что головотяпство наших чиновников иногда достигает таких сказочных размеров, что необходимо специальным законом оградить советский организм от проникновения прямых или скрытых агентов частного капитала. Целесообразно предложение о запрещении нашим хозорганам вступать в такие договорные отношения с своими «служащими» (на процентах), которые заведомо служат лишь накоплению частного капитала.

В главе о сельском хозяйстве т. Ларин прежде всего вполне правильно устанавливает двусторонний характер развития сельского хозяйства. В нашей прессе уже неоднократно отмечалось, что советский тип развития сельского хозяйства принципиально отличается от капиталистического типа развития. Последний характеризуется более или менее сплошным расслоением, дифференциацией крестьянства и постепенным переводом всего сельского хозяйства на капиталистические рельсы, т.-е. уничтожением трудового товарного производства и насаждением наемного труда. В отношении дореволюционной России тов. Ленин показал в своей книге «Развитие капитализма в России», как происходит при этом процесс «раскрестьянивания».

В развитии сельского хозяйства Советского Союза существует прямо противоположная тенденция. Все экономические и политические ресурсы пролетарского государства мобилизуются для ограничения развития капитализма. В результате нашей экономической политики мы имеем не уменьшение, а увеличение числа середняков. Это еще, само собою, не решает задачи социалистического преобразования сельского хозяйства, ибо последнее возможно лишь на базе укрупнения и машинизации сельского хозяйства. Чем больше возрастает хозяйственная мощь СССР, чем больше его финансовые возможности, тем реальнее и ощутительней воздействие на развитие сельского хозяйства в сторону социализма. Выполнение кооперативного плана Ленина требует, как необходимого условия, значительного приумножения производительных сил социалистической промышленности. В настоящих экономических условиях полное уничтожение ростков капитализма в сельском хозяйстве невозможно. И за последние годы мы имеем безусловный рост капиталистических элементов в сельском хозяйстве. Заслуга тов. Ларина в том, что им приведен богатый фактический материал, иллюстрирующий рост частного капитала в сельском хозяйстве. Но вместе с тем значительным недостатком книги следует считать отсутствие анализа борьбы двух тенденций в сельском хозяйстве. В конце концов, именно здесь центральный пункт в вопросе о частном капитале. Следовало показать не только рост частного капитала, но и противопоставить ему экономические результаты нашей политики в деревне. Без этого получается одностороннее изложение «двустороннего процесса».

Форм капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве сейчас существует четыре. Во-первых, *явное*, открытое предпринимательское хозяйство с *наемными рабочими*, то, что у нас иногда называется кулацким. Во-вторых, *замаскированная* капиталистическая эксплоатация неимущих соседей путем якобы сдачи им в аренду своего *инвентаря и рабочего скота*, а на деле путем перевода таким образом, часто на совершенно кабальных условиях, части их продукции в свое распоряжение, при чем на деле они являются замаскированными батраками. В-третьих, *сельскохозяйственные лжекооперативы*. В-четвертых, *предпринимательская организация* некоторой части ежегодного отхода из деревни *рабочих на заработки*, в частности на неземледельческие (лесные и строительные) (стр. 66). Число капиталистических хозяйств с наемными рабочими тов. Ларин определяет в 2%. Приведем важнейшие данные о них.

«Если взять среднее количество работников из *членов семьи самого хозяйства* на одно хозяйство, то в крестьянских хозяйствах вообще оно составляет 2,1 чел., а у этой высшей двухпроцентной группы— только 1,8 чел. По количеству рабочей силы в собственной семье эти 2% (предпринимательские хозяйства) значительно уступают, т. о., рядовому крестьянскому хозяйству. Этим, кстати сказать, опровергаются бывшие когда-то модными толки о том, что мощность высшей крестьянской группы, наверное, об'ясняется ее многосемейностью и наличием более значительного запаса живой рабочей силы в собственной семье»... «По количеству *посева* на едока на каждые сто едоков во всех вообще крестьянских хозяйствах приходится в среднем 59 дес. посева, а на каждые сто едоков этих 2% высших хозяйств приходится 236 дес. посева— ровно в *четыре раза больше*. Если взять рабочий скот, то на каждые сто едоков всех крестьянских хозяйств приходится 15 голов рабочего скота, а на каждые 100 едоков этой 2-процентной высшей группы— 36 голов рабочего скота, т.-е. почти в *два с половиной раза более*» (стр. 67—68). Доля капиталистической верхушки крестьянства в валовой продукции сельского хозяйства составляет 9%. Но ее экономические преимущества перед остальными группами крестьянского хозяйства сказываются в том, что ее же доля в товарной продукции сельского хозяйства равняется примерно 14%.

В заключение этого раздела тов. Ларин приводит данные характеризующие «быт», экономическое лицо определенных сельских капиталистов. В «Правде» (№ 228) были описаны аналогичные представители капиталистической верхушки крестьянства. Поэтому на этой стороне дела мы долго останавливаться не будем. Приведем один лишь примерчик:

Крестьянин Иван Ен. «Его хозяйство имеет 52 дес. посева, 1½ дес. виноградника, 3 лошади, 10 волов, 26 коров, 350 овец. Из сельскохозяйственного инвентаря имеются: 3 букера, 10 борон, 1 веялка, 1 сеялка, 1 винный пресс. Наемная сила в хозяйстве применяется, но без регистрируемых договоров. Во время сезона в хозяйстве работают до *22 человек сезонных батраков* в течение 2—6 месяцев и, *кроме того, 3 годовых работника*. Хозяйство ни в каких кооперативных организациях не стоит. Сельскохозяйственного налога уплатило 572 руб. Глава семьи 37 лет, малограмотный; вся семья его неграмотная, детей грамоте не учит, от общественной жизни сторонится» (из материалов Терского комитета).

Из перечисленных тов. Лариным форм капиталистического предпринимательства в деревне следует еще вкратце остановиться на «капиталистической сдаче скота и инвентаря». В деревне значительно развито следующее явление: бедняк, лишенный инвентаря и скота, сдает свою землю сельскому капиталисту или состоятельному крестьянину, получая за это некоторую (меньшую) часть урожая. Поверхностному наблюдателю эти отношения представляются в перевернутом виде: «Бедняк нанимает капиталистического предпринимателя в качестве сдельного рабочего с лошадью». «Юридически считается, что бедняк «нанятому» им «сдельному рабочему» платит «заработную плату» в виде *большей части урожая*» (стр. 83).

Следующие данные ЦСУ по потребляющей полосе прекрасно иллюстрируют капиталистический характер сдачи скота и инвентаря.

Группы хозяйств	Из них нанимают „сдельных“ рабочих в %%
Сеющие до 1 дес.	39,6
„ „ 1 „ до 2 дес.	23,9
„ „ 2 „ „ 3 „	9,2
„ „ 3 „ „ 4 „	5,0
„ „ 4 „ „ 6 „	3,1
„ „ 6 „ „ 10 „	2,9
„ „ 10 „ „ 16 „	5,9
„ „ 16 „ „ 25 „	1,5
Свыше 25 десятин	0,0

Эта табличка, как нельзя лучше, показывает социальную сущность «найма сдельных рабочих». Если понимать его буквально, то получится, что, чем беднее группа хозяйства, тем более распространен там наем рабочих. Бедняк в качестве нанимателя и кулак в роли нанимаемого! Воистину, идиллия!

Правильно пишет тов. Ларин: «Это—система «пролетарской» маскировки кулаком фактических капиталистических отношений *(мнимый «наниматель» является обычно фактическим рабочим своего «сдельного работника»)*. Система такой маскировки является отчасти пережитком первых лет нэпа (когда не было еще четкого разрешения аренды), отчасти проводится кулаком для предохранения себя от лишения избирательных прав или от регистрации договора на аренду земли у бедняка или на наем самого бедняка и т. д. Цель маскировки—лишение бедняка той защиты закона, какую бедняк получил бы при открытом обнаружении действительных капиталистических отношений и при регистрации соответственных договоров» (стр. 83).

Крупнейшим недостатком главы о сельском хозяйстве в книге тов. Ларина является то, что в ней преимущественно приводится лишь материал о *результатах* развития капитализма в сельском хозяйстве, но зато отсутствует анализ самого процесса *развития* капитализма: *как* из мелкого товарного производства в наших условиях порождается капитализм? Процесс развития капитализма в сельском хозяйстве Советского Союза не может быть аналогичным тому же процессу в обычных капиталистических условиях. Главнейшая особенность, очевидно, будет заключаться в том, что в то время, как при восходящем буржуазном способе производства капитализм имеет свое главное направление из города в деревню, у нас, где главнейшие средства производства социализированы, он имеет преимущественно обратное направление из деревни в город.

Изучение всех особенностей этого процесса явилось бы плодотворной теоретической и практически целесообразной работой.

Довольно обстоятельна глава «частный капитал в промышленности». Здесь приводится богатый материал о состоянии капиталистической промышленности и делается ряд интересных обобщений.

Тов. Ларин рассматривает «четыре вида капиталистической промышленности»:

«Это, во-первых, то, что у нас называется *частной цензовой* промышленностью, т.-е. те находящиеся в частной эксплоатации предприятия, которые имеют больше 16 рабочих с механическим двигателем, или больше 30 рабочих без механического двигателя...

Кроме капиталистической цензовой промышленности, нужно принять во внимание, во-вторых, еще ту форму капиталистической промышленности, которая скрывается в форме *частнопромысловых кооперативов*, являющейся лишь прикрытием отдельных капиталистов при организации ими предприятий с наемными рабочими.

В-третьих, нужно принять во внимание и нецензовую капиталистическую промышленность...

В-четвертых, нужно принять во внимание еще часть кустарной промышленности, капиталистически организованную путем *раздаточных контор*» (стр. 111—2).

На долю капиталистической цензовой промышленности по официальным данным Госплана приходится 3—4% всей продукции промышленности СССР. Но этим далеко не исчерпывается доля *всего* частного капитала. В частности, значительная группа промышленных предприятий, носящих название «кооперативных», в действительности принадлежит капиталистам. «Надо сказать,—остроумно замечает тов. Ларин,—что если в чем-нибудь наша страна чувствует недостаток, то не в отсутствии примеров того, что промысловая кооперация весьма часто является лжекооперацией» (стр. 114).

Основываясь на ряде данных (НКФ, ВСНХ), автор считает две трети промысловой кооперации частнопредпринимательской. Исходя из этого к доле частного капитала во всей промышленности СССР присчитываются еще 2%.

Нецензовая капиталистическая промышленность дает около 3% валовой продукции всей советской промышленности.

Раздаточные конторы, капиталистически организующие кустарей и являющиеся одной из лабораторий «нашего» капитализма, составляют также около 3% валовой продукции промышленности Союза.

Всего, таким образом, доля частнокапиталистического сектора составит 11—12% всей промышленной продукции Союза. Эта цифра на первый взгляд кажется преувеличенной. Это об'ясняется тем, что обычно, говоря о роли частного капитала у нас, ограничиваются данными только о цензовой промышленности.

Также небезынтересно будет отметить по данному вопросу следующее место из сборника ВСНХ «Частный капитал»:

«Если присоединить к частной цензовой промышленности также ту часть нецензовой, которая носит мелкокапиталистический характер, а также домашнюю промышленность, то в общем *капиталистический* сектор промышленности вряд ли даст продукции более 15% всей промышленной продукции» (стр. 22).

В области производства средств потребления доля частного капитала, разумеется (в силу национализации тяжелой индустрии), больше.

Весь собственный промышленный капитал частных капиталистов составляет примерно 450 млн. руб. (стр. 133).

В части практических предложений тов. Ларин выдвигает ряд мероприятий, преследующих цель—перевести капитализм из скрытого состояния в явное. Так, он предлагает отменить закон, согласно которому у нас в обычном порядке разрешается существование предприятий с числом не более двадцати наемных рабочих. Тов. Ларин считает, что это число можно довести и до двухсот. «От этого мы выиграем: 1) открытое существование все равно существующих (только скрыто) капиталистических предприятий, 2) возможность контроля над ними, 3) значительное улучшение положения эксплоатируемых ими рабочих и 4) вовлечение этих рабочих в общую организационную и прочую жизнь советского пролетариата» (стр. 152).

При всех успехах нашей политики регулирования хозяйственной жизни нельзя все же смешивать экономическое развитие с административными распоряжениями.

Тов. Ларин абсолютно прав, когда он говорит о дифференцированном отношении к частному капиталу, о необходимости ряда экономических мероприятий, которые вытолкнули бы частный капитал из тех отраслей народного хозяйства, где мы и без него справимся, и вовлечения в те отрасли, где использование его принесет пользу развитию нашей страны. При полном сознании всей необходимости этих мероприятий нельзя, однако, представить себе возможность абсолютного подчинения частного капитала пролетарскому государству и превращения его в «плановое» дополнение к государственному хозяйству. Насколько нам это удастся, мы еще посмотрим.

Крайне добросовестно выполнена глава о частном капитале в торговле.

Торговый капитал имеет солидную производственную и кредитную базу. О производственной базе было сказано выше. Капиталистический кредит по данным НКФ составлял на 1 октября 1925 г. 200 млн. руб.; по другим данным (НКТ) 135 млн., к настоящему времени эта сумма, разумеется, возросла.

Но частная торговля пользуется также государственным кредитом.

Товарные кредиты государства частной торговле составляли в 1925—26 г. 190 млн.; не менее 50 млн. составляют денежные кредиты.

Другой род поддержки государством частной торговли—это система авансов.

«Итого частный торговый капитал получает от государства кредиты в размере примерно до 350 млн. руб. да еще около 20 млн. руб. привлекает кредитного частного капитала» (стр. 163).

Если принять во внимание также собственные средства торговцев и накопление, то вся сумма обращающихся в частной торговле средств выразится в сумме 900 млн. руб.

Как в промышленности, так и в торговле идет процесс замещения мелкого частного хозяйства кустарного типа капиталистическим. Это видно из того, что в рамках уменьшающего частного хозяйства возрастает роль капиталистического. В области частной торговли также возрастает роль крупной капиталистической торговли.

Какова роль частной и в частности капиталистической торговли на промышленном и сельскохозяйственном рынке?

«Через капиталистическую оптовую и полуоптовую торговлю проходят следующие части промышленной продукции страны:

1) продукция капиталистической промышленности, в том числе домашней системы ее;

2) часть продукции трудовой кустарной промышленности, скупаемая капиталистическими скупщиками;

3) часть продукции государственной промышленности, легально продаваемая частному опту и полуопту;

4) часть нелегально скупаемой частными торговцами государственной продукции» (стр. 178—179).

Суммируя ряд данных, тов. Ларин приходит к выводу, что всего «через капиталистическую оптовую и полуоптовую торговлю проходит не менее четверти всей товарной промышленной продукции СССР (точнее—около 28% в 1925—26 г.» (стр. 181).

Понятно, далее, что для того, чтобы получить представление о действительной роли частного капитала на потребительском рынке, необходимо вычесть из всей товарной продукции производство средств производства. Тогда капиталистический опт и полуопт составит (для 1925—26 г.) примерно 40%.

Если другими исследованиями того же вопроса будет доказано, что приведенные цифры несколько преувеличены, все же неоспоримо, что в области торговли перед нами большая задача борьбы с частным оптовиком и полуоптовиком.

В связи с этим тов. Ларин развивает целый ряд мыслей о наших задачах в области торговли, мыслей прямо противоположных взглядам оппозиции. Оппозиция, как известно, предлагала из'ять средства из государственной торговли и бросить их в промышленность. Тов. Ларин, наоборот, считает необходимым дополнительно вкладывать в госторговлю и кооперацию ежегодно до 200 млн. руб.

Вопрос ставится у него следующим образом:

Хозяйственные затруднения, переживаемые нами, являются результатом не плановых «просчетов», а высокого уровня розничных цен. Именно, вопрос о ценах является узловым вопросом. Благодаря расхождению уровня наших цен с мировыми делается нерентабельным экспорт. Благодаря высокому уровню розничных цен понижается реальная заработная плата и т. д.

С другой стороны, высокий уровень розничных цен связан в значительной степени с неблагоприятным для нас распределением национального дохода в виде получения буржуазией торговой сверхприбыли.

Значительное место частного капитала в торговле становится, таким образом, главным уязвимым пунктом нашей экономики. Борьба за замещение частного капитала в торговле является тем звеном, за которое необходимо ухватиться, особенно это относится к торговле в деревне: «*Торговля в деревне есть одна из командных высот нашей экономики*» (стр. 211—212).

В итоге т. Ларин указывает на необходимость следующих мероприятий:

«1) Внесение плана в экономическое вытеснение и замещение капиталистической оптовой и полуоптовой торговли (установление очередности прекращения ее кредитования и снабжения в соответствующих отраслях и районах, соответственные налоговые меры и т. д.).

2) Сокращение товарного, денежного и авансового кредита, оказывавшегося государством капиталистической торговле, и направление этой части его на развитие кооперативных заготовок и кооперативного снабжения.

3) Усиление государственных и кооперативных заготовок так называемых «скоропортящихся» продовольственных продуктов... и обеспечение этой работы созданием надлежащего оборудования...

4) Развитие государственной и кооперативной организации сбыта (и снабжения) трудовой кустарной промышленности.

5) Обеспечение полного действительного соблюдения большего благоприятствования потребительской кооперации сравнительно с частником (в частности налогового), особенно имея в виду важность проведения промышленных товаров в деревню именно кооперативным путем.

6) Более значительный учет в планах банковского кредитования необходимости развертывания в указанных направлениях кооперативной торговли, чем это имело место до настоящего времени.

7) Ограничение произвола частных торговцев в установлении цен поощрением общественного контроля над ними (вплоть до бойкота за чрезмерное вздувание цен) и созданием прямой связи с подходящей частью розничников для устранения влияния на них частных оптовиков и для ограничения уровня их цен и доходов соответствующими договорами...

Совокупность этих мероприятий должна повести к *постепенному фактическому ограничению капиталистической и вообще частной торговли только изделиями капиталистического производства и непосредственными продажами отдельных мелких производителей отдельным непосредственным потребителям*» (стр. 222—223).

Мы не будем останавливаться подробно на других частях книги. Очень интересная глава о налоговом обложении частного капитала. Из нее видно, что, с одной стороны, сила капиталистического класса у нас сравнительно с силой буржуазии в других странах крайне мизерна. Капиталисты владеют 6% всего национального имущества СССР. С другой стороны, материалы, приводимые т. Лариным, показывают возмож-

ность усилить налоговый нажим на капиталистов. Последние правительственные директивы о налогах на сверхприбыль подтверждают это.

Говоря об этой эволюции частного капитала, т. Ларин указывает на стремление создать *замкнутый круг* капиталистического хозяйства. «Здесь своего рода попытка создать экономическое «государство в государстве», создать такую цепь связей, при которой некоторые хозяйственные процессы, от истоков возникновения до конечного потребления, целиком организованы были бы капиталистически... Распространена, например, такая цепь: сначала заготовка *сырья* капиталистами; потом переработка его на капиталистических *фабриках или кустарями*, которых капиталист *снабжает* сырьем; затем идет организация капиталистами *торговли* соответствующими изделиями. И во главе всего этого—капиталистический *кредит*, который финансирует и играет решающую роль» (стр. 282).

Возможно более сузить и затем разбить этот круг—задача нашей экономической политики.

Книга тов. Ларина—добросовестная, хорошая книга. Если бы на место сотен и тысяч экземпляров рухляди и хлама, которыми запружена наша литература, чаще появлялись *конкретные* описания наших врагов и успехов нашей промышленности, было бы куда лучше.

В книге, столь багатой фактическим материалом, как книга тов. Ларина, вполне естественно могут оказаться некоторые «прегрешения» против действительности. Другие исследования уточнят вопрос.

Книга написана простым и понятным языком и с большим интересом будет прочитана беспартийными рабочими и коммунистами.

Только «частнокапиталистическая» госиздатовская цена книги прямо-таки безбожна.

М. Райек.

Опечатка.

В № 19—20 «Большевика» на стр. 105 в статье тов. Г. Викторова «Империалистическая Франция и СССР» конец первого абзаца следует читать: «Эти два момента—удовлетворение мелких держателей и поощрение отечественной промышленности могли побудить французскую делегацию, **составленную еще при правительстве левого блока, принять»**... и т. д.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, В. Молотов, А. Слепков, Е. Ярославский.